

#11 (15), 2016 część 1

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#11 (15), 2016 part 1

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРА

Петроченко Ю.Е. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНТЕРЬЕР ЗДАНИЙ КРАСНОЯРСКА – О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ПОТОМКАМ СТАРИННЫЕ ФОТОСНИМКИ?	5
---	---

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Mytsyk N. Y., Olkhovych N. V., Gorovenko N. G. HIGH FREQUENCY OF MUTATION P.HIS281TYR IN PATIENTS WITH GM1-GANGLIOSIDOSIS IN UKRAINE.....	12
--	----

Мустафаева З.А., Мирзаев У.Т., Холмурадова Т.Н. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОДНЫХ БИОЦЕНОЗОВ ВОДОЕМОВ БАССЕЙНА РЕКИ ЗАРАФШАН ...	16
---	----

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

Талыбов С.А. РОЛЬ ТУРИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛЯНКРАН- АСТАРИНСКОГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНА АЗЕРБАЙДЖАНА	22
---	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Рыжова О.О. ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА В ИКОНОПИСИ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ конца XVII - начала XIX века	28
---	----

Ян Цзюань ПУТИ И СРЕДСТВА УТВЕРЖДЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТРАДИЦИЙ БАЛЕТНОГО И ФОРТЕПИАННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В ЯПОНИИ, КИТАЕ И КОРЕЕ	37
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Торопицын И.В. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР: УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ С ПОЛЬШЕЙ ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ В XVII В.	42
---	----

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Шапкайц В.А., Добровольская И.А., Рукояткина Е.А., Беженарь В.Ф. ПЕРИНАТАЛЬНЫЕ ИСХОДЫ ПРИ ТАЗОВЫХ ПРЕДЛЕЖАНИЯХ ПЛОДА.....	46
---	----

Емельянова Н.Ю., Колесникова Е.Н. ОСОБЕННОСТИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ У ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ОБСТРУКТИВНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ЛЕГКИХ	52
--	----

Марута Н.О., Федченко В.Ю., Каленська Г.Ю., Панько Т.В., Семікіна О.Є. АНАЛІЗ СУБ'ЕКТИВНОГО СПРИЙНЯТТЯ СВОГО СТАНУ ХВОРИМИ НА ДЕПРЕСИВНІ РОЗЛАДИ	58
--	----

Завьялова В.В., Левонян К.Р., Читанова Т.В., Киселева А.А., Маркова С.А., Карданова С.А. МЕДИЦИНСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОДАРА ПО ВОПРОСАМ ПРОФИЛАКТИКИ РАКА МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ	68
--	----

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Истомина С.А. ИНТЕРАКТИВНОЕ ГОМЕОСТАТИРОВАНИЕ В ПРОГНАТАЦИОННОЙ ДИАЛЕКТИКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭПИЗОТРОНИИ.....	71
---	----

Ожигин С.Г., Низаметдинов Ф.К., Ожигина С.Б., Ожигин Д.С. МАРКШЕЙДЕРСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИБОРТОВЫХ МАССИВОВ КАРЬЕРОВ КАЗАХСТАНА.....	74
--	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Batchinskaya N. V

BADANIE WSKAŹNIKÓW UKŁADU SERCOWO-NACZYNIOWEGO ZAWODNICZEK AKROBACJI
GRUPOWEJ W DYNAMICE OKRESU MENSTRUACYJNEGO 82

Вошколуп А.

КОМПОНЕНТНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ» 85

Жураев А.Х., Абдуллаев М.К.,

ПРЕПОДАВАТЬ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ ПО-СОВРЕМЕННОМУ В УЗБЕКИСТАНЕ 94

Кускова И.В.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 97

Лапина О. А., Шапошникова А. И.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ АКТИВИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ 99

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ганяк В.Й.

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ В ОТНОШЕНИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ
РАСКОЛА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 105

Костецька Л.М.

ПОЛІТИЧНА КРИЗА ПУБЛІЧНОГО УПРАВЛІННЯ В УКРАЇНІ 112

Яценко Т.

БАГАТОРІВНЕВЕ УПРАВЛІННЯ: АСПЕКТ ПЛАНУВАННЯ ТЕРИТОРІАЛЬНОГО РОЗВИТКУ 119

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Савина М. В.

СПЕЦИФИКА СУПРУЖЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
СЕМЬЯХ ЖЕНЩИН С НАРУШЕНИЕМ ЗДОРОВЬЯ СЕМЬИ И РАЗЛИЧНЫМ АДДИКТИВНЫМ
СТАТУСОМ 124

Мухаровская И.Р.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ НА ЭТАПЕ ПЕРВИЧНОГО
И ПОВТОРНОГО ОБРАЩЕНИЯ ЗА ПРОТИВООПУХОЛЕВЫМ ЛЕЧЕНИЕМ 132

Юдин М.А.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ С ДИСГАРМОНИЧНЫМ
САМООТНОШЕНИЕМ 135

АРХИТЕКТУРА

УДК 72.012.8

*Петроченко Юлия Евгеньевна**студент института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Россия,**Красноярск**Petrochenko Julia**student of the Institute of Architecture and Design of the Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk*

THE HISTORICAL INTERIOR OF KRASNOYARSK'S BUILDINGS – WHAT TELL DESCENDANTS LONGSTANDING PHOTOGRAPHS? ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНТЕРЬЕР ЗДАНИЙ КРАСНОЯРСКА – О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ПОТОМКАМ СТАРИННЫЕ ФОТОСНИМКИ?

Abstract: The article is devoted to the search and analysis of the extant historical photographs of interiors of buildings in Krasnoyarsk on social networks and information bases the Internet. In contrast to the historical photographs of exteriors of buildings, interior photos occur rarely and information about them is not structured. During the research photographs were classified according to the type of interiors and abundant interiors were specified. On the basis of this work a list of sources is composed and described, that can be accessed in the search of photographs of historical interiors.

Keywords: historic interior, Krasnoyarsk, photographic materials, cultural heritage, Kuznetsov's town house, type of interiors.

Аннотация: Статья посвящена поиску и анализу сохранившихся исторических фотографий интерьеров зданий Красноярска в социальных сетях и информационных базах Интернет. В отличие от исторических фотографий экстерьеров зданий, фотографии интерьеров встречаются реже, и информация о них не структурирована. В ходе исследования фотографии были классифицированы в зависимости от типа изображенных интерьеров, выявлены наиболее часто фотографируемые помещения. На основе проделанной работы составляется и описывается перечень источников, к которым можно обратиться в поисках фотоматериалов исторических интерьеров.

Ключевые слова: исторический интерьер, Красноярск, фотоматериалы, культурное наследие, Кузнецовское подворье, типология интерьеров.

Окружающая человека предметная среда во все времена являлась и является одним из главных источников сведений об интересах, ценностях, вкусах общества. Обустройство жилого и общественного интерьера разных эпох – один из таких визуальных источников.

Сибирь, как территория градостроительного включения широкого спектра традиций переселенцев, осваивавших ее на протяжении уже четырехсот лет, является пространством отражения синтезированной архитектуры, предметной культуры окружающего пространства [1, 2, 3].

Сибирский город Красноярск – с богатой историей, культурой и архитектурой. Старинные постройки в центре вызывают интерес как у профессионалов-архитекторов, так и у обычных жителей города. Сохранилось достаточно большое количество информации о фасадах зданий в виде чертежей, зарисовок и фотографий, по которым можно составить впечатление об облике исторических зданий и которые могут быть использованы при реконструкции. Найти источники с информацией по внешнему виду зданий не составляет большого труда [3].

Однако информация об источниках с историческими фотографиями интерьеров красноярских зданий на сегодняшний день не структурирована. Затруднен поиск иконографической документации по историческим интерьерам зданий в Красноярске,

представление об интерьерах прошлого в зданиях нашего города складывается неполное или отсутствует. Существует необходимость создания упорядоченного перечня источников, где можно найти исторические фотографии интерьеров Красноярска. Анализ сохранившихся фотографий способствует выявлению наиболее часто встречающихся или повторяющихся изображений интерьеров.

Наше исследование сосредоточим на источниках электронной информации в глобальной сети Интернет – специализированных, краеведческих сайтах, социальных сетях.

Доступность знаний об историческом прошлом городов, поселений в последние годы получает новые возможности. Современные технологии хранения и обмена информацией сегодня широко используются активными пользователями сети Интернет.

Объектом исследования является исторический интерьер зданий Красноярска на фотографиях. Предмет исследования – сохранность и упорядочивание исторических фотографий с изображениями интерьеров красноярских зданий.

Целью работы является сформированный перечень источников для поиска исторических фотографий интерьера и классификация сохранившиеся фотографий по функциональному назначению интерьеров. Были поставлены следующие задачи: изучить научную литературу на наличие в источниках

исторических фотографий интерьеров в Красноярске; определить перечень источников, в которых имеются фотографии исторических интерьеров; проанализировать фотографии и составить диаграмму, отражающую количество найденных фотографий в соответствии с функциональным назначением интерьеров.

В качестве методов исследования были выбраны: изучение фотоматериалов, которые сделаны более 40 лет назад, и научной литературы, сопровождающей их; анализ литературы и материалов сети Internet, фиксация сайтов, содержащих исторические фотоматериалы по данной теме; составление библиографии.

Для исследования был выявлен круг источников, содержащих информацию об исторических интерьерах зданий г. Красноярска. Такой список составили следующие источники из сети Internet:

- «Красное место». URL: <http://www.krasplace.ru>
- Архитектура Красноярска и Красноярского края. URL: www.naov.ru
- Фотосайт Красноярска. URL: www.fotoyarsk.ru
- Краскомпас, раздел Фотогалерея, Дореволюционный Красноярск. URL:

<http://www.kraskompas.ru/fotogalerei/item/1072-dorevoljucionnyj-krasnoyarsk-zhiteli>

- Группа Вконтакте «Исторический Красноярск». URL: <https://vk.com/historickrasnoyarsk>
- Группа Вконтакте «Красноярск нашего детства». URL: https://vk.com/krk_retro
- Энциклопедия Красноярского края. Памятники архитектуры. URL: http://my.krskstate.ru/docs/architecture_monuments/
- Блог «Записки скучного человека». URL: <http://humus.livejournal.com/>

На основании собранного материала выяснилось, что сохранившиеся фотографии в большинстве своем фотографии домов зажиточных людей Красноярска (купцы, золотопромышленники, врачи и т.п.). Количество найденного материала отражено на рисунке 1, из него же видно, что по большей части сохранились фотографии интерьеров домов зажиточных красноярцев (дома Кузнецовых, Проскуряковых, Светлакова, Коновалова, Саввиных и т.д.). В основном сохранились фотографии гостиных, рабочих кабинетов, залов. Мы видим богатое убранство, деревянную мебель, картины в массивных рамах, лепнину на стенах, большое количество цветов в комнатах.

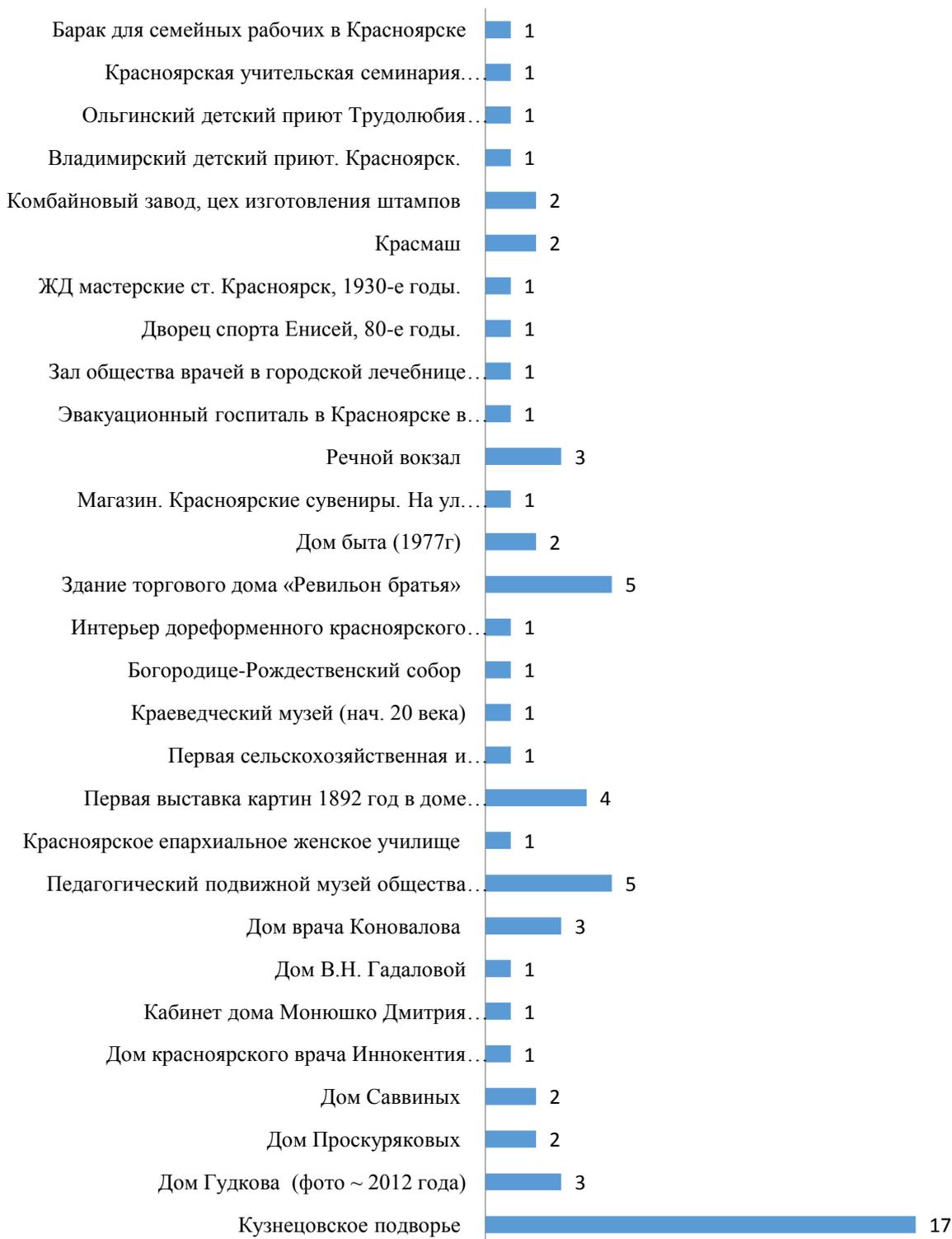

Рисунок 1. Количество найденного фотоматериала по функциональному назначению

В большом количестве представлены фотографии интерьеров подворья Кузнецовых (семейство Кузнецовых – потомки первого красноярского купца первой гильдии И. К. Кузнецова).

Посетивший Красноярск в 1885 г., американский путешественник Дж. Кеннан писал: «В доме по стенам висели картины известных русских, французских и английских художников, было много вещей, указывавших на безупречный вкус хозяев – двух сестер и трех братьев (остальные дети

были в отъезде – на обучении). Все они бегло говорили по-английски и не раз бывали за границей». Тогда же за домом Кузнецовых с зимним садом на ул. Воскресенской закрепилась слава «художественной галереи» [1, с. 187].

Фотографии интерьеров Кузнецовского подворья были взяты на сайте «Красное место. История Красноярска и Енисейской губернии в старых фотографиях, документах и воспоминаниях» [16]. Некоторые из фотографий, представленных на этом

сайте, можно встретить в группе «Исторический Красноярск» соцсети Вконтакте [8].

В меньшем количестве имеются фотографии общественных зданий Красноярска (речной вокзал, суд, педагогический подвижной музей). Фотографии интерьеров среднего и бедного классов населения встречаются редко или отсутствуют полностью (возможность создания фотографий была не у каждой семьи, для этих групп населения создавались в основном портреты, исключая захват интерьера в кадр).

По типологии интерьеры на фотографиях разделяются на жилые, общественные, культовые, промышленные, культурно-просветительские, медицинские и спортивные (рис. 2). Наибольший процент составляют интерьеры жилых и общественных зданий. Далее следуют интерьеры культурно-просветительских зданий (училища, музеи, выставочные залы). В наименьшем количестве представлены фотографии спортивных и культовых сооружений.

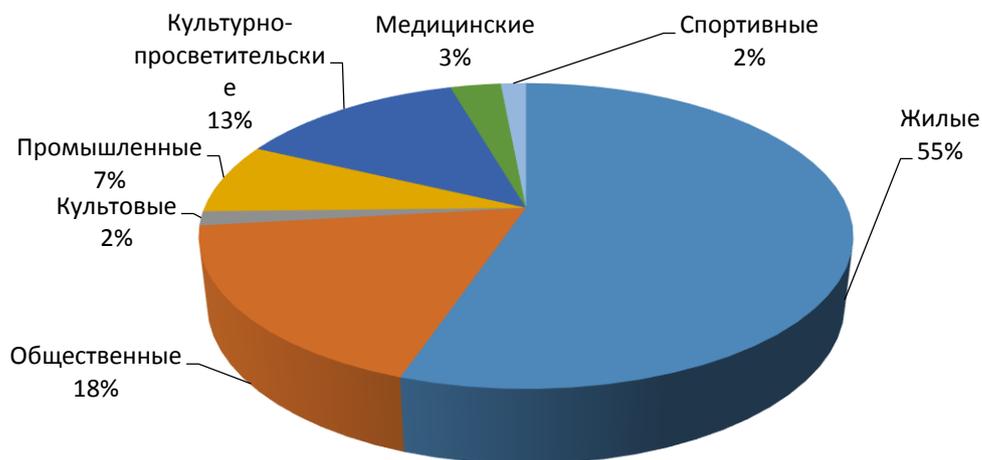

Рисунок 2 – типология представленных интерьеров на исторических фотографиях

В жилых домах сохранились фотографии следующих помещений: гостиная, жилые комнаты, ка-

бинет, столовая, детская комната, классная комната, комната отдыха и занятий, зимний сад (рис. 3).

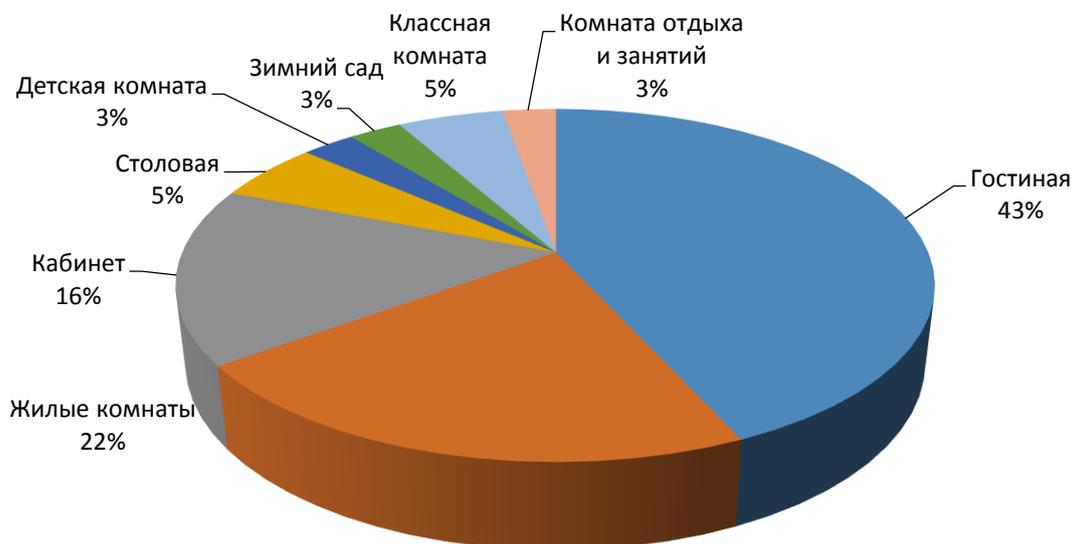

Рисунок 3 – типология помещений жилых зданий на сохранившихся фотографиях

Не были найдены фотографии спален, будuarов; исключение – фотография детской комнаты с ребенком в доме врача Коновалова (рис. 4). Напротив, в большом количестве представлены гостиные

(целиком и фрагментами), жилые комнаты, кабинеты, столовые (рис. 5).

Рисунок 4 - Фрагмент детской комнаты с маленьким ребенком в доме врача П.И. Коновалова [7]

Рисунок 5 - Фрагмент гостиной и кабинета в доме первого провизора Красноярского музея П.С. Проскурякова [7]

В доме Александры Петровны Кузнецовой существовала комната для занятий или, как ее тогда называли, «класная комната». В ней занимались иногда ее племянники (детей у Александры Петровны не было) [10].

В ходе поиска информации выяснилось, что одни и те же фотографии присутствуют на нескольких сайтах в одном и том же количестве и составе. Так, например, фотографии интерьеров Кузнецовского подворья (рис. 6) можно найти на сайте «Красное место», «живом журнале» автора Numus,

в группах соцсети Вконтакте, посвященных фотографиям исторического Красноярска. Эти фотографии являются своего рода визитной карточкой, если речь идет об интерьерах исторических зданий Красноярска, т.к. встречаются чаще всего и в большем количестве.

На сайте «Красное место» размещено самое большое количество старинных фотографий с интерьерами красноярских зданий, а также представлено подробное описание зданий с исторической справкой.

Рисунок 6 - Внутренний вид жилых комнат в доме Евдокии Петровны Кузнецовой [14]

На втором месте по доступности информации находятся сайты Архитектуры Красноярск и Красноярского края и Фотосайт Красноярск. На сайте Naov.ru представлены по большей части чертежи планов и фасадов, фотографии экстерьеров исторических построек, а также в небольшом количестве представлены интерьеры некоторых зданий. Фотосайт примечателен качественной подборкой исторических фотографий, однако интерьеры попадаются редко.

Сайт Краспортал примечателен скоплением большого количества информации. На нем представлена навигация по красноярским музеям, театрам, библиотекам и т.д., а также собрано большой фотоматериал. На данном сайте, помимо фотографий экстерьеров, встречаются портреты жителей и интерьеры Красноярск.

Еще одним источником информации по историческому интерьеру стали группы Вконтакте, куда пользователи выкладывают фотографии, найденные ими в Интернете, или в семейных архивах, в том числе встречаются интерьеры.

В ходе поисков информации было найдено несравнимо большее количество фотографий и материалов об интерьерах исторических зданий в Санкт-Петербурге, Москве, нежели в Красноярск. Вероятно, было больше возможностей запечатлеть здания изнутри в столицах, чем в удаленных городах. Но всё же те материалы, что мы имеем о Красноярск, вполне позволяют составить представление по меньшей мере о жизни горожан из высших сословий Красноярск.

Список литературы

1. Гевель Е. В. Образ города в Красноярском Урочище. Красноярск: Версо, 2012. С.176-193.
2. Слабуха А.В. Архитектура и градостроительство Приенисейской Сибири. Красноярск: КрасГАСА, 2004. 106 с.

3. Слабуха А. В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX-начало XXI века: Иллюстрированный биографический словарь: 540 имен. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 432 с.

4. Слабуха А.В. Градостроительное освоение Приенисейского края в XVII—XX веках. Учебное пособие. Красноярск: КрасГАСА, 1998. 204 с.

5. Архитектура Красноярск и Красноярского края. Исторические фотографии Речного вокзала, ул. Дубровинского, 1, г. Красноярск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naov.ru/objects/photos/istoricheskie-fotografii-rechnogo-vokzala-ul-dubrovinskogo-1-g-krasnoyarsk.html> (дата обращения: 25.10.16)

6. Блог «Записки скучного человека». Дом Евдокии Петровны Кузнецовой, дочери золотопромышленника П.И. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://humus.livejournal.com/2278082.html> (дата обращения: 27.10.16)

7. Блог «Записки скучного человека». Россия в интерьерах. Часть 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://humus.livejournal.com/4657666.html> (дата обращения: 28.10.16)

8. Вконтакте. Группа Исторический Красноярск. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/historickrasnoyarsk> (дата обращения: 6.11.16)

9. Вконтакте. Группа Красноярск нашего детства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/krk_retro (дата обращения: 7.11.16)

10. Вконтакте. Группа Покажи Красноярск. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/album-48940959_173609526 (дата обращения: 16.11.16)

11. «Краскомпас. Портал для тех, кто любит Красноярск». Фотогалерея-Дореволюционный Красноярск- Жители. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.kraskompass.ru/fotogalerei/item/1072-dorevoljucionnyj-krasnoyarsk-zhiteli.html#prettyPhoto> (дата обращения: 3.11.16)

12. Красное место. Епархиальное женское училище [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/eparxialnoe-zhenskoe-uchilishhe> (дата обращения: 24.10.16)

13. Красное место. Деревянный дом усадьбы А. А. Саввиных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/derevyannyj-dom-usadby-a-a-savvinux> (дата обращения: 23.10.16)

14. Красное место. Здание торгового дома «Ревильон братья» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/zdanie-torgovogo-doma-revilon-bratya> (дата обращения: 24.10.16)

15. Красное место. Кафедральный собор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/kafedralnyj-sobor> (дата обращения: 23.10.16)

16. Красное место. Кузнецовское подворье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/kuznecovskoe-podvore> (дата обращения: 23.10.16)

17. Красное место. Первая выставка картин в Красноярске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/pervaya-vystavka-kartin-v-krasnoyarske> (дата обращения: 25.10.16)

18. Красное место. Первая сельскохозяйственная и промышленная выставка в Красноярске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/pervaya-selskoxozyajstvennaya-i-promyshlennaya-vystavka-v-krasnoyarske> (дата обращения: 25.10.16)

19. Энциклопедия Красноярского края. Здание городской лечебницы Общества врачей, Красноярск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://my.krskstate.ru/docs/architecture_monuments/zdanie-gorodskoy-lechebnitsy-obshchestva-vrachey-krasnoyarsk/ (дата обращения: 25.10.16)

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Mytsyk N. Y.

biologist of laboratory genetic diagnostics

SI "Institute of Genetic and Regenerative Medicine NAMS of Ukraine", Kyiv.

Olkhovych N. V.

assistant of the department of genetic diagnostics

SI "Institute of Genetic and Regenerative Medicine NAMS of Ukraine", Kyiv.

Gorovenko N. G.

Doctor of medicine, professor

SI "Institute of Genetic and Regenerative Medicine NAMS of Ukraine", Kyiv.

HIGH FREQUENCY OF MUTATION P.HIS281TYR IN PATIENTS WITH GM1-GANGLIOSIDOSIS IN UKRAINE

Summary: GM1-gangliosidosis is a severe neurodegenerative disorder with autosomal recessive mode of inheritance. The disorder is related to acid beta-galactosidase deficiency, which is conditioned by mutations in gene *GLB1*.

The mutation analysis of gene *GLB1* in 26 Ukrainian patients, diagnosed with GM1-gangliosidosis, revealed 15 pathogenic mutations in different exons. The most frequent mutation was missense mutation p.His281Tyr in exon 8, which was found in 16 out of 26 patients – 4 patients had it in homozygous state and 12 – in heterozygous state, which amounted to 38.5 % of all the mutations revealed and may be considered as the major mutation for this population.

Key words: GM1-gangliosidosis, gene *GLB*, β -galactosidase, p.His281Tyr

Introduction. GM1-gangliosidosis is a lysosomal disease of autosomal-recessive hereditary type, which is related to mutations in gene *GLB1*, encoding the protein of acid β -galactosidase. The general incidence rate of this disease in the world is 1:100,000–1:200,000 newborns [1, 391-396]. The mutations in gene *GLB1* lead to the deficiency in acid β -galactosidase, and, as a result, the accumulation of GM1-gangliosidosis in the patients' lysosomes, which triggers the development of a severe progressing neurodegenerative disorder. Taking into consideration the age of the disease manifestation and the severity of the clinical course, GM1-gangliosidosis is divided into three clinical forms: type I (infantile form), type II (juvenile form), type III (adult form). In patients with the infantile form, the disease is manifested during their first six months of life with severe pathology of the central nervous system, hepatosplenomegaly, and skeletal anomalies. The juvenile form is characterized by neurological changes and disorders in the locomotor system which have slow progression; the first symptoms of the disease are manifested at the age from 7 months to 3 years old. The adult form of the disease is manifested at the age from 3 to 30 years old and is characterized by the disorders in the coordination of movements, dystonia, developmental language disorders, short stature and moderate changes in the skeleton.

Gene *GLB1* is mapped on chromosome 3 in locus 3p21-p14.2, is 62.5 kb long, consists of 16 exons and encodes 677 aminoacid residues [2, 403-404]. At present 144 mutations, associated with GM1-gangliosidosis, have been described for gene *GLB1*, 109 of which are missence/nonsense mutations, 14 – deletions, 10 – insertions, 11 – mutations, causing splicing disorders [3, 173-181]. The mutations in gene *GLB1* are remarkable for high fluctuations in the frequency of specific mutations in different populations,

there is no mutation, which could be considered major for many countries. However, there are some mutations, the frequency of which is high in some populations. In particular, in Brazil the mutation c.1622–1627insG among the studied patients with GM1-gangliosidosis was found in 50 % alleles, and the mutation p.R59H – in 19 % alleles. Contrary to the incidence rates for the world, the mutation c.1622–1627insG was described only for Brazilian patients, except for one patient from Uruguay [4, 113-116], the mutation p.R59H is common for Spanish patients (28 %) of Gipsy origin [5, 1060-1071].

Until today, there has been no analysis of the mutations in gene *GLB1* for Ukrainian patients with GM1-gangliosidosis and their frequencies are unknown.

The aim of our work was to search for major mutations in *GLB1* gene in Ukrainian patients with GM1-gangliosidosis.

Materials and Methods

The analysis of mutations in gene *GLB1* was conducted in 26 patients from different regions of Ukraine, who visited the Medical Genetics Center (MGC) and the Center of Orphan Diseases (COD) of NCSH OKHMATDYT of the Ministry of Health of Ukraine to have a consultation regarding alleged presence of hereditary metabolic disorders. There was a preliminary diagnosis of GM1-gangliosidosis for the patients of the search group, determined by the results of the activity of acid β -galactosidase [6, 222-225]. The method of single strand conformational polymorphism of DNA fragments (SSCP) was used for primary screening of exons in *GLB1* gene, which contain any changes [7, 3121-3128]. The final search for mutations was made by the Sanger's method of direct automated sequencing of the required exon [8, 286] using ABI Prism 3100 device (Applied Biosystems) according to the manufacturer's protocol. The selection of primers for each of 16

exons of gene *GLB1* was conducted using Primer3 program, web-version 4.0.0 (<http://bioinfo.ut.ee/primer3/>). The analysis of sequencing results was made using programs Chromas and BLAST (<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/blast>).

Results and discussion

The mutational analysis of gene *GLB1* in 26 Ukrainian patients from different regions of Ukraine with the determined diagnosis of GM1-gangliosidosis revealed 15 pathogenic mutations (<http://www.hgmd.cf.ac.uk>), the majority of which were localized in exons 2, 6, 7, and 8 (the data of the studies have not been published yet). The most frequent mutation was found to be the missence-mutation p.His281Tyr (c.841C>T) in exon 8, which was found

in at least one allele in 16 out of 26 patients (61.5 %), which was 20 out of 52 (38.5 %) mutant alleles of all the studied patients with GM1-gangliosidosis. This mutation was present in 4 patients in the homozygous state and 12 patients – in the heterozygous state. Such high frequency of this mutation allows considering it to be major for Ukraine.

The mutation p.His281Tyr (c.841C>T) in gene *GLB1* was first described by E. Paschke (2001) for one patient with GM1-gangliosidosis with severe neurological pathology [9, 159-166].

The analysis of the data, published in recent 10 years regarding the distribution of the mutation p.His281Tyr in other populations, was conducted by us (Table 1).

Table 1

Distribution of mutations p.His281Tyr (c.841C>T) in different populations.

Country	The number of alleles with mutation p.His281Tyr of the general study of alleles	Frequency, %	References
Ukraine	20/52	38,5	This work
Argentina	0/38	0	Santamaria R. et al., 2007 [10, 273-279]
Brazil	0/130	0	Fernanda Sperb et al., 2013 [4, 113-116]
Portugal	2/28	7	Coutinho MF et al., 2012 [11, 379-393]
Austria	0/32	0	Hofer D. et al., 2010 [12, 236-246]
Germany	1/34	3	Paschke E. et al., 2001 [9, 159-166]
Spain	0/14	0	Santamaria R. et al., 2007 [13, 2275-2282]
Italy	2/50	4	Caciotti et al., 2011 [14, 782-790]
UAE	0/28	0	Fatma A. et al., 2013 [15, 1-9]
Turkey	0/10	0	Başak Çeltikçi et al., 2012 [16, 571-574]
India	0/100	0	Bidchol, A.M., et al., 2015 [3, 173-181]
China	0/10	0	Yang et al., 2010 [17, 79-87], Hong-Lin Lei et al., 2012 [18, 359-362]

The result of the analysis demonstrated that the mutation p.His281Tyr (c.841C>T) was described for single cases of patients from Germany, Italy, and Portugal, whereas no allele with this replacement was identified in other countries. This fact may testify to a considerably higher frequency of this mutation in Ukraine, compared to most countries.

The molecule of acid human β -galactosidase (EC 3.2.1.23, β -Gal) is a protein, consisting of three domains, which is in the monomer form at neutral pH (Fig. 1) [19, 1801-1812].

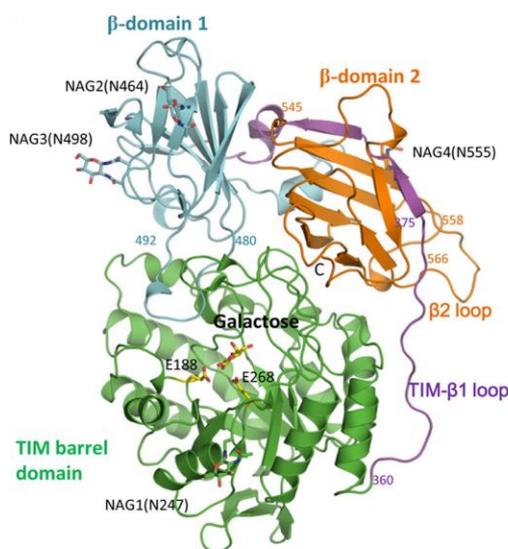

Fig.1 The domain organization of the human protein molecule β -Gal [19, 1801-1812].

In conditions of acid pH of the lysosome (pH 4–5) the molecule of human β -galactosidase acquires its active form by dimerization. The studies of the molecule structure of acid human β -galactosidase and the impact of mutations in gene *GLB1* on it, conducted by Ohto *et al.*, demonstrated that amino acid His281 is localized on the protein surface, and its replacement (in particular, in case of mutation p.His281Tyr) may result in the disorder of electrostatic properties of the surface of acid β -galactosidase protein, which may disturb the dimerization [19, 1801-1812]. Such structural and functional changes in the enzyme molecule lead to the decrease in the activity of this enzyme in lysosomes, and, as a result, in the occurrence of disorders, notable for GM1-gangliosidosis.

The level of activity of acid β -galactosidase in the patients with GM1-gangliosidosis, observed by us, was greatly decreased; it was from 0 to 4.2 % from the normal activity of the enzyme and was not different for the patients with the mutation p.His281Tyr, compared to

other patients. The manifestation of the disease in the patients with this mutation occurred within the period from 3 to 6 months both for homo- and heterozygous state. Almost all the patients with this mutation had early infantile form of GM1-gangliosidosis with severe neurological symptoms. Only one patient with genotype p.His281Tyr/Arg201His had the adult form of GM1-gangliosidosis with milder clinical course, which may be conditioned by the softening effect of mutation Arg201His on the phenotype of the disease [20, 204-215].

The distribution frequency of mutation p.His281Tyr in the patients with GM1-gangliosidosis was analyzed by us in different regions of Ukraine. Fig. 2 demonstrates the map of Ukraine with the regions, where the patients with GM1-gangliosidosis, identified by us, live, and the number of alleles with the mutation p.His281tyr compared to the total number of mutant alleles, identified in this region.

Fig. 3 Distribution of mutation p.His281Tyr (c.841C>T) in patients with GM1-gangliosidosis in regions of Ukraine.

The analysis of the information about the territorial distribution of the identified families, suffering from the mutation p.His281Tyr (c.841C>T), demonstrated that most alleles with this mutation (14 out of 20, or 70 %) were identified in patients from western regions of the country. This high frequency of the mutation in the western regions of Ukraine may be conditioned by the founder effect [21, 592], related to a specific ethnic group of population due to geographic specificities of this territory with rather isolated settlements with small number of population, located at a great distance from each other.

Therefore, the mutational analysis of gene *GLB1* in the Ukrainian patients with GM1-gangliosidosis demonstrated that, contrary to other populations, the missense-mutation p.His281Tyr (c.841C>T) is highly frequent for Ukrainian patients (38.5 %), thus it may be considered major for this population, first of all, for western regions of the country. These results may be used to elaborate the most rational algorithm of molecular diagnostics of GM1-gangliosidosis, using convenient and fast methods (allele-specific PCR, restriction analysis) of identifying the mutation p.His281Tyr (c.841C>T), which would promote enhancing the quality and efficiency of GM1-gangliosidosis in Ukraine.

Conclusions.

1. The molecular-genetic analysis of gene *GLB1* in 26 Ukrainian patients with the determined diagnosis of GM1-gangliosidosis revealed the missense mutation p.His281Tyr (c.841C>T) in 16 patients with the allele frequency of 38.5 %.

2. Contrary to other populations, the missense mutation p.His281Tyr (c.841C>T) has a high incidence rate among Ukrainian patients with GM1-gangliosidosis and may be considered to be the major mutation for this population.

3. High incidence rate for the mutation p.His281Tyr (c.841C>T) in the western regions of Ukraine, where the share of alleles with this mutation was 70 % regarding other regions of the country, may be viewed as the founder effect, related to ethnic and geographic specificities of this territory.

References.

- Nicola Brunetti-Pierri, Fernando Scaglia. 2008. "GM1 gangliosidosis: Review of clinical, molecular, and therapeutic aspects". *Molecular Genetics and Metabolism*. 94: 391–396.
- Takano, T., Y. Yamanouchi. 1993. "Assignment of human beta-galactosidase-A gene to 3p21.33 by fluorescence in situ hybridization". *Hum. Genet*. 92: 403–404.
- Abdul Mueed Bidchol, Ashwin Dalal, Rakesh Trivedi et al. 2015. "Recurrent and novel GLB1 mutations in India". *Gene*. 567 (2): 173–181.
- Fernanda Sperb, Filippo Vairo, Maira Burin, Fabiana Quoos Mayer. 2013. "Genotypic and phenotypic characterization of Brazilian patients with GM1 gangliosidosis". *Gene*. 512: 113–116.
- Raül Santamaria, Amparo Chabás, Maria Josep Coll, Clara Sa Miranda, Lluïsa Vilageliu, and Daniel Grinberg. 2006. "Twenty-one Novel Mutations in the GLB1 Gene. Identified in a Large Group of GM1-Gangliosidosis and Morquio B Patients: Possible Common Origin for the Prevalent p.R59H Mutation Among Gypsies". *Human mutation*. 27 (10): 1060–1071.
- Mytsyk N. Y., Olkhovych N. V., Gorovenko N. G. 2016. "Selective biochemical screening lysosomal storage diseases by TLC of oligosaccharides". *Visnyk problem biologii i medicyny*. 126 (1): 222–225.
- Gasser R., Hu M, Chilton NB, Campbell BE, Jex AJ, Otranto D, Cafarchia C, Beveridge I, Zhu X. 2006. "Single-stand conformation polymorphism (SSCP) for the analysis of genetic variation". *Nature protocols*. 6 (1): 3121–3128.
- Gorbunova VN, Baranov VS. 1997. Introduction to molecular biology and gene therapy of inherited diseases. Special literature: St. Petersburg. 286 p.
- Paschke E., Milos I., Kreithner Erlacher H., Hoefler G., Hoeltzenbein M., Kleijer W., Levande T., Michelakakis H., Radewa B. 2001. "Mutation analyses in 17 patients with deficiency in acid beta-galactosidase: three novel point mutations and high correlation of mutation W273L with Morquio disease type B". *Hum.Genet*. 109: 159–166.
- Santamaria R., Blanco M, Chabar A, Grinberg D, Vilageliu L. 2007. "Identification of 14 novel GLB1 mutations, including five deletions, in 19 patients with GM1 gangliosidosis from South America". *Clin Genet*. 71: 273–279.
- Coutinho MF, Lacerda L, Macedo-Ribeiro S, Baptista E, Ribeiro H, Prata MJ, Alves S. 2012. "Lysosomal multienzymatic complex-related diseases: a genetic study among Portuguese patients". *Clin Genet*. 81: 379–393.
- Hofer D., Paul K, Fantur K, Beck M, Roubergue A, Vellodi A, Poorthuis BJ, Michelakakis H, Plecko B, Paschke E. 2010. "Phenotype determining alleles in GM1 gangliosidosis patients bearing novel GLB1 mutations". *Clin Genet*. 78: 236–246.
- Santamaria R., Amparo Chabás, John W. Callahan, Daniel Grinberg and Lluïsa Vilageliu. 2007. "Expression and characterization of 14 GLB1 mutant alleles found in GM1-gangliosidosis and Morquio B patients". *Journal of Lipid Research*. 48 (10): 2275–2282.
- Anna Caciotti, Scott C Garman, Yadilette Rivera-Colón et al. 2011. "GM1 gangliosidosis and Morquio B disease: an update on genetic alterations and clinical findings". *Biochim Biophys Acta*. 7: 782–790.
- Fatma A. Al-Jasmi, Nafisa Tawfig, Ans Berniah, Bassam R. Ali, Mahmoud Taleb, Jozef L. Herotecant, Fatma Bastaki, Abdul-Kader Souid. 2013. "Prevalence and Novel Mutations of Lysosomal Storage Disorders in United Arab Emirates". *JIMD Rep*. 10: 1–9.
- Başak Çeltikçi, Halil İbrahim Aydın, Serap Sivri, Müjgan Sönmez, Meral Topçu, Hatice Asuman Özkara. 2012. "Four novel mutations in the β -galactosidase gene identified in infantile type of GM1 gangliosidosis". *Clinical Biochemistry*. 45: 571–574.
- Chi-Fan Yang, Jer-Yuarn Wu, Fuu-Jen Tsai. 2010. "Three novel beta-galactosidase gene mutations in Han Chinese patients with GM1 gangliosidosis are correlated with disease severity". *Journal of Biomedical Science*. 17: 79–87.
- Hong-Lin Lei, Jun Ye, Wen-Juan Qiu, Hui-Wen Zhang, Lian-Shu Han, Yu Wang, Xue-Fan Gu. 2012. "Beta-galactosidase deficiencies and novel GLB1 mutations in three Chinese patients with Morquio B disease or GM1 gangliosidosis". *World J Pediatr*. 8 (4): 359–362.
- Umeharu Ohto, Kimihito Usui, Toshinari Ochi, Kenjiro Yuki, Yoshinori Satow, Toshiyuki Shimizu. 2012. "Crystal Structure of Human β -Galactosidase". *Biological chemistry*. 287 (3): 1801–1812.
- Anna Caciotti, Maria Alice Donati, Elena Procopio, Mirella Filocamo, Wim Kleijer, Wim Wuyts, Bettina Blaumeiser, Alessandra d'Azzo, Lisa Simi, Claudio Orlando, Fiona McKenzie, Agata Fiumara, Enrico Zammarchi and Amelia Morrone. 2007. "GM1 Gangliosidosis: Molecular Analysis of Nine Patients and Development of an RT-PCR Assay for GLB1 Gene Expression Profiling". *Human Mutation*. 28 (2): 204–215.
- Sverdlov E.D. 2009. "Look at life through Window genome". Moscow. 1: 592 p.

Mustafaeva Z.A.

Junior scientific researcher,
Flora and Fauna Gene Pool Institute of AS RUz

Mirzaev U.T.

Head of laboratory of Hydrobiology & Ichthyology,
Senior scientific researcher

Flora and Fauna Gene Pool Institute of AS RUz

Holmuradova T.H.

Senior scientific researcher
Flora and Fauna Gene Pool Institute of AS RUz

Мустафаева Зури Асановна

младший научный сотрудник,

Институт генофонда растительного и животного мира АН РУз

Мирзаев Улугбек Тураевич

Заведующий лабораторией гидробиологии и ихтиологии,

старший научный сотрудник, кандидат биологических наук,

Институт генофонда растительного и животного мира АН РУз

Холмурадова Тўтигул Нафосовна

Старший научный сотрудник, кандидат биологических наук,

Институт генофонда растительного и животного мира АН РУз

THE CURRENT STATE OF AQUATIC BIOCECENOSIS IN WATER BODIES OF THE ZARAFSHAN RIVER BASIN СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОДНЫХ БИОЦЕНОЗОВ ВОДОЕМОВ БАССЕЙНА РЕКИ ЗАРАФШАН

Summary: The materials for this article were the results of research of the current state of biodiversity of aquatic biocenosis, taxonomic of structure, species composition of hydrobions in water bodies of the Zarafshan River Basin (Samarkand and Bukhara regions).

Keywords: the Zarafshan River, phyto- and zooplankton, periphyton, macrophytes, zoobentos, fisherfauna.

Аннотация: Материалом для данной статьи послужили комплексные исследования современного состояния биоразнообразия водных биоценозов, таксономической структуры и видового состава гидробионтов водоемов бассейна реки Зарафшан (Самаркандской и Бухарской областей).

Ключевые слова: река Зарафшан, фито- и зоопланктон, перифитон, макрофиты, зообентос, ихтиофауна.

Введение. Река Зарафшан – третья по величине река в Узбекистане после рек Амударья и Сырдарья. Образуется среди горных хребтов и теснин слиянием рек Матча и Фандарья (свыше 5000 м) на территории Таджикистана (западные отроги Туркестанского, Гиссарского и Зарафшанского хребтов). В водосборе реки около 400 ледников. Длина реки – 877 км. В среднем течение – река выходит из горных теснин на территории Узбекистана (предгорная зона Самаркандской области), и несет свои воды по широкой многорусловой пойме по степям и полупустыням (всего на несколько сот километров), где воды реки интенсивно разбираются на орошение сельхозугодий, испарение и фильтрацию в почву, к устью (Навоийская и Бухарская области) река теряется в песках, не доходя до Амударьи. На равнинной части реки в ее воды поступают частично использованные сточные воды городов Самарканд, Каттакурган и Навои, а также часть дренажных вод после сельхозугодий, вследствие чего в низовьях повышается соленость воды до 0,27-2,4 г/л.

Для нужд поливного орошения и перераспределения годового стока воды в бассейне реки За-

рафшан в 1960-1970-х были построены водохранилища: Караултепинское, Акдарьинское, Каттакурганское, Куюмазарское, Тудакульское, Шуркульское, а также созданы более 60 регулируемых магистральных ирригационных каналов, дренажные каналы/коллектора с несколько более минерализованной водой, озера – накопители для сбора дренажной воды (Денгизкуль, Каракир, Тузкан, Хадича и др.). В настоящее время сток реки Зарафшан полностью зарегулирован.

Целью наших комплексных исследований было определение современного экологического состояния водных биоценозов, таксономической и пространственной структуры, видового состава гидробионтов водоемов бассейна реки Зарафшан (Самаркандской и Бухарской областей). Ранее проводились лишь отдельные гидрологические, гидробиологические или ихтиологические работы по отдельным показателям.

Материал и методы исследования.

Отбор проб фитопланктона и перифитона проводили по общепринятым альгологическим ме-

тодикам [5, 16], а для индентификации видового состава микроводорослей использовали определители [6, 11, 19].

Пробы зоопланктона отбирались и обрабатывались согласно методикам [5, 15]. Определение видового состава зоопланктона проводился с использованием общепринятых определителей [1, 7, 17].

Сбор высшей водной растительности проводили согласно общепринятой методике с использованием водяных грабелок [4], а индентификация видов проводилась с помощью определителей [2, 12].

Пробы зообентоса отбирались дночерпателем Петерсена (1/40 м²). Грунт промывался через газовое сито (№ 36), фиксировался 4% формалином, дальнейшая обработка осуществлялась согласно методикам [14, 16].

Сбор ихтиологического материала проводили набором ставных сетей по 25-50 м длиной и ячейей 15-70 мм, последовательно связанных в один рядок. Кроме того, анализировали уловы рыбаков. Обработку и анализ собранного материала проводили по общепринятым ихтиологическим методике и методами вариационной статистики [8, 13].

Результаты исследований. Для сравнительного анализа современного состояния водных биоценозов также был использован коллекционный материал, собранный в водоемах бассейна реки Зарафшан в 2009-2012, 2015 и 2016 годах (весна).

Таксономическая структура микроводорослей фитопланктонных и перифитонных сообществ исследованных водоемов и водных объектов бассейна реки Зарафшан приводятся в таблице 1.

Таблица 1.

Таксономическая структура фитопланктона и перифитона водоемов и водных объектов бассейна реки Зарафшан

Таксон / №	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Суанопхита	35	26	47	20	11	4	5	29	27	7
Василариопхита	53	87	100	95	22	21	42	55	23	91
Кризофита	-	2	1	-	-	-	-	-	-	1
Еугленопхита	3	-	3	1	-	-	-	-	4	1
Криптофита	3	3	3	2	2	-	-	1	1	-
Динофита	5	3	7	6	2	1	-	2	5	3
Хлорофита	20	15	25	18	13	9	6	15	13	8
кол-во видов	119	136	186	142	50	35	53	102	73	111

Примечание: I-IV – водоемы Бухарской области: I – Каттакурганское водохранилище; II – Шуркульское водохранилище; III – Тудакульское водохранилище; IV – Куюмазарское водохранилище; V-X – водные объекты Самаркандской области: V – канал Зарафшан перед впад. в оз. Тудакуль, 12.09.2010 г.; VI – к-л Зарафшан перед впад. в оз. Тудакуль, 16.02.2012 г.; VII – р. Зарафшан, 25.12.10 г.; VIII – р. Зарафшан, 08.07.12 г.; IX – р. Зарафшан, 05.04.16 г.; X – р. Пчатсай, перед впадением в р. Зарафшан, п. Кушрабат, 28.04.2016 г.

В весенних пробах фитопланктона и перифитона 2016 года исследованных водных объектов Самаркандской области было обнаружено и определено 201 вид, разновидностей и форм водорослей, из которых диатомовых (Bacillariophyta) – 139 видов, сине-зеленых (Cyanophyta) – 19 видов, зеленых (Chlorophyta) – 24 вида, еугленовых (Euglenophyta) – 7 видов, динофитовых (Dinophyta) – 6 видов, золотистых (Cryzophyta) – 4 вида и криптофитовых (Cryptophyta) – 2 вида.

Сине-зеленые водоросли (Cyanophyta) (9,45%) в пробах представлены в основном широко распространенными o-b-, b- и b-a-сапробными пресноводно-солонатоводными колониальными и нитчатными формами из родов *Gloeocapsa*, *Microcystis*, *Merismopedia*, *Dactylococopsis*, *Aphanotohece*, *Gomposphaeria*, *Oscillatoria*, *Phormidium*, *Lyngbya*, *Anabaena*. Численность сине-зеленых водорослей колебалась в пределах от 2693,750*10³ кл/л до

30050,0*10³ кл/л, биомасса от 0.0160 мг/мл до 0.1534 мг/мл.

Диатомовые водоросли (Bacillariophyta) в пробах фитопланктона и перифитона по таксономическому разнообразию занимают доминирующее положение (69,15%) и представлены широко распространенными пресноводными, пресноводно-солонатоводными o-, o-b-, b-сапробными и солонатоводными b-a, a-мезосапробными видами из родов *Melosira*, *Cyclotella*, *Synedra*, *Achnanthes*, *Cocconeis*, *Diatoma*, *Diploneis*, *Cymbella*, *Fragilaria*, *Gomphonema*, *Gyrosigma*, *Pleurosigma*, *Amphora*, *Bacillaria*, *Caloneis*, *Cymatopleura*, *Mastogloia*, *Navicula*, *Nitzschia*, *Rhoicosphenia*, *Surirella* и др. Многие виды из которых одновременно характерны для эвтрофированных водоемов и для биотопов со скоплением растительного детрита (*Asterionella gracillima* (Hantzsch.) Heib., *Amphipleura pellucida* Kutz., *Navicula cryptocephala* Kutz. с ее вариациями, *N.kolbei* Poretz.et Aniss., *N.protracta* Grun., *Nitzschia palea* (Kutz.) W. Sm., *Amphora ovalis* Kutz., *A.veneta* Kutz., *Mastogloia Smithii* Thw. и ее вариация и др.). Численность диатомей колебалась в пределах - 1525,0*10³ кл/л - 4475,0*10³ кл/л., а биомасса – от 0.9209 мг/мл – 3.8038 мг/мл.

Зеленые водоросли (Chlorophyta) на исследованных участках водоемов развивались умеренно-хорошо (11,95%) и были представлены в основном пресноводно-солонатоводными b-, b-a-сапробными видами из родов *Ankistrodesmus*, *Oocystis*, *Chlorocococcus*, *Chlorella*, *Carteria*, *Dicty-*

osphaerium, Scenedesmus, Tetraedron, Excentrosphaera, Palmodyctyon, Cosmarium, Coelastrum. Из нитчатых зеленых водорослей были отмечены *Ulothrix zonata* (Web. et Mohr.) Kutz., *Ul.variabilis* Kutz., *Cladophora glomerata* (L.) Kutz., *Zygnema sp.*, *Spirogyra sp.*, *Sp.inflata* (Vauch.) Rab., *Rhizoclonium hieroglyphicum* (Ag.) Kutz. и др. Численность зеленых колебалась – 337,500*10³ кл/л – 1312,50*10³ кл/л, биомасса соответственно – 0.1948 мг/мл - 0.7073 мг/мл.

С невысоким количественным развитием в пробах были отмечены эвгленовые (Euglenophyta), криптофитовые (Cryptophyta), динофитовые (Dinophyta) и золотистые (Cryzophyta) водоросли, численность которых колебалась от 6,250*10³ кл/л - 25,0*10³ кл/л до 531,250*10³ кл/л, а биомасса соответственно - 0.0085 мг/мл - 0.02767 мг/мл до

0.6174 мг/л. Доминантными видами были *Euglena acus* (Duj, Lemm.) Hubner, *E.oxyuris* Schmarada, *E.viridis* Ehr., *Phacus caudatus* Hübner, *Cryptomonas ovata* Ehr., *Glenodimum Borgei* (Lemm.) Schiller, *Gl.pygmaeum* (O.F.M.) Ehr., *Peridinium cinctum* (O.F.M.) Ehr., *Ceratium hirundinella* (O.F.M.) Bergh., *Dinobryon crenulatum* Ehr., *D.sociale* Ehr..

Зоопланктон. За время исследования в составе зоопланктона водоемов бассейна р. Зарафшан Бухарской области обнаружено 45 видов: Ciliata – 1 вид, Rotifera – 30, Cladocera – 7, Copepoda – 6, Ostracoda – 1. Сообщества зоопланктона представлены в основном тремя группами: коловратками, кладоцерами и копеподами, по количеству видов из которых доминируют коловратки. Видовой состав зоопланктона водохранилищ бассейна реки Зарафшан представлен в таблице 2.

Таблица 2.

Видовой состав зоопланктона водохранилищ бассейна реки Зарафшан

№	Виды	I	II	III	IV	V	VI
	Rotifera						
1	<i>Asplanhna priodonta</i> Gosse	+	+	+	+	+	-
2	<i>Filinia longiseta</i> Ehr.	+	+	-	-	+	+
3	<i>Keratella quadrata</i> Müller	+	+	+	+	+	-
4	<i>K.cochlearis</i> Gosse	+	-	+	-	+	+
5	<i>K.tropica</i> Apstein	+	-	+	+	+	-
6	<i>Hexarthra mira</i> Hudson	+	+	-	+	-	-
7	<i>Trichotria pocillum pocillum</i> Müller	-	+	-	-	-	-
8	<i>Euchlanis dilatata</i> Ehr.	-	+	+	-	+	+
9	<i>Synchaeta sp.</i> Ehr.	-	-	+	-	-	-
10	<i>Notholca squamula</i> Müller	+	-	+	+	-	-
11	<i>N.acuminata</i> Ehr.	-	+	-	-	+	+
12	<i>Brachionus quadridentatus</i> Hermann	-	+	+	-	+	+
13	<i>B. plicatilis</i> Müller	+	+	+	-	+	+
14	<i>Polyarthra sp.</i> Ehr.	-	-	-	-	+	-
15	<i>Lecane luna</i> Müller	+	+	+	-	+	-
	Cladocera						
1	<i>Bosmina longirostris</i> Müller	+	+	-	+	-	-
2	<i>Daphnia galeata</i> G.O.Sars	-	+	+	-	-	-
3	<i>Daphnia longispina</i> Müller	+	-	+	-	-	+
4	<i>D. cuculata</i> G.O.Sars	+	+	-	+	-	-
5	<i>Moina macrocopa</i> Strauss	+	-	-	+	+	-
6	<i>M.weberi</i>	+	+	-	-	-	+
7	<i>M.brachiata</i> G.O.Sars	-	-	+	-	-	-
8	<i>Diaphanasoma brachyurum</i> (Lievin)	-	-	-	-	+	+
9	<i>D.mongolianum</i> Ueno	-	+	+	-	+	-
10	<i>Ceriodaphnia retikulata</i> Jurine	-	+	-	-	+	+
11	<i>Alona rectangula</i> G.O.Sars	-	+	+	-	-	+
	Copepoda						
1	<i>Cyclops vicinus</i> (Uljanin) Smirnov	+	+	+	-	+	+
2	<i>Eucyclops serrulatus</i> Fischer	-	+	+	-	+	-
3	<i>Thermocyclops sp.</i>	-	+	+	+	-	-
4	<i>Th.crassus</i> Fischer	+	-	-	-	+	+
5	<i>Th.vermifer</i> Lindberg	+	+	+	+	+	-
6	<i>Arctodiaptomus salinus</i> Daday	+	-	-	-	+	+
7	<i>Harpacticoida gen.sp.</i>	-	-	+	-	-	-
8	<i>Копеподитная стадия циклопов + Nauplii</i>	+	+	+	+	+	+
	<i>Ostrogoda sp.</i>	-	-	+	-	-	-

Примечание: I – Акдарьинское водохранилище, II – Каратепинское водохранилище, III – Каттакурганское водохранилище, IV – Тусунсайское водохранилище, V – Тудакульское водохранилище, VI – Шуркульское водохранилище.

Качественное и количественное развитие зоопланктона в различных водохранилищах складывается по-разному.

Так, сообщества зоопланктона Каттакурганского водохранилища 2009-2011 гг. был представлен в основном: Rotifera – 11 видов, Cladocera – 5, Соперода – 5, Ostracoda – 1. Доминантами среди коловраток являлись: *Euchlanis dilatata* Ehr., *Keratella tropica* Apstein, *Lecane luna* Müller. Численность коловраток колебалась в пределах 448,9 экз/м³ – 4060,0 экз/м³, биомасса – 0,15 мг/м³ – 1,25 мг/м³. Из клadoцер – *Alona rectangula* G.O.Sars, *Daphnia galeata* G.O.Sars., *D.longispina* Müller, *Moina brachiata* Jurine, *M.macrocopa* Straus. Копеподы представлены в основном *Harpacticoida gen. sp.*, *Thermocyclops vermifer* Lindberg и *Cyclops vicinus* Uljanin. Численность копепод колебалась в пределах 410,0 экз/м³ – 39580,6 экз/м³. Биомасса – 0,64 мг/м³ – 321,31 мг/м³.

В формировании биомассы зоопланктона Тудакульского водохранилища (Rotifera – 11 видов, Cladocera – 4, Соперода – 5), значительную роль играют из Соперода – *Th.vermifer* Lindberg, из Cladocera – *Diaphanosoma mongolianum* Ueno. Численность их варьировала в пределах 15,8 экз/м³ – 19293,0 экз/м³. Биомасса – 0,03 мг/м³ – 543,55 мг/м³.

За время исследования (2015-2016 гг.) в составе зоопланктона временных водоемов бассейна р.Зарафшан Самаркандской области было обнаружено 29 видов: Ciliata – 1 вид, коловраток – 13, ветвистоусых – 9 и веслоногих ракообразных – 6 видов.

Среди коловраток (Rotifera) были отмечены: *Brachionus plicatilis* Müller, *Br.quadridentatus* (Müller) Ehr., *L.luna* Müller, *Notholca sguamula* Müller, *N.acuminata* Ehr. (характерные для водоемов с повышенной минерализацией), *E.dilatata* Ehr., *Hexarthra sp.*, *K.tropica* Apstein, *K.cochlearis* Gosse, *K.quadrata* Müller, *Asplanhna priodonta* Gosse и др. Ветвистоусые (Cladocera) были представлены следующими видами: *Al.rectangula* G.O.Sars, *Ceriodaphnia reticulata* Jurine, *Bosmina longirostris* Müller, *D.galeata* G.O.Sars., *D.longispina* Müller, *D.cuculata* G.O.Sars., *D.mongolianum* Ueno, *M.brachiata* Jurine, *M.weberi* и *M.macrocopa* Straus. Веслоногие (Соперода) представлены меньшим видовым разнообразием: *Harpacticoida gen. sp.*, *Eucyclops serrulatus* Fischer, *Arctodiaptomus salinus* Daday, *Th.vermifer* Lindberg, *Th.crassus* Fischer, *C.vicinus* Uljanin, копеподы и науплиидальные стадии циклопов.

Макрофиты. За период исследования (2015-2016 гг.) ассоциаций высших водных и водно-болотных растений из водоемов бассейна реки Зарафшан было собрано 108 гербарных листов, в том числе, харовые водоросли, среди которых определено 50 видов, относящихся к 33 родам и 27 семействам.

По экологическим группам обнаруженные виды макрофитов относятся к *гигрофитам* - 22 вида (растения избыточно увлажненных местообитаний с высокой влажностью воздуха и почвы) были представлены родами: *Imperata*, *Erianthus*,

Cetaria, *Digraphis*, *Juncus*, *Epipactis*, *Polygonum*, *Potentilla*, *Trifolium*, *Epilobium*, *Calystegia*, *Mentha*, *Plantago*, *Bidens*, *Taraxacum*; *гидрофитам* - 12 видов (водные растения, погруженные в воду только нижними своими частями) из родов *Salvinia*, *Typha*, *Sparganium*, *Alisma*, *Sagittaria*, *Butomus*, *Phragmites*, *Cyperus*, *Acorus*, *Batrachium*, *Nasturtium*; и *гидатофитам* - 16 видов (полностью или большей частью погруженные в воду растения) – *Chara*, *Nitellopsis*, *Potamogeton*, *Najas*, *Lemna*, *Ceratophyllum*, *Myriophyllum*.

В прибрежье и в мелководной части водоемов из макрофитов были отмечены: тростник южный (*Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud.), рогозы (*Typha angustifolia* L., *T.latifolia* L.), сусак зонтичный (*Butomus umbellatus* L.), камыш озерный (*Scirpus lacustris* L.), уруть колосистая (*Myriophyllum spicatum* L.), роголистник темно-зеленый (*Ceratophyllum demersum* L.), рдесты (*Potamogeton pectinatus* L., *P.natans* L., *P.perfoliatus* L.), клевер ползучий (*Trifolium repens* L.) и харовые водоросли (*Chara vulgaris* L., *Ch.fragilis* Desv., *Ch.dominii* Vilh.) и др.

Зообентос. За период исследования (2009-2012 гг.) в составе макрозообентоса водоемов бассейна реки Зарафшан было отмечено 37 видов организмов: личинки двукрылых (Diptera) – 7 видов, в том числе хирономид (Chironomidae) – 7 видов, олигохеты (Oligochaeta) – 7 видов, жуки (Coleoptera) и личинки стрекоз (Odonata) – по 4 вида, личинки поденок (Ephemeroptera) - 3 вида, моллюски (Mollusca), клопы (Heteroptera) и нематоды (Nematoda) - по 2 вида, бокоплавы (Gammarus), креветки (Decapoda), мизиды (Mysidacea).

Комплекс бентофауны водохранилищ в целом не отличается разнообразием и представлен в основном широко распространенными пресноводно-солонатоводными b-, b-a-, а-эврисапробными видами личинок поденок *Cloëon dipterum* (L), *Caenis macrura* Steph., *Baetis bioculatus* (L), личинками двукрылых *Ceratopogonidae gen.sp.*, креветками *Macrobrachium nipponense asper* Stimpson, бокоплавами *Gammarus lacustris* Sars, жуками родов *Haliplus*, *Gyrinus*, *Coelambus*, моллюсками *Lemnaea ovata* Drap. и др. Преобладающей группой бентосных сообществ составляет истинно донная фауна, представленная в донных отложениях илоядными формами р-сапробных видов малощетинковых червей олигохет сем. Tubificidae и личинок хирономид п/сем. Chironomidae (до 60%). Фитофильная фауна, в зарослях высшей водной растительности, представлена b-a-сапробными видами олигохет п/сем. Naidinae, а-сапробными видами личинок стрекоз сем. Coenagrionidae и хирономид рода *Tanytarsus*. С повышением уровня минерализации воды (летне-осенний период) увеличивается удельное соотношение эврисапробных видов и заметное количественное развитие моллюска *Physa acuta* Drap. и креветки *M.nipponense asper* Stimpson, предпочитающие хорошо прогреваемые участки водоемов. Биомасса зообентоса, из-

меренная на илистых грунтах, изменялась на разных участках водохранилищ в диапазоне 1708-5351 мг/м².

Ихтиофауна бассейна реки Зарафшан в 1900-1950-х прошлого века, т.е. до современного антропогенного воздействия (масштабное ирригационное строительство и др.) насчитывала всего 17 видов рыб [3] и состояла практически из мелких малоценных не промысловых видов рыб, промысловыми были только сазан и сом. После введения в эксплуатацию Аму-Бухарского канала в бассейне реки Зарафшан были отмечены новые виды рыб: большой амударьинский лжелопатонос, шуковидный жерех-лысач, аральский усач, лещ, чехонь, полосатая быстрянка, белый толстолобик, пестрый толстолобик, белый амур, черный амур. Вначале 1980-х были отмечены еще 2 вида рыб:

амурский змееголов и бычок-бубырь из Аральского моря [18].

В настоящее время, по нашим данным современная ихтиофауна водоемов бассейна реки Зарафшан состоит из 29 видов и подвидов рыб, относящихся к 27 родам, 7 семействам и 4 отрядам [9, 10].

В самой реке Зарафшан обитает 20 видов и подвидов рыб, относящихся к 17 родам, 4 семействам и 3 отрядам (включая интродуцентов и случайно завезенных видов). Ближе к низовьям реки (с увеличением минерализации) число видов постепенно убывает (18 - 12 - 4 видов). Современный видовой состав ихтиофауны озер и водохранилищ бассейна реки Зарафшан приводится в таблице 3.

Таблица 3.

Видовой состав ихтиофауны водоемов бассейна реки Зарафшан

№	Семейство, вид, подвид	Водоемы							
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	Сем. Cyprinidae								
1	<i>Abbottina rivularis</i> (Basilewsky)	-	-	+	+	+	+	-	+
2	<i>Abramis brama orientalis</i> Berg	-	-	+	+	+	+	+	+
3	<i>Alburnoides bipunctatus eichwaldi</i> (Filippi)	+	+	+	+	+	+	-	+
4	<i>Alburnoides taeniatus</i> (Kessler)	+	+	+	+	+	+	+	+
5	<i>Aristichthys nobilis</i> (Richardson)	-	-	+	+	-	+	+	+
6	<i>Aspius aspius iblioides</i> (Kessler)	-	-	+	+	+	-	-	+
7	<i>Barbus capito conocephalus</i> Kessler	+	+	+	+	-	-	+	-
8	<i>Capoeta capoeta steindachneri</i> Kessler	-	+	+	+	+	+	+	+
9	<i>Carassius gibelio</i> (Bloch)	+	+	+	+	+	+	+	+
10	<i>Chalcalburnus chalcoides aralensis</i> (Berg)	-	+	+	+	-	-	-	-
11	<i>Ctenopharyngodon idella</i> (Valenciennes)	-	-	+	+	+	+	-	+
12	<i>Cyprinus carpio</i> Linnaeus	+	+	+	+	+	+	+	+
13	<i>Gobio gobio lepidolaemus</i> Kessler	+	+	+	+	+	+	+	+
14	<i>Hemiculter leucisculus</i> (Basilewsky)	-	+	+	+	+	-	-	-
15	<i>Hypophthalmichthys molitrix</i> (Valenciennes)	+	-	+	+	+	+	-	+
16	<i>Leuciscus lehmanni</i> Brandt	+	-	+	+	-	-	-	-
17	<i>Pelecus cultratus</i> (Linnaeus)	-	-	+	+	-	-	-	-
18	<i>Rhodeus ocellatus</i> (Kner)	+	-	-	-	-	-	-	-
19	<i>Pseudorasbora parva</i> (Temminck et Schlegel)	+	-	+	+	+	-	-	+
20	<i>Rutilus rutilus aralensis</i> Berg	-	+	+	+	+	+	+	+
	Сем. Cobitidae								
21	<i>Nemacheilus oxianus</i> Kessler	+	-	-	-	-	-	-	-
22	<i>N. malapterurus longicauda</i> (Kessler)	+	-	-	-	-	-	-	-
23	<i>Sabanejewia aurata aralensis</i> Kessler	+	+	+	+	-	+	+	+
	Сем. Siluridae								
24	<i>Silurus glanis</i> Linnaeus	+	+	+	+	+	+	+	+
	Сем. Poeciliidae								
25	<i>Gambusia holbrooki</i> Girard	+	+	+	+	+	+	+	+
	Сем. Percidae								
26	<i>Perca schrenkii</i> Kessler	+	-	-	-	-	-	-	-
27	<i>Sander lucioperca</i> (Linnaeus)	+	+	+	+	+	-	-	+
	Сем. Gobiidae								
28	<i>Rhinogobius brunneus</i> (Temminck et Schlegel)	+	-	+	+	+	+	-	+
	Сем. Channidae								
29	<i>Channa argus</i> (Cantor)	-	-	+	+	+	+	-	+
	Количество видов (подвидов)	18	14	25	24	19	17	12	20

Примечание: I – Каттакурганское водохранилище, II – Шуркульское водохранилище, III – Тудакульское водохранилище, IV – Куомазарское водохранилище, V – оз.Денгизкуль, VI – оз.Тузкан, VII – оз.Каракыр, VIII – оз.Хадича.

Всех современных обитателей ихтиофауны водоемов бассейна реки Зарафшан можно разделить по типу питания на следующие экологические группы: *бентофаги* (питаются организмами бентоса): лещ, сазан (каarp), аральский усач, зарафшанский елец; *планктофаги* (питаются организмами планктона): белый толстолобик, пестрый толстолобик, туркестанский усач; *фитофаги* (питаются высшими растениями): белый амур; *детритофаги* (питаются организмами детрита): карась, храмуля; *нестонфаги* (питаются организмами пелагиали): шемая; *хищники*: жерех, чехонь, судак, сом, змеёголов.

Выводы. На основании проведенных комплексных исследовательских работ и полученных результатов можно отметить, что водные биоценозы водоемов бассейна реки Зарафшан неоднородны и представлены в основном широко распространенными пресноводными, пресноводно-солонатоводными и солонатоводными видами организмов. По мере увеличения уровня антропогенной нагрузки (в особенности загрязнение) и повышение минерализации воды в водоемах (в период сброса воды) вызывают различные по глубине изменения в составе, структуре и экологическом состоянии водных биоценозов: уменьшается качественный и количественный состав гидробионтов, наряду с эврибионтными видами организмов возрастает удельное соотношение солонатоводных и солонатоводно-морских форм.

Список литературы:

1. Алексеев В.Р. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий (ракообразные). – Санкт-Петербург, 1995. Т. 2. – 628 с.
2. Голлербах М.М., Красавина П.К. Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып.14. Харовые водоросли. – Л.: Наука, 1983. – 140 с.
3. Камиллов Г.К. Рыбы и биологические основы рыбохозяйственного освоения водохранилищ Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1973. – 232 с.
4. Катанская В.М. Высшая водная растительность континентальных водоемов СССР. – Л.: Наука, 1981. – 186 С.
5. Киселев И.А. Вводные и общие вопросы планктологии. Планктон морей и континентальных водоемов. – Л.: Наука, 1969. Т. 2. – 658 с.
6. Курсанов Л.И., Забелина М.М., Мейер К.И., Ролл Я.В., Пешинская Н.И. Определитель низших растений. Водоросли. – М., Изд-во «Советская наука», 1977. Т.1, Т.2.

7. Кутикова Л.А. Коловратки Rotatoria фауны СССР. – М.-Л.; Наука, 1970. – 744 с.

8. Лакин Г.Ф. Биометрия: Учебное пособие для биол. спец. вузов. 4-е изд. – М.: Высш. шк., 1990. – 352 с.

9. Мирабдуллаев И.М., Мирзаев У.Т., Кузметов А.Р., Кимсанов З.О. Определитель рыб Узбекистана. – Ташкент, 2011. – 108 с.

10. Мирзаев У.Т. О распределении рыб в реке Зарафшан. // Kelgusi avlodlar uchun – tabiatni asraylik: Mintaqaviy ilmiy-amaliy anjuman materiallari. – Navoiy, 2008. – Б.42-44.

11. Музафаров А.М., Эргашев А.Э., Халилов С. Определитель сине-зеленых водорослей Средней Азии. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1988. Том II. – 893 с.

12. Навиков В.С., Губанов И.А. Атлас - определитель высших растений. – Москва. Просвещение, 1991. – 238 с.

13. Правдин И.Ф. Руководство по изучению рыб (преимущественно пресноводных). 4-е изд. – М.: Пищевая промышленность, 1966. – 376 с.

14. Попченко В.И., Булгаков Г.П., Тальских В.Н. Мониторинг макрозообентоса // В кн.: Руководство по гидробиологическому мониторингу экосистем. С.-Петербург: Гидрометеиздат. 1992. С. 64-104.

15. Салазкин А.А., Иванова М.Б., Огородникова В.А. Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоемах. Зоопланктон и его продукция. // Сб. науч. тр. АН СССР. Л.-1984. – С. 33-38.

16. Тальских В.Н. Методы гидробиологического мониторинга водных объектов региона Центральной Азии. – Руз 52.25.32.-97, Ташкент, 1997. – 67 с.

17. Holynska M., Mirabdullaev I., Ueda H, Reid W.J. Genera Mesocyclops and Thermocyclops. Copepoda: Cyclopoida.// Backhuys Publ.; Leiden. 2003. – 318 p.

18. Urchinov Z. Fisheries in the Zarafshan River Basin (Uzbekistan). In: Petr, T. (ed.). Inland Fisheries Under the Impact of Irrigated Agriculture: Central Asia, FAO Fisheries Circular – Rome, FAO, 1995. No.894. – 62 p.

19. Streble H., Krauter, D. Microflora und Mikrofauna des Subwassers. Das Leben im Wassertropfen, Franckh-Kosmos Verlags GmbH, Stuttgart, 1988. – 399 p.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

Talibov S.A

*Phd student of "Economic and political geography of the foreign countries and tourism" department,
Baku State University*

Талыбов Сабухи Алибалаевич

*Докторант кафедры «Экономической и политической географии зарубежных стран и туризма»,
Бакинский Государственный Университет*

THE ROLE OF TOURISM IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE LANKARAN- ASTARA ECONOMIC-GEOGRAPHICAL REGION OF AZERBAIJAN

РОЛЬ ТУРИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛЯНКРАН- АСТАРИНСКОГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНА АЗЕРБАЙДЖАНА

Аннотация: В статье изучается ситуация, связанная с активностью туристических предприятий, а также состояние отраслей, имеющих влияние на туризм в Лянкран-Астаринском экономико-географическом районе Азербайджана. В работе также исследована роль туристических предприятий в обеспечении занятости и увеличении доходов населения региона. Анализ показывает, что туризм непосредственно влияет на продажу производимой в регионе продукции, оказываемые туристические услуги и соответствующий спрос. Выявлена связь увеличения потока туристов и роста числа посетителей предприятий размещения с возможностями получения дополнительной прибыли.

Ключевые слова: социально-экономическое значение туризма, экономический район, туристическая индустрия.

Summary: The article investigates the real situation, as well as prospects of tourism enterprises in Lankaran-Astara economic-geographic region and the areas that affect tourism indirectly. The role of the increase in income of the population and solving an unemployment problem in the tourism facilities in the region are studied. The analysis shows that tourism has a direct effect on the sale of proposed products of the region, suggested services and demand. It is determined that it created additional opportunities for the region through the increase in the flow of tourists, the numbers of people stay in tourist accommodation facilities and increase in revenues.

Key words: socio-economic importance of tourism, economic region, the tourism industry

Актуальность исследования. Туристическая индустрия напрямую зависит от деятельности туристических предприятий, а также уровня развития промышленных отраслей, сферы услуг, косвенно влияющих на эту отрасль, и особенно уровня имеющейся в регионе инфраструктуры. Поэтому возникает необходимость изучения влияния туризма на социально-экономическую ситуацию региона, также как требуется исследование действующих предприятий и инфраструктуры в качестве определяющих факторов. В Лянкран-Астаринском экономико-географическом районе Азербайджана, вышеуказанные вопросы имеют большую актуальность, так как этот регион является одной из важных туристических зон страны. Тем не менее, широкие исследования в этом направлении не проводились. В этом отношении большое значение имеет выявление роли туризма в предпринимательской деятельности, в потреблении, также как в формировании доходов населения. Соответственно есть необходимость проведения оценки положения туризма и связанных с ними отраслей с определением перспективных возможностей. При этом есть необходимость выявления новых видов и направлений деятельности, которые могут способствовать социально-экономическому развитию региона.

Целью исследования является изучение положения туристической индустрии Лянкран-Астаринского экономико-географического региона, выявление роли туризма в увеличении уровня занятости населения региона и особенностей влияния

этой отрасли на социально-экономическое развитие.

Теоретические основы исследования.

Туризм значительным образом влияет на развитие страны и ее регионов. Влияние туризма на общественную жизнь можно рассматривать с экономической, социальной и гуманитарной точек зрения [6].

Экономическая значимость. Влияние туризма на экономику проявляется в разной степени в зависимости от видов и направлений этой отрасли.

Если рассматривать туризм в качестве предпринимательской деятельности, то в этом отношении каждое предприятие в туризме имеет свои интересы, предоставляя клиентам свои продукты и услуги, оплачивая своим сотрудникам зарплату и другие виды платежей, обеспечивая акционеров прибылью, оплачивая при этом государству налоги и пошлины.

Туризм способствует появлению новой формы спроса на различные товары и услуги, в чем выражается его потребительское содержание. Местные промышленные производители должны предложить свои товары в нужном количестве на уровне спроса потребителей. С ростом продажи местных промышленных продуктов повышается уровень проживания местного населения. Благодаря наплыву туристов повышается прибыль многих местных предприятий данной отрасли: музеев, организаторов мероприятий и выставок, кинобизнеса

и др. Благодаря этому оплачиваются соответствующие налоги и тем самым прибыль населения региона растет. Прибыль имеют транспортные предприятия, так как увеличивается пассажирооборот в общественном транспорте, такси, растет аренда автомобилей и автобусов и т.д.

При этом развивается и ориентируется на спрос туристов производство сувениров и продуктов народного ремесленничества.

Туризм способствует притоку иностранной валюты в страну и регион. Это обеспечивается не только за счет продажи турпакетов, но и также за счет ежедневно оплачиваемых туристами расходов и от предоставления дополнительных услуг, когда туристы предоставляют свои валюты в обменных пунктах [6].

Социальная значимость туризма выражается в восстановлении туристами своей энергии, потерянной в производственном процессе и при бытовой деятельности. Туризм помогает людям оправиться от физических и психологических нагрузок. Туризм позволяет восстанавливать психофизиологические ресурсы и способность заниматься трудовой деятельностью. Туризм позволяет эффективно использовать свободное время. К тому же этот вид деятельности в целом считается экологически безопасным.

Вместе с эти, туризм приводит к созданию новых рабочих мест и сокращению безработицы. Мировой опыт показывает, что индустрия туризма способствует даже привлечению из других регионов новых рабочих сил. В то же время, туризм непосредственно и косвенно влияет на уровень жизни в регионе и это находит свое отражение в росте доходов местного населения.

Задачей туризма также является вовлечение граждан в формы позитивных действий во время их досуга. Это отталкивает их от негативных случаев.

Туристическая деятельность поощряет экологическую деятельность, так как развитие этой отрасли заинтересовано в охране окружающей среды.

Туризм не подвергается влиянию механизации и автоматизации. Например, в отельном бизнесе средний показатель занятости составляет в среднем 3 человека (от 2 до 5) на каждый 10 туристов.

Экономическая значимость туризма в регионе.

Прибыль предприятий размещения по экономическим районам распределено равномерно. Регионы страны в значительной степени отстают от столицы по этому показателю. Это связано с тем, что большинство приезжающих в страну туристов остаются в Баку. Кроме того, в столице цены предоставляемых услуг довольно высокие. Вместе с этим, немалую роль играет и тот фактор, что столица страны опережает другие регионы по количеству проведенных мероприятий. Статистический анализ показывает, что прибыль предприятий размещения растет. Так, в 2010 г. годовая прибыль предприятий размещения составил 105888,8 тыс. манатов, а в 2014 г. этот показатель вырос до 181047,3 тыс. манатов. Это означает, что прибыль за 4 года вырос на 75957,5 тыс. манатов. Сравнение по двум последним годам показывает, что рост прибыли предприятий размещения в 2013 г. составил 17275 тыс. манатов (9).

В Лянкаран-Астаринском экономико-географическом районе прибыль предприятий размещения в 2012 г. составил 3883,5 тыс. манатов. Анализ по последним годам показывает, что в 2010-2012 гг. наблюдался рост прибылей, в 2013 г. произошло резкое снижение, а в 2014 г. был зафиксирован небольшой рост по сравнению с предыдущим годом. По нашему мнению, снижению данного показателя способствовало улучшение инфраструктуры и туристических услуг в других регионах страны. Также надо отметить и фактор цены (9).

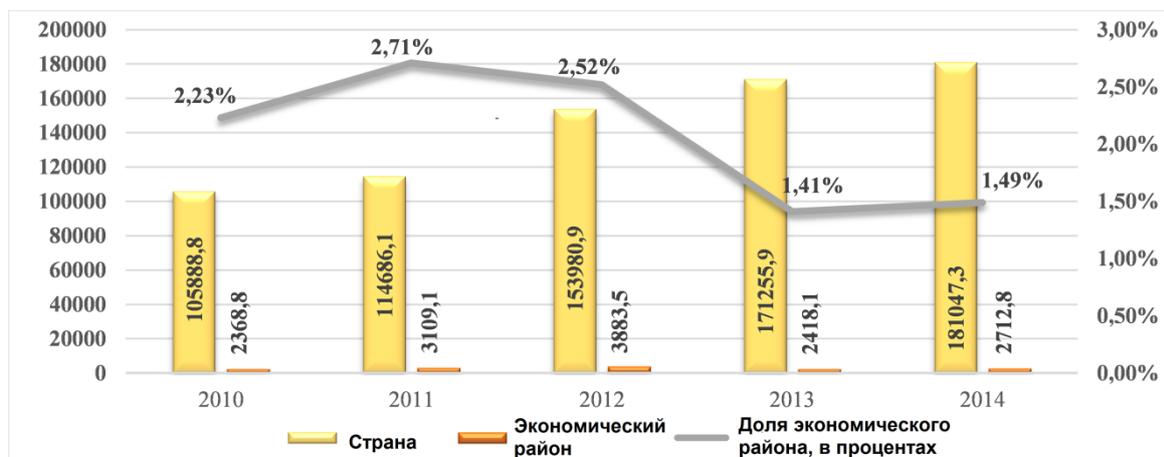

Рис. 1. Доля Лянкаран-Астаринского экономико-географического района в стране по прибыли предприятий размещения (тыс. манатов)

Сравнение административных районов Лянкаран-Астаринского региона прибыли предприятий

размещения также вызывает интерес. По этому показателю Джалилабадский район отстает от других

районов в связи с наличием слабого природного туристического потенциала.

имеющему высокий природный туристический потенциал.

Следует также отметить, что соответствующий показатель ниже по Астаринскому району,

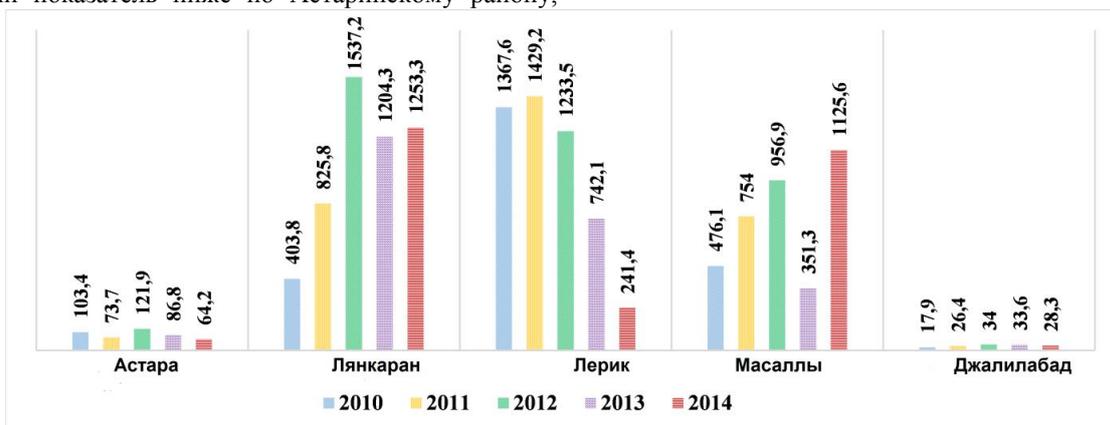

Рис.2. Прибыль предприятий размещения в административных районах Лянкаран-Астаринского экономико-географического района (тыс. ман.)

Как видно из диаграммы, в Астаринском районе самый высокий показатель прибыли был достигнут в 2012 г., составив 121,9 тыс. манатов. В последующие годы прибыль снизилась. В 2014 г. он составил 64,2 тыс. манатов, то есть снизился почти 2 раза по сравнению с 2012 г. Самая высокая прибыль в регионе был отмечен в 2012 г. в Ленкоранском административном районе. В Лерикском районе наивысший показатель отмечен в 2010 и 2011 гг. В Масаллинском районе течение последних 2 лет наблюдалось как резкое падение (2013), так и резкое увеличение (2014). В этом районе последнее время наблюдалось значительное снижение числа предприятий размещения, из-за чего по нашему мнению, статистические данные по этому району сильно варьируются. В целом, снижение количества предприятий размещения характерно для всего экономического района. Снижение прибылей должна соответствовать сокращению количества посетителей предприятий размещения (1).

Социальная значимость туризма в регионе.

Рост числа туристских предприятий в каждом регионе сопровождается ростом количества турпо-

ездок, также как увеличением количества лиц, занятых в туризме. В этом отношении, статистический анализ занятости в предприятиях туризма Лянкаран-Астаринского района тоже вызывает интерес. Занятость туристического сектора представляют работники туроператоров, турагентств, туристских объединений, экскурсионных бюро, отелей, гостиниц и других коммерческих и некоммерческих предприятий. Однако в Лянкаран-Астаринском районе вышеназванные объекты за исключением предприятий размещения отсутствуют. Здесь много санаториев, пансионатов, различных отелей, а также центров отдыха, которые функционируют сезонно. Эти предприятия больше всего действуют в качестве предприятий, предоставляющих два вида услуг – размещение туристов и услуги сбыта. Как показывает анализ занятости трудоспособного населения в предприятиях размещения по административным районам, в 2014 г. самый высокий показатель (1,14%) был отмечен в Лянкоранском районе. Так, всего 157663 занятых в районе трудоспособного населения 1800 человек работали и получали зарплату в предприятиях размещения. Самый низкий же показатель в том году был отмечен в Ярдымлинском районе (1) (Рис. 3).

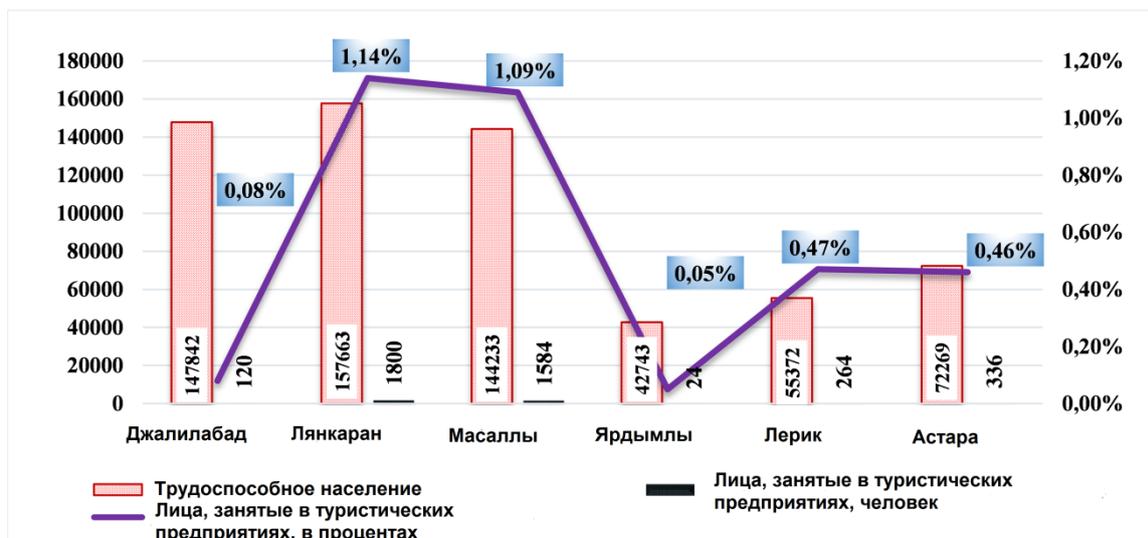

Рис. 3. Количество работников предприятий размещения в административных районах Лянкаран-Астаринского экономического района в 2014 г.

В регионе большинство предприятий туризма функционируют сезонно. Поэтому число работников этих предприятий сокращается во время несезонного периода. Если во время туристического сезона в одном из таких предприятий работает в среднем примерно 25 человек, то в несезонный период этот показатель снижается примерно до 3 человек. При вычислении среднего годового количества работников такого предприятия получается, что это составляет 8 человек.

(количество лиц, работающих 12 месяцев): 12 месяцев = среднегодовое количество работников
 $(25-25-25+3+3+3+3+3+3+3+3) / 12 = 8$

Среднегодовое количество работников предприятий Лянкаран-Астаринского экономического района в 2010-2014 гг. особо не изменился. В 2010 г. был отмечен самый низкий показатель (в среднем за год 249 чел.), тогда как в 2010 г. наблюдался относительно высокий показатель (362 чел.), а в 2014 г. среднее количество работников составило 344 человека. В регионе удельный вес среднего количества работников туристических предприятий достиг своего пика в 2011 г. (5,3% всех работников туристических предприятий страны). В последующие годы, количество работников снижалось, а в 2014 г. имело самую низкую долю (3,81%).

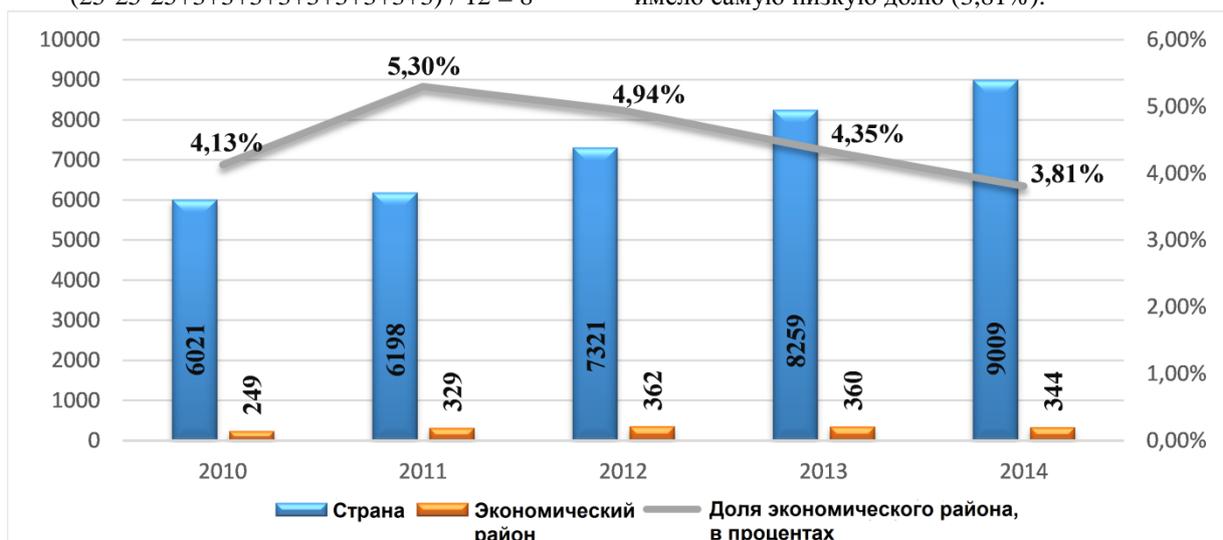

Рис. 4. Удельный вес Лянкаран-Астаринского экономического района по среднему количеству работников, занятых в предприятиях размещения

При исследовании количества работников по административным районам, выявлены некоторые

особенности. Работники туристических предприятий по административным районам распределены

неравномерно. В Джалилабадском районе их среднегодовое количество самое низкое. Это объясняется слабым туристическим потенциалом этого района, а также наличием малого количества туристских предприятий. В Джалилабадском районе среднее количество лиц, занятых в одном предприятии туристического сектора составило 11 человек. В последующие годы этот показатель ежегодно составлял 10 человек.

Показатели по Астаринскому административному району тоже неудовлетворительны. Если в 2010 г. количество работающих в туристских предприятиях составляло 25 чел., то в течение последующих 4 годов этот показатель вырос всего на 3 человека. Из этого выходит, что туризм в Астаринском районе практически не развивается. Так как

организация туристической деятельности проводится на очень низком уровне, приезжающие в район туристы остаются ночевать «где-угодно» – либо размещаются в частных домах, либо выбирают близлежащие объекты, действуя при этом незапланированно.

В Лерикском административном районе количество работников туристских предприятий невысокое, несмотря на то, что некоторые объекты, например, такие как Relax, функционируют в течение всего года. Здесь наивысшее количество работников этой сферы наблюдался в 2012 г. (всего 45 чел.). В 2014 г. этот показатель снизился вдвое (22 чел.).

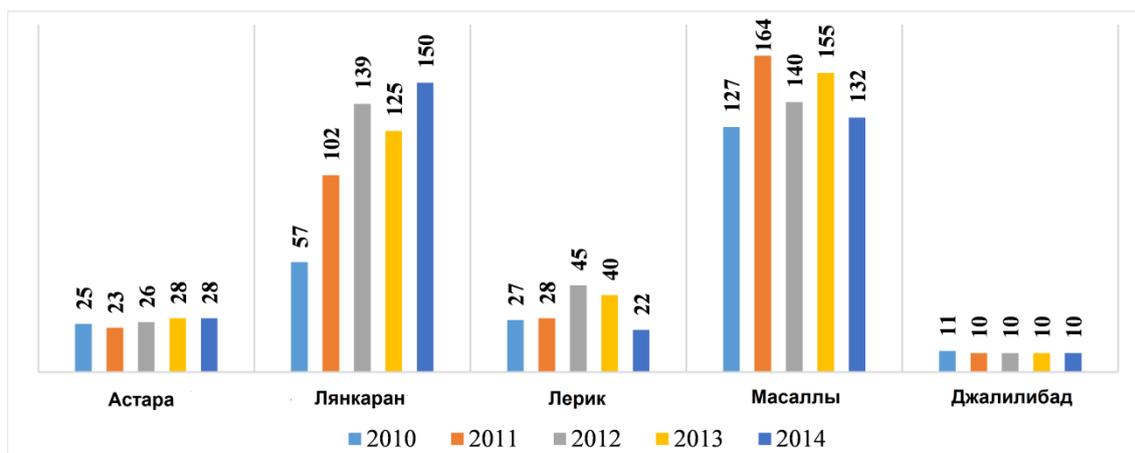

Рис. 5. Среднегодовое количество работников, занятых в туристских предприятиях административных районов Лянкаран-Астаринского экономического района (чел.)

В исследуемом регионе только в двух административных районах – Ленкоране и Масаллы удельный вес работников туристских предприятий выше. В Ленкоранском районе наивысшее количество этого показателя было зафиксировано в 2014 г. (150 чел.). В Масаллинском районе самое высокое количество работников данной сферы наблюдалось в 2012 г. (164 чел.). Два года спустя показатель снизился до 132 человек.

В 2014 г. общее число работающих в туристском секторе Лянкаран-Астаринского региона лиц составило 342 человек [1,2,9].

Выводы.

Влияние туризма на общественную жизнь в Лянкаран-Астаринском экономико-географическом районе можно рассматривать с экономической, социальной и гуманитарной точек зрения.

Объем прибылей, полученных от посещения туристами предприятий размещения в Лянкаран-Астаринском экономико-географическом районе в 2012 г. составил 3883,5 тыс. манатов. Это самый высокий показатель по сравнению с данными прошлых и последующих годов.

Самый низкий показатель прибыли предприятий размещения отмечается в Джалилабадском районе. Потенциал туризма этого района низок по

сравнению с Лянкаранским, Астаринским, Масаллинским и Лерикским районами. Основная часть доходов предприятий размещения в Джалилабадском районе формируется за счет прибытий, не имеющих цель отдыха.

В экономико-географическом районе не функционируют туроператора, турагенты, туристские объединения и экскурсионные бюро. В регионе действуют санатории, пансионаты, различные предприятия размещения и сезонные предприятия отдыха. Больше всего все эти объекты функционируют в качестве места ночлега и питания. В регионе Лянкаранский и Масаллинский районы отличаются относительно высокой долей лиц, работающих в сфере туризма.

Литература

1. Регионы Азербайджана. 2015. Бюллетень Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. Баку. 834 с.
2. Мелкое предпринимательство в Азербайджане. 2015. Бюллетень Государственного Статистического Комитета Азербайджанской Республики. Баку. 79 с.
3. Солтанова Х.Б. Туризм в Азербайджанской Республике и его развитие. 2015. Баку. 475 с.

4. Дяргахов В.С, Сафаров Р.С. 2013. Приоритетные направления регионального туризма в Азербайджане. БГУ. Материалы научно-практической конференции «Г.Алиев и развитие географической науки в Азербайджане». Баку, с. 215-218.

5. Стратегическое планирование развития туризма в регионах. 2012. Общество Молодых Ученых, Аспирантов и Магистров при Центре Интеллектуального Развития Молодежи НАНА. Труды молодых ученых. Баку. с. 122-132.

6. Мамедов Дж.А., Солтанова Х.Б., Рахимов С.Г. 2002. География международного туризма. Баку. с. 7-29.

7. Курбанова Р.А., Гусейнова Ш.Х. 2010. Экономика туризма. Баку. с. 23-43.

8. Алпарслан У., Саиме О. 2001. Маркетинг туризма. Измир. 274 с.

9. <http://www.stat.gov.az/source/tourism/>

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Ryzhova O.O.

*PhD in Arts, leading researcher
of the department of scientific restoration and conservation
National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Preserve*

Рыжова Ольга Олеговна

*кандидат искусствоведения
ведущий научный сотрудник отдела научной реставрации и консервации
Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник*

FEATURES OF IMAGES OF JESUS CHRIST IN ICON PAINTING OF KYIV-PECHERSK LAVRA the end of the XVII - beginning of the XIX century

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА В ИКОНОПИСИ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ конца XVII - начала XIX века

Summary: The icons with the image of Jesus Christ from the Lavra iconostases of the XVII - beginning of the XIX century were studied: St Barlaam's Church (1691), Church of the Exaltation of the Holy Cross (1700), Trinity Church above the Gates (1734-1735), Church of Theodosius Pechersky (1760-1762) and Nativity Church (1802). The icon from the iconostasis (1731-1745) of St. Sophia Cathedral is included in the review as a monument to Lavra icon painting workshop.

Analysis of the composition and texts revealed features inherent in the iconography of the Saviour in the icon painting of Kiev-Pechersk Lavra of the end of the XVII - beginning XIX century.

In all considered icons of Jesus Christ is presented in the iconographic type of Pantocrator. A couple of versions of composition are being used: full-length figure, half-length figure and Christ sitting on the throne. Gospel in Savior's hands is always opened; texts presented on the spread of the Gospel, point to Christ as Archpriest and Judge. Fragments of the text of the Gospel are becoming an integral part of the iconographic icons' space and are elected depending on the context of the image (the church program, the iconostasis).

Such iconographic feature as mitre-crown (a detail relating to iconographic type Christ Archbishop or King of Kings) can be interpreted as an additional reference to priestly aspect of Christ's ministry and His royal dignity (icon image from iconostasis of Church of the Exaltation of the Holy Cross, Church of Theodosius Pechersky, Nativity Church).

Revealed features of the picture are a testament to close connection of Lavra iconography and the monuments of Byzantine and late Byzantine circle, as well as the mutual influence of theology and pictures (Word and Image).

Key words: Jesus Christ, Kyiv-Pechersk Lavra, iconostasis, icon painting, iconography.

Аннотация: Исследованы иконы с образом Иисуса Христа из лаврских иконостасов конца XVII - начала XIX века: церкви (1691) Прп. Варлаама Печерского, церкви Воздвижения Честного Креста (1700), Троицкой надвратной церкви (1734-1735), церкви Прп. Феодосия Печерского (1760-1762) и церкви (1802) Рождества Христова. Икона из иконостаса (1731-1745) собора Софии Киевской включена в обзор как памятник иконописи лаврской мастерской.

Анализ композиции и текстов позволил выявить особенности, присущие иконографии Спасителя в иконописи Киево-Печерской Лавры конца XVII - начала XIX века.

На всех рассмотренных иконах Иисус Христос представлен в иконографическом типе Пантократора. Используются несколько вариантов композиций: изображение фигуры в рост, поясное изображение и Христос, сидящий на престоле. Евангелие в руках Спасителя всегда открыто; тексты, представленные на развороте Евангелия, указывают на Христа как на Первосвященника и Судью. Фрагменты Евангельского текста становятся неотъемлемой частью иконографического пространства иконы и избираются в зависимости от контекста бытования образа (программы храма, иконостаса).

Такая иконографическая особенность как митра-корона (деталь, относящаяся к иконографическому типу Христос Архиерей или Царь Царем) может быть интерпретирована как дополнительное указание на священнический аспект служения Христа и Его Царское достоинство (изображение на иконах из иконостаса церкви Воздвижения Честного Креста, церкви Прп. Феодосия Печерского, церкви Рождества Христова).

Выявленные особенности изображения являются свидетельством тесной связи лаврской иконографии с памятниками византийского и поздневизантийского круга, а так же взаимовлияния богословия и изображения (Слова и Образа)

Key words: Иисус Христос, Киево-Печерская Лавра, иконостас, иконопись, иконография.

Постановка проблемы. Среди исследователей украинской иконы до сих пор не предпринималось попыток выявить особенности иконографии образа Иисуса Христа в иконописи Киево-Печерской Лавры XVIII века

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы сложения стиля и иконографии лаврской иконописи впервые были затронуты в работах исследователей рубежа XIX – XX веков (М. П. Истомина [6 - 8]), где живопись Киево-Печерской Лавры рассматривается как «одна из страниц в истории искусства, раскрывающая нам соприкосновение двух культур ... византийско-русской и западно-латинской» (М. П. Истомина) [6; 74]. Дальнейшие публикации по вопросам иконографии и стиля в лаврской иконописи касались рисунков из ученических альбомов («кужбешек») мастерской Киево-Печерской Лавры (П.М. Жолтовский [5]), изображений прп. Антония и прп. Феодосия (Е. В. Лопухина [15, 16], И. А. Ходак [32]), отдельных сюжетов в лаврских памятниках – «Спас Недреманное Око» (Е. В. Адамович [1]), «Собор Преподобных Печерских святых» (Г.А. Беликова [2]), «Тайная вечеря» (Е. В. Питателева [18]), «Успение Богородицы» (Е. В. Лопухина [17]), а так же взаимосвязи лаврской иконописи с богослужебными текстами (О.О. Рыжова [26], О. Сидор [30]), европейской гравюрой и религиозной картиной (О.О. Рыжова [25, 28]), книжной и станковой украинской гравюрой, (Е.В. Лопухина [15, 16], В.Г. Пуцко [20, 21], О.О. Рыжова [23, 24], В. Фоменко [31]). В результате архивных, натурных, технико-технологических и иконографических исследований, искусствоведческого анализа, проведено уточнение атрибуции ранее исследованных памятников, а так же выявлены и введены в научный оборот новые произведения лаврской иконописи из фондов Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника (О.О. Рыжова [22, 27, 29]).

Авторы рассматривают как известные, так малоизученные памятники или группу произведений, выявляют особенности иконографии, уточняют атрибуцию. Собранный материал демонстрирует европейское влияние на сложение иконографии отдельных сюжетов, но и устойчивую приверженность византийским схемам на протяжении всего периода конца XVII - начала XIX века.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. В настоящее время не существует обобщающего исследования по иконописи Киево-Печерской лавры конца XVII - начала XIX века - яркого явления стиля и христианской иконографии. Открытые памятники опубликованы фрагментарно; исследования ведутся, в основном,

в русле архивных изысканий; анализ подменяется описанием или ограничивается обозначением принадлежности икон той или иной "манере". Подобное обстоятельство не позволяет проследить эволюцию художественных форм и становление иконографии в полной мере. В том числе, не предпринималось попыток выявить особенности иконографии образа Иисуса Христа в лаврской иконописи.

Цель статьи. Целью данной работы есть иконографический анализ изображения и выявление особенностей изображения Спасителя в иконописной традиции Киево-Печерской Лавры конца XVII - начала XIX века, а так же попытка элементарной интерпретации образа с учетом контекста бытования иконы и евангельских текстов. Стоит оговориться, что в статье детально не рассматриваются вопросы эстетики и богословия образа, которые являются отдельными темами для исследования [основные идеи по данной тематике проговорены в работах В. В. Бычкова см.: 3].

Для достижения заявленной цели предпринят анализ икон с образом Иисуса Христа, которые находятся (или находились ранее) в местном ряду лаврских иконостасов конца XVII - начала XIX века и сохранились до наших дней: церкви (1691) Прп. Варлаама Печерского [4, 215], церкви Воздвижения Честного Креста (1700) [4, 253-255], Троицкой надвратной церкви (1734-1735) [4, 26], церкви Прп. Феодосия Печерского (1760-1762) [33] и церкви (1802) Рождества Христова [33]. Икона из местного ряда иконостаса (1731-1745) собора Софии Киевской включена в обзор как памятник иконописи лаврской мастерской [14; 22, 127-128].

Изложение основного материала. Особенности, присущие иконографии Спасителя в лаврской иконописи конца XVII - начала XIX века, наиболее последовательно возможно проследить именно на примере икон из местных рядов лаврских иконостасов. Иконы, созданные для иконостасов Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры, всегда оставались теми ведущими произведениями, на которые ориентировались не только иконописцы Киева, но и художники Левобережной Украины в целом [22].

Первой в хронологический обзор включена икона из местного ряда старого деревянного, резного иконостаса 1691 г. (сам иконостас не сохранился) пещерной церкви Прп. Варлаама Печерского на Ближних пещерах - Христос Архидиакон с предстоящими святыми Иоанном Златоустом и Василием Великим. Иконы из вышеупомянутого иконостаса являются самыми ранними из сохранившихся икон лаврской мастерской [22, 116-117; 23].

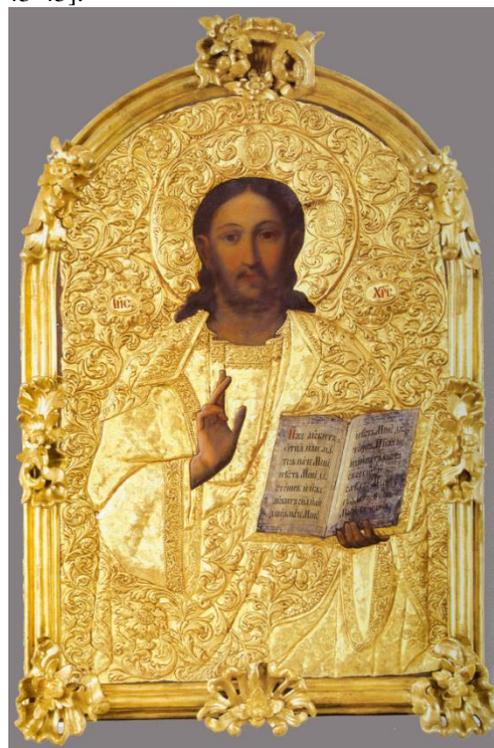

Христос изображен фронтально, сидящим на подушке престола с высокой спинкой. Подножие престола имеет полукруглую форму, двойные ступени и представляет собой архиерейский амвон. Левой рукой Христос придерживает стоящее на колене раскрытое Евангелие, правой, вероятно, благословляет (изображение утрачено). Особенностью изображения Христа являются Его архиерейские одежды: фелонь красного цвета и омофор белого цвета с красными крестами. По правую руку Спасителя изображен Иоанн Златоуст. Святитель облачен в подризник голубого цвета, фелонь красного цвета и белый с красными крестами омофор; справа на фелонь положена палица зеленого цвета; в левой руке Святитель держит закрытое Евангелие; правой, вероятно, благословляет (изображение утрачено). По левую руку от Спасителя изображен Василий Великий, фигура которого практически утрачена. Сохранились фрагменты пурпурного подризника, зеленого цвета фелони с яркой голубой каймой и светлый (вероятно, белый) омофор с красными крестами.

В изображении, которое ранее находилось в местном ряду пещерного иконостаса и, было предназначено, прежде всего, для духовных лиц делается акцент на архиерейском служении Христа как главы Церкви земной и небесной. Об этом свидетельствуют такие нюансы изображения как архиерейские одежды Христа, подножия в форме амвона и присутствие святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, как составителей чина главной службы православной Церкви - Литургии. Служебник «Божественные литургия иже в святых отец наших Иоанна Златоуста, Василия Великого и Пржедсвятенная», в типографии Киево-Печерской Лавры на протяжении XVII-XVIII вв. был наиболее переиздаваемой книгой (в НБУ им. Вернадского имеются издания 1620, 1629, 1639, 1653, 1692, 1708).

От иконографического типа «Христос Великий Архиерей», сложившегося в русском изобразительном искусстве XIV-XVII веков изображение на киевской иконе отличается тем, что на голове Христа нет митры и, вместо Апостолов, предостоят Святители – авторы Литургий.

Иконография, подобная киевской, встречается в циклах монументальных росписей монастырей Балкан (Сербия, Македония) и греческих и сербских монастырях Афона (Дохиар, Мистра, Хиландар); Христос Архиерей с предстоящими святителями Иоанном Златоустом и Василием Великим изображен на шитой катапетасме из Хиландара, исполненной монахиней Евфимией в 1398/99 гг. [9, 451-452]. Подобное изображение Христа на престоле, в кресчатой фелони, без митры, с раскрытым Евангелием находим в росписях нартекса Дохиара [12, 43-45].

На иконе из иконостаса (1700) церкви Воздвижения Честного Креста на Ближних пещерах Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры монументальная фигура Христа изображена фронтально, поколенною и заполняет собой практически все пространство иконы. Лик Спасителя и руки выполнены в технике масляной живописи; пышный цветочный и растительный орнамент, покрывающий фон и одежды Христа, выполнен в технике чеканки и гравировки по меди с последующим золочением.

Христос облачен в традиционный хитон и гиматий; на нимбе, ранее, вероятно, крепилась накладная чеканная митра-корона (сейчас утрачена, но на основе просматриваются отверстия для креплений), по подобию той, что зафиксирована на фотографии иконы Спасителя из местного ряда иконостаса (1697) Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове (см. фото ниже).

Пальцы правой руки Христа сложены в жесте благословения именем Господним; в левой руке Спаситель держит раскрытое Евангелие с текстом от Матфея (Мф., 10; 37 – 38) «Иже любит отца, или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына, или дочь паче Мене несть Мене достоин; И иже не примет креста своего; и вслед мене грядет; несть Мене достоин». Согласно толкованиям Иоанна Златоуста сим Спаситель «показывает силу и горячность той любви, какой требовал» [35]. Текст приобретает особое звучание (его можно рассматривать как обращение к монашествующим), если помнить о том, что икона, находилась в иконостасе монастырского храма, воздвигнутого над пещерами с мощами святых угодников. И, яркими примерами такой любви в лаврской агиографии являются жития прп. Феодосия и прп. Варлаама Печерских.

Подобная же икона Спасителя находилась в местном ряду иконостаса (1697) Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове (фото).

К особенностям иконографии в данном случае можно отнести поколенное (а не традиционное, поясное) изображение Иисуса Христа и митру-корону. Изображение Спасителя, увенчанного митрой-короной, принадлежит к иконографическому типу Христа «Царь Царем», который семантически близок иконографическому типу Иисуса Христа «Великий Архиерей»; оба иконографических типа исследователи соотносят с темой Небесной литургии [9, 451-452].

На иконе из иконостаса (1734-1735) Троицкой Надвратной церкви Киево-Печерской лавры Спаситель изображен в рост, ступающим по облакам, в окружении херувимов. Сын Божий облечен в хитон красного цвета и синий гиматий, которые украшены золотыми ассистами на светах и изысканным растительным орнаментом. Пальцы правой руки Его сложены в жесте именованного благословения; в левой руке Христос держит открытое Евангелие со словами «Блюдите, да не призрите единого от

малых сих: глаголю бо вам, яко Ангелы их на небесех выну видять лице Отца Моего Небеснаго. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго» (Мф. 18:10-11). Учитывая то обстоятельство, что Троицкая Надвратная церковь строилась как церковь при больнице монастыря для посещения ее

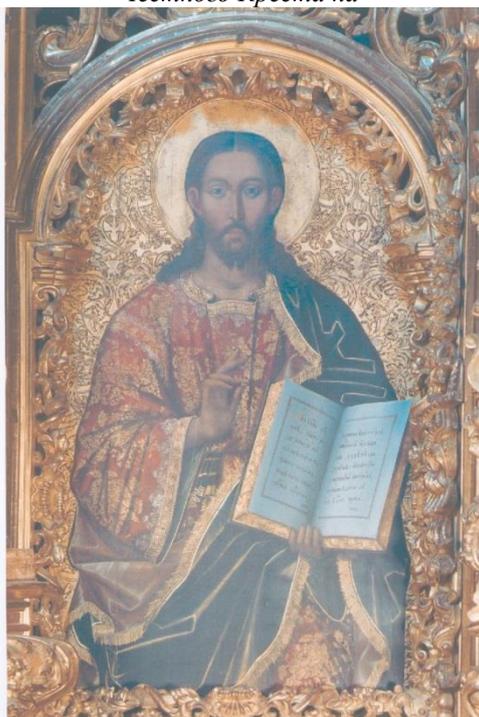
«недужными и немощными монахами» [4, 26] и, опираясь на толкования свт. Иоанна Златоуста, что «малыми Господь называет ... тех, которых многие почитают таковыми, то есть бедных, презираемых и незнатных» [36], слова Спасителя звучат как призыв к милосердию, исполнению главной евангельской заповеди. Но, есть еще одна точка зрения – напротив иконостаса, на западной стене храма, размещается сюжет "Первый Вселенский собор" с особо выделенной композиционной сценой «Заушения Ария» и богословская программа росписи храма, в целом, воплощает утверждение Догмата о Троице. Поэтому, слова об ответственности перед Богом («прииде бо Сын Человеческий взыскати...») за «единого от малых сих» могут звучать и как призыв к «предохранению себя от зла, – удаляясь от содружества с людьми соблазняющими, и отдавая уважение и честь мужам святым» (свт. Иоанн Златоуст) [36] и удалению от соблазна других – даже «единого от малых сих».

К особенностям иконографии иконы из иконостаса Троицкой надвратной церкви возможно отнести сочетание традиционного византийского типа Христа Вседержителя с такими западноевропейскими элементами как живописные головки херувимов и рельефное изображение путто на фоне, держащих рамки с инициалами Христа. Согласно

Н.П. Кондакову, данный иконографический тип Христа (Христос на облаках в окружении херувимов) восходит к пророчеству Исаи (VI, 1-7) [11, 25] и толкуется как Спаситель Судия мира.

В сочетании византийской иконографии и западноевропейских элементов живописи наблюдается процесс расщепления и трансформации византийской традиции, который происходит в иконописи Киева XVIII века и, который возможно наблюдать именно в иконе Троицкой надвратной церкви.

Композиционное размещение фигуры Христа на иконе из иконостаса (1738-1754) Софии Киевской наследует архитектуру и иконографию иконы из иконостаса (1700) церкви Воздвижения Честного Креста на

Ближних пещерах Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры. Монументальная фигура Христа изображена фронтально, по коленному и заполняет собой практически все пространство иконы. Хитон Спасителя красного цвета, с изумрудно-зеленой подкладкой, сплошь изукрашен золотым орнаментом. Золотая кайма рукава и оплечье хитона оформлены «драгоценными камнями» и «жемчугом», выполненных в низком рельефе тиснения по левкасу и раскрашенными цветными лаками. Гиматий, накинутый на левое плечо Христа и перекинутый через левую руку, глубокого синего цвета, с пурпурной подкладкой холодного фиолетового оттенка, украшен золотой бахромой. За поясом Спасителя плат такого же синего цвета, как и гиматий, с золотыми полосами; край плата оторочен кружевной ажурной каймой. Под хитоном Христа, в горловине и рукаве, проглядывает нижняя рубашка тончайшего, прозрачного полотна. Все складки на одеждах моделированы золотом на светах. Пальцы правой руки Христа сложены именословно, в левой руке Спаситель держит открытую книгу.

Текст на развороте книги: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим

и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк., 4: 18 – 19) – фрагмент из проповеди Христа в синагоге, в Назарете (Лк. 4:16-20).

Проповедь Господня в Назаретской синагоге, в день субботний вспоминается первого сентября (ст. с.), когда празднуется начало индикта [11, 1] и свидетельствуется о том, что начинается новое время, время Господне как эпоха, и воцаряется единственный истинный Царь – сам Христос. Поскольку наступление юбилейного года возвещали священники, по приказу первосвященника, то евангельским текстом свидетельствуется и священническое помазание. Учитывая тот факт, что София Киевская вплоть до начала XX века являлась кафедральным храмом Киевской митрополии, где, в том числе, совершалось и архиерейское рукоположение, возможно предположить, что евангельский текст от Лк. 4: 18 – 19 призван особо выделять именно тему благодати священства и святительского служения. В пользу данного утверждения свидетельствует, буквально, «окружение» иконы Спасителя: над иконой размещается картуш с надписью «Аз есмь свет миру» (Ин, 8:12), под иконой, в цокольном ряду, расположен сюжет «Проповедь Святого Апостола Петра в Кесарии», рядом, на откосах царских врат закреплены медальоны с изображением святителей, митрополитов киевских Киприана, Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и священномученика Макария. Здесь же, в местном ряду иконостаса находится икона «Иерархи веры». А зачинает перечисленный визуальный ряд мозаичный Образ Христа Иерея, расположенный во лбу восточной подпружной арки. Плат за поясом Спасителя так же относится к атрибутам святительским и литургическим [14, 227 - 260].

Отсюда следует, что Христос представляется здесь «... помазанником или Мессией в исключительном смысле этого слова ...то есть имея все виды помазания ... а) пророческое ...; б) царское ... и в) первосвященническое ...» [38].

На иконе из иконостаса (1760 - 1762) пещерной церкви св. прп. Феодосия Печерского Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры Спаситель изображен стоящим на облаках, в хитоне и гиматии, на Его главе митра-корона; правой рукой Христос благословляет Именем Своим, в левой – держит раскрытое Евангелие.

Лик Спасителя и руки выполнены в технике масляной живописи; цветочный и растительный орнамент, покрывающий одежды Христа, нимб, митра-корона, увенчанная крестом и евангельский текст выполнены в технике чеканки.

На развороте Евангелия – надпись: «Придите ко мне труждающиеся и обремененные и аз упокою...» (Мф 11:28).

В «Ерминии...», в главе о надписаниях на иконах, указывается: «Когда изображаешь Его среди преподобных, то пиши: приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» [40]. Размещение текста на иконе из иконостаса,

находящегося в пещерах, где подвизались и упокоены Св. Прп. Отцы Печерские свидетельствует о том, что лаврскими иконописцами фрагмент Евангельского текста выбран в соответствии с греческой (афонской) иконописной традицией. Тем более, что в пещерной церкви великой монашеской обители, устроенной

трусами прп. Феодосия Печерского (†1074), именно эти евангельские слова приобретают особое звучание. В трудах прп. Макария Великого (†391), подвижника и пустынника, ученика прп. Антония Великого (†356), основателя отшельнического монашества, эта фраза так же выделена особо. В контексте монашеского подвига толкуется как призыв к покаянию, а значит к Богообщению, к упокоению Спасителем «души, обремененной и отягченной бременами беззакония, нечистых помышлений, творящую дела неправды по нужде» и об «облегчении ее (души) от неудобноносимых бремен, от суетных и нечистых помышлениях», «... и те души, которые покоряются и приходят, Он упокоевает ...» (Прп. Макарий Великий) [39].

К особенностям иконографии данного извода возможно отнести митру-корону на главе Спасителя, Его шествие по облакам и наименование Христа – Сущий (буквы в медальонах, в нимбе). Это надписание имеет принципиальный характер, поскольку указывает на Божество Иисуса Христа и в сочетании с изображением облаков образует визуальное воплощение фразы из молитвы Господней – «сущий на небесах». Митра-корона свидетельствует священство Спасителя.

В иконостасе (1802) пещерной церкви Рождества Христова Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры Иисус Христос изображен восседающим на

престоле; престол и стопы Христа покоятся на облаках; правой рукой Спаситель благословляет именнoслoвно, в левой держит раскрытое Евангелие со словами: «аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит: любяй душу свою, погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем,

в живот вечный сохраним ю: аще кто Мне служит, Мне да последует: и идеже есмь Аз, ту и ...» (Ин. 12, 23–25).

Христос облачен в красный хитон и синий гиматий, украшенные только золотой каймой. На Его главе, как и на изображении в церкви Прп. Феодосия Печерского, митра-корона, увенчанная крестом.

Развернутый евангельский текст, слова Христа, которые Он говорит ученикам в преддверии своей крестной смерти, метафорично продолжает и тему монашеского подвига: так и монах умирает для мира, а чин пострижения напоминает погребение, для того, чтобы после быть живым только для Бога. В контексте программы иконостаса церкви, посвященной событию Рождества Христова, появляется смысловая триада: рождение – смерть – рождение, но, уже как Воскресение, то есть в жизнь вечную, иную.

Выводы и предложения. Подводя итоги, необходимо отметить следующие особенности иконографии Иисуса Христа в иконописи Киево-Печерской Лавры конца XVII – начала XIX века.

На всех рассмотренных иконах Спаситель представлен в иконографическом типе Христа-

Пантократора (Царь Небесный и Судия). Используются несколько вариантов композиций: изображение фигуры в рост (икона из иконостаса Троицкой Надвратной церкви и церкви Прп. Феодосия Печерского), поколенное изображение (икона из иконостаса церкви Воздвижения Честного Креста и иконостаса Софии Киевской) и, Спаситель, сидящий на престоле (икона из иконостаса церкви Прп. Варлаама Печерского и церкви Рождества Христова).

Тема величия Спасителя и тема Второго пришествия, Его вечной царственности и владычества получает визуальное воплощение в таких особенностях иконографии как изображение Христа стоящим на облаках или ступающим по ним (икона из иконостаса Троицкой надвратной церкви, церкви Прп. Феодосия Печерского), или сидящим на троне (иконостас церкви Рождества Христова).

В лаврской живописи широко использовалось изображение Иисуса Христа в рост, ступающим по облакам, с раскрытым Евангелием в руке. Помимо рассматриваемых в статье изображений на иконах из иконостасов Троицкой надвратной церкви и церкви Прп. Феодосия Печерского, подобное изображение находилось в иконостасе (1741) церкви Всех Святых над Экономическими воротами (см. фото). На иконе Христос изображен ступающим по облакам, облаченный в пышно драпированные хитон и гиматий, благословляющий правую десницей.

Н.П. Кондаков называет тип Спаса Вседержителя (Пантократора) «венечным пунктом» в византийской иконографии, «средоточием моленного чина», «иконоу по преимуществу» и ставит образ Христа Вседержителя во «главе византийских иконографических типов». Наиболее распространенным типом Кондаков называет «Вседержителя, представленного в виде поясной фигуры...» «Спас Поясной»; «Менее обычны в иконе изображения Спасителя в виде полной фигуры... или же сидящего на престоле с Евангелием в руках» [11, 59].

Помимо преобладания иконографического типа Христа Пантократора еще одной особенностью иконографии Иисуса Христа в иконописи Киево-Печерской Лавры конца XVII – начала XIX века становится Евангелие в руках Спасителя. Как символ учения, Его Благая Весть, Евангелие всегда открыто; тексты, представленные на развороте, указывают на Христа как на Пророка, Первосвященника и Царя; Спаситель благословляет десницей, персты которой всегда сложены в жесте именословного благословения. Фрагменты Евангельского текста в изображениях Иисуса Христа Лаврской школы становятся неотъемлемой частью иконографического пространства иконы и избираются в зависимости от контекста бытования образа (программы храма, иконостаса).

Следующей отличительной чертой лаврской иконографии образа Иисуса в иконописи конца XVII – начала XIX века есть митра-корона:

на иконах местного ряда иконостасов из церкви Воздвижения Честного Креста (1700), церкви Прп. Феодосия Печерского (1760-1762) и церкви (1802) Рождества Христова, иконостаса (1784) церкви

Рождества Богородицы (см. фото) Христос изображен в митре-короне, увенчанной крестом.

Митра является головным убором архиереев Восточной Церкви при совершении богослужения, и данное правило основывается на греческой практике. Митры, увенчанные крестом, носили только Святейший Патриарх и митрополиты. Митра-корона является разновидностью православной митры и ее отличительным признаком является нижний поясик из двенадцати лепестков, а так же похожесть по форме на короны византийских царей последнего периода империи. Митра-корона, увенчанная крестом, как часть богослужебного облаче-

ния Иисуса Христа является дополнительным указанием на первосвященнический аспект Его служения.

Выявленные особенности изображения являются очередным свидетельством тесной связи лаврской иконографии с константинопольскими и греческими памятниками поздневизантийского периода, а так же взаимовлияния богословия и образа.

Перспективами дальнейших исследований возможно назвать рассмотрение памятников лаврской иконописи конца XVII - начала XIX века в их хронологической последовательности и систематизация материала, на базе которого возможно будет сделать типологические обобщения и практические замечания по вопросу особенностей лаврской иконографии и стиля этого периода.

Список литературы:

1. Адамович О.В. Стилистика икон «Недриманне око» на материалах коллекции Национального Киево-Печерського історико-культурного заповідника [Текст] / Адамович О.В. // Образ Христа в українській культурі. – К., 2001. С. 129 - 138.
2. Беликова Г. О. Икона «Собор Преподобных Печерських» [Текст] / Г. О. Беликова // Пам'ятки України. – 2007. – № 1. – С. 69–79.
3. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры subspeciesaesthetica. Т. 1. Раннее христианство. Византия. М., СПб: Университетская книга, 1999. 575 с.; 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. Т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М., СПб: Университетская книга, 1999. 527 с.
4. Дятлов В. А. Киево-Печерська Лавра [Текст] : довідник-путівник / Дятлов В. А. – К. : Тип. Києво-Печерської Лаври, 2008. – 488 с.
5. Жолтовський П. М. Малюнки Києво-Лаврської іконописної майстерні [Текст] : альбом-каталог / Жолтовський П. М. – К. : Наукова думка, 1982. – 286 с. : іл.
6. Истомин М. П. К истории живописи в Киево-Печерской лавре в XVIII в. [Текст] / М. П. Истомин // Чтения в Историческом обществе Нестор-летописца. – К., 1895. – Кн. 9. – С. 64–75.
7. Истомин М. П. Обучение живописи в Киево-Печерской Лавре в XVIII в. [Текст] / М. П. Истомин // Искусство и художественная промышленность. – 1901. – № 10 (34), июль. – С. 291–310.
8. Истомин М. П. Обучение живописи в Киево-Печерской лавре в XVIII в. [Текст] / М. П. Истомин // Искусство и художественная промышленность. – 1901. – № 11 (35), август. – С. 311.
9. Квливидзе Н. В. Великий Архиерей Иисус Христос [Текст] / Н. В. Квливидзе // Православная энциклопедия. – Т. 7. – М., 2004. – С. 451–452.
10. Квливидзе Н. В. Иисус Христос [Текст] / Н. В. Квливидзе // Православная энциклопедия. – Т. 21. – М., 2009. – С. 674–713.
11. Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник, т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа / Н.П. Кондаков// Лицевой иконописный подлинник. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. — 1905. СПб. – 239 с. ил.
12. Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне / Н. П. Кондаков // Памятники христианского искусства на Афоне. – 1912 г. СПб. – : Тип. Имп. Акад. Наук, 1912. – 312 с., 49 фототип. : ил.
13. Лебединцев П. Г. Описание Киево-Софийского кафедрального собора [Текст] / Лебединцев П. Г., протоиерей. – К. : Тип. Е. Т. Керер, 1882. – 101 с.
14. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / Алексей Лидов. – М.: Феория: Дизайн. Информация. Картография: Троица, 2009. – 352 с.; ил.
15. Лопухіна О.В. Духовні образи преподобних Антонія та Феодосія в Києво-Печерському патеріку і традиція їх іконного зображення [Текст] / Лопухіна О.В. // Могилянські читання: Матеріали щорічних наукових конференцій 1996-1997. – К., 1998 – С. 83.
16. Лопухіна О.В. Иконографія преподобних Печерських у гравюрах лаврських видань XVII ст. Богословська думка і художній образ // Могилянські читання 2001 року: Збірник наукових праць. – К., 2002. – С. 119-122.
17. Лопухіна О.В. Києво-Печерська ікона Успіння Богородиці. Історія і побутування чудотворного образу XI – XX ст. [Текст] / Олена Лопухіна // Лаврські мистецтвознавчі студії : зб. наук. пр. – К., 2015. – С. 51–96.
18. Пітателева О. В. Особливості іконографії у двох іконах «Таємна вечеря» з іконостаса Троїцької Надбрамної церкви [Текст] / Пітателева О. В. // Лаврський альманах : зб. наук. пр. – К., 2003. – Вип. 11. – С. 92–96.
19. Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии / Н. В. Покровский// Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских – М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 564 с.: ил.
20. Пуцко В.Г. До історії Києво-Печерської іконографії XVII ст. // Могилянські читання 2000 року: Збірник наукових праць – К., 2001. – С. 233-242.
21. Пуцко В.Г. Розп'яття в Києво-Печерській гравюрі першої половини XVII ст.: питання іконографії і стилю.// Могилянські читання 2001 року: Збірник наукових праць. – К., 2002. – С. 162-172.
22. Рыжова О. О. Иконопись Киева XVIII века: мастерские и сохранившиеся произведения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Вопросы истории и теории христианского искусства. — Москва, 2013. — Вып. V: 1 (10). — С. 110–135.
23. Рижова О.О. Особливості іконографії та стилістики зображень на іконах печерної церкви Прп. Варлама Печерського (Свято-Успенська Києво-Печерська Лавра) / О.О.Рижова // Мистецтвознавчі записки, № 26, К., 2014, С. 229 – 234.
24. Рижова О.О. Книжкова гравюра як джерело іконографії Лаврського іконопису XVII – XVIII століття / О.О.Рижова // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв, № 4-5, Харків, 2014, с. 93-96.

25. Риждва О.О. Європейська релігійна картина як джерело іконографії Лаврського та Київського іконопису XVIII століття / О.О.Риждва // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв, № 1, Харків, 2015, С. 89-95.
26. Риждва О.О. Богослужбові тексти та тексти Святого Письма як джерело іконографії Лаврського іконопису XVIII століття (на прикладі ікон з іконостаса церкви Всіх Святих над Економічною брамою Свято-Успенської Києво-Печерської Лаври) / Риждва О.О. // Традиції та новації у вищій архітектурно-художній освіті, вип. № 3, Харків, 2015, С. 53 – 57.
27. Риждва О.О. Особливості іконографії зображень на іконах з Успенського собору Києво-Печерської Свято-Успенської Лаври / Риждва О.О. // Вісник Державної Академії керівних кадрів культури і мистецтв. Щоквартальний науковий журнал. № 4, Київ, 2015. – с.83-88.
28. Риждва О.О. Європейська гравюра як джерело іконографії лаврського іконопису XVIII століття // Риждва О.О. // «Мистецтвознавчі записки», № 27, 2015, с. 269 - 277.
29. Риждва О.О. Ікони іконостаса печерної церкви Святого Преподобного Феодосія на Дальніх печерах Свято-Успенської Києво-Печерської лаври: особливості зображень, написи, уточнення атрибуції // Риждва О.О. // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв, № 2, 2016, с. 43-47.
30. Сидор О. Бароко в українському живописі [Текст] / Сидор О. // Українське бароко та європейський контекст / упорядник О. Федорук. – К., 1991. – С. 173–183.
31. Фоменко В. М. Патерик Печерський у дєреворізах Ілії та Прокопія [Текст] / В. М. Фоменко // Українське мистецтвознавство. – К., 1993. – Вип. 1. – С. 29–43. : іл.
32. Ходак І.О. До іконографії святих Антонія й Феодосія Печерських: невідомий образ XVII ст. з Київщини / Ходак І.О. // Могилянські читання 2004: Зб. наук. пр.: Музейне збереження пам'яток сакрального мистецтва. Історія, сучасна практика та майбутнє – К., 2005. – С. 570-579.
33. Шиденко В. А. Іконостаси церковей, находящихся в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры [Текст] / Шиденко В. А. // Лаврський альманах : зб. наук. пр. – К., 2009. – Вип. 23. – С. 124–137.
- Електронні ресурси**
35. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея Евангелиста, XXXV // Он же. Полное собрание творений. Т. 7, кн. 1. [Электронный ресурс] : [текст на сайте <http://www.ccel.org>]. – Электрон. дан. – Режим доступа — https://www.ccel.org/contrib/ru/Zlatmat1/Mat1_25.html. - Загл. с экрана.
36. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея Евангелиста, XXXV // Он же. Полное собрание творений. Т. 7, кн. 2. [Электронный ресурс] : [текст на сайте <http://www.ccel.org>]. – Электрон. дан. – Режим доступа — https://www.ccel.org/contrib/ru/Zlatmat2/Mat2_59.html - Загл. с экрана.
37. Святое Евангелие от Матфея с толкованием Святых Отцов (Троицкие листки) [Электронный ресурс] : [текст на сайте <http://www.azbyka.ru>]. – Электрон. дан. – Режим доступа — <http://azbyka.ru/otechnik/Biblia/svjatoe-evangelie-ot-matfeja-s-tolkovaniem-svjatykh-ottsov-troitskie-listki/> - Загл. с экрана.
38. Толковая Библия или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Под ред. А.П. Лопухина. Новый Завет. От Луки, гл. 4. [Электронный ресурс] : [текст на сайте <http://www.bible.in.ua>]. – Электрон. дан. – Режим доступа — <http://www.bible.in.ua/underl/Lop> - Загл. с экрана.
39. Толкование священного Писания. Толкование на Мф. 11:28. Прп. Макарий Великий. Собрание рукописей типа П. Беседа 35. [Электронный ресурс] : [текст на сайте <http://bible.optina.ru>]. – Электрон. дан. – Режим доступа — http://bible.optina.ru/new:mf:11:28#prp_makarij_velikij - Загл. с экрана.
40. Ерминия или наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурнографотом . [Электронный ресурс] : [текст на сайте <http://azbyka.ru/>]. – Электрон. дан. – Режим доступа — <http://azbyka.ru/otechnik/ikona/erminija-ili-nastavlenie-v-zhivopisnom-iskusstve-sostavlennoe-ieromonahom-i-zhivopistsem-dionisiiem-furnografotom/> - Загл. с экрана.

Yang Juan

associate professor of the department of design art,
Huai Yin Institute of Technology

Ян Цзюань

кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна и искусств, Хуайнский Технологический Институт

**WAYS AND MEANS OF APPROVAL WESTERN TRADITION BALLET AND PIANO
PERFORMANCE IN JAPAN, CHINA AND KOREA
ПУТИ И СРЕДСТВА УТВЕРЖДЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТРАДИЦИЙ БАЛЕТНОГО И
ФОРТЕПИАННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В ЯПОНИИ, КИТАЕ И КОРЕЕ**

Summary: Throughout the long history of human civilization, the oriental culture has made great contributions to the development of the world art and culture. Besides, in the process of its own development, it adopts and blends the Western traditional art, especially in the 20th century. The author considers the ways and means, especially borrowing and integration performance traditions of piano and classical dance in China, South Korea and Japan, which have received the most vivid and fruitful development in the period of XX-XXI centuries.

Key words: performing arts, piano art, ballet art, Western, Eastern, China, South Korea, Japan.

Аннотация: На протяжении всей истории человечества, восточная культура внесла большой вклад в развитие мирового искусства и культуры. Кроме того, в процессе своего собственного развития, она вбирала и ассимилировала западную художественную традицию, что особенно заметно и активно проявилось в XX веке. Автор рассматривает пути и средства освоения исполнительских традиций западного искусства в Китае, Южной Корее и Японии, которые получили наиболее яркое и плодотворное развитие на рубеже XX-XXI вв.

Ключевые слова: исполнительское искусство, фортепианное искусство, балетное искусство, Запад, Восток, Китай, Южная Корея, Япония.

Постановка проблемы. Исторический опыт заимствования европейских исполнительских традиций фортепианного искусства и балета, которые на протяжении менее чем полутора столетий утвердились и получили активное развитие в художественной культуре Японии, Китая и Кореи. Наиболее убедительными являются достижения Востока в области фортепианного искусства и классического балетного искусства. Это и победы на сложнейших мировых конкурсах, и активная гастрольная практика музыкантов и артистов балета на лучших сценах мира, Это и педагогическая деятельность, которую они ведут в престижных учебных заведениях Европы, Америки и Азии. К сожалению, до настоящего времени искусствоведение не обратило специального внимания на уникальный опыт заимствования Востоком традиций исполнительского искусства Запада. До сих пор не вскрыты пути и средства их аккультурации, столь быстрой, почти мгновенной на фоне длительного, поступательного, историко-культурного процесса в этом регионе мира.

Анализ последних исследований и публикаций. Фортепианное искусства Восточной Азии привлекает, по большей части, внимание национальных исследователей. Среди их трудов следует отметить, прежде всего, наиболее фундаментальные, созданные педагогами- методистами и теоретиками фортепианного искусства Бянь Мэн, Ви Нам Сон, Ким Ми Енг, Ляо Хон Юю, и написанные на китайском, реже русском языках [1; 2; 3; 4]. В свете нашего исследования представляет интерес статья исследователя Ляо Хон Юю. Анализируя черты генезиса фортепианного искусства Китая, исследователь обращает особое внимание на то, что особенности возникновения и развития искусства

игры на фортепиано как явления художественной культуры Китая обусловлены многими факторами. Он справедливо утверждает, что

«Изучение общих закономерностей экономического, историко-культурного и социального развития современного китайского общества и их влияния на становление фортепианного искусства — единственный способ объективного понимания особенностей развития современной художественной культуры Китая».

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Несмотря на обилие и разнообразие исследований, посвященных взаимоотношению культур Востока и Запада, проблема развития диалога между ними далека от своего решения, при этом в свете идущих процессов глобализации она представляет далеко не академический интерес.

Цель статьи. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и охарактеризовать наиболее общие для Китая, Кореи и Японии пути и средства, которые привели к утверждению и расцвету в этих странах заимствованного у Запада фортепианного и балетного исполнительского искусства.

Приоритетное направление интеграции традиций фортепианного и балетного исполнительского искусства Запада в художественную культуру изучаемого региона стало профессиональное освоение этих традиций. Оно выступало в формировании прочной профессиональной базы, заключающейся в подготовке исполнителей пианистов и артистов балета, — а также педагогов, балетмейстеров, композиторов и т.п. С другой стороны, необходимо было сформировать особую социокультурную среду, обеспечивающую массовое грамотное восприятие публикой традиций западного искусства.

Основными путями распространения и интенсивного развития традиций исполнительского искусства Запада стали: профессиональное и общее художественное образование, пропаганда и популяризация этих традиций, а также обеспечение надлежащей материальной базы их освоения и развития. Для успешного продвижения по этим путям понадобился целый комплекс различных средств: эффективная методика профессионального и массового фортепианного и балетного образования, действенная художественная критика и публицистика, практико-ориентированная наука. В этом же ряду соответствующая учебно-методическая, нотная и научно-популярная литература, специализированные и научно-популярные журналы, посвященные фортепианному и хореографическому искусству, тематически направленная аудио и видео продукция и т.п. средства. Все они «работают» как на становление профессиональных исполнителей, так и на подготовку публики. Важными средствами, приведшими к активному и эффективному усвоению и развитию традиций западного искусства, стали фестивали и конкурсы разного уровня, а также интенсивная концертная и гастрольная практика. Немаловажную роль сыграли строительство современных по архитектуре и техническому оснащению театров, концертных залов и учебных заведений, производство фортепиано различной ценовой категории, которые мы трактуем как материальную основу, во-многом обеспечившую сегодняшние успехи дальневосточных пианистов и артистов балета и массовый интерес публики к фортепианному искусству и искусству балета.

Вопрос воспитания публики с точки зрения искусствоведения – один из самых важных. Относительно восприятия традиций фортепианного и балетного исполнительского искусства Запада этот вопрос в странах Восточной Азии приобретает особое значение, поскольку местные жители должны были освоить традиции чужой, в определенной мере даже чуждой западной культуры. Этот процесс следует рассматривать как приобретение коммуникативных способностей к новой культуре. И эти способности могли быть усвоены только в деятельности и через положительный опыт общения с носителями новых традиций. Формирование подготовленной публики фортепианного и балетного искусства осуществлялось в рамках общего, массового образования, которое в Японии, Китае и Корее имело свои особенности.

Следует признать, что и фортепиано и классическая хореография становятся в условиях экономического подъема и улучшения материального благосостояния не только символом европейской культуры, но и признаком высокого стандарта жизни, а занятия балетом и игра на фортепиано рассматриваются как престижное и благородное занятие.

Среди многих причин, способствующих быстрому освоению представителями Японии, Китая и Кореи фортепианного исполнительского искусства и искусства классического танца, едва ли не самую важную роль играет образование. Охарактеризуем

основные тенденции, формы и средства музыкального и хореографического образования, которые являются общими для этих стран и, как нам представляется, в наибольшей степени способствуют оптимизации фортепианного и балетного искусства в данном регионе.

Прежде всего, отметим особенности, принципиально отличающие это образование от европейского или американского. Обобщая работы многих исследователей, посвященные фортепианному и балетному обучению Японии, Китая и Кореи, мы выделяем следующие особенности:

- 1) раннее развитие детей;
- 2) массовость общего музыкального образования;
- 3) заимствование опыта лучших фортепианных и хореографических школ мира;
- 4) активное использование современных технологий.

Важно подчеркнуть, что именно массовой характер фортепианного и балетного образования, который сегодня является отличительной чертой художественной культуры Японии, Китая и Кореи, сегодня позволяет выбирать из большого количества детей наиболее одаренных, чтобы затем готовить их как профессиональных исполнителей.

Еще одной характерной особенностью профессиональной педагогики является ориентир на образцы выдающихся исполнителей. Анализу и подражанию на определенном этапе обучения известным, «эталонным» интерпретациям придается огромное значение. Этому способствует мировая индустрия аудио и видеозаписей, а также и колоссальные по объему интернет-ресурсы. Благодаря им ученик и преподаватель тщательно изучают лучший мировой опыт, анализируя интерпретации, оценивая и выбирая свои пути. Такая аналитическая работа представляет собой новый прогрессивный аспект современной профессиональной педагогики.

Как правило, профессиональное образование (по крайней мере, начальное) подавляющее большинство исполнителей получает на родине. К примеру, в Японии кроме 40 музыкальных университетов и 45 консерваторий (большинство из них частные) существует значительное количество колледжей и университетов общего профиля, в которых есть специальность «фортепиано». В отличие от фортепианной подготовки государственная система хореографического образования в Японии отсутствует. Однако, хотя профессиональную подготовку по хореографии можно получить только в частных балетных студиях, благодаря сильной финансовой поддержке частных лиц, профессиональное образование артистов балета в таких студиях имеет достаточно высокий уровень.

Высшее фортепианное образование в Китае можно получить в таких государственных учебных заведениях, как Центральная (Пекинская) государственная консерватория, Шанхайская, Тяньцзиньская, Шэньянская, Сичжуанская, Синхайская,

Вухайнская и Сианская консерватории. Исследователь Суй Бо приводит данные о том, что к началу 1990-х гг. профессиональное высшее музыкальное образование в Китае давали восемь консерваторий и факультеты семи художественных институтов. Кроме того, фортепианные классы были открыты в сорока двух педагогических университетах, институтах и техникумах. Кроме того, во многих городах были созданы институты искусств, специальные факультеты при отдельных университетах. Высшее балетное образование в Китае можно получить в Шанхайской консерватории, Пекинской академии танца, а также в некоторых гуманитарных вузах.

В Корее существует пять Средних школ искусств и двадцать три Старшие (т.е., высшие) школы искусств. Помимо этого, некоторые университеты имеют музыкальные факультеты с кафедрами фортепианного искусства. Таким образом, всего на сегодняшний день имеется 85 университетов и 30 колледжей, в которых можно получить фортепианное образование. Что же касается хореографического образования, то только в Сеуле насчитывается около сорока учебных заведений имеющих балетные отделения. Кроме того, существуют профессиональные балетные школы, среди которых в Сеуле пользуются особой известностью и отличающимся высоким уровнем преподавания: университет Йевон, Сеульская гимназия искусств, Сонхва, академия балета Юниверсал, школа при Корейском национальном университете искусств.

Плодотворному развитию фортепианного и хореографического искусства в Японии, Китае и Корее способствует активное заимствование лучшего зарубежного опыта. Такое заимствование осуществляется, прежде всего, путем приглашения на работу зарубежных специалистов на длительный срок, а также организации мастер-классов, что становится возможно в период проведения Международных конкурсов или гастролей известных пианистов, балетмейстеров, балетных трупп.

Важным средством, способствующим повышению эффективности процесса профессионального обучения будущих пианистов и артистов балета, являются наиболее известные научно-методические пособия, монографии и статьи, созданные лучшими исполнителями, педагогами и искусствоведами мира. Выпуск специализированной научной, учебной, методической и популярной литературы (включая нотную), безусловно, играет значительную роль в освоении европейских традиций фортепианного исполнительского искусства и искусства классического танца. С одной стороны, такая литература является

необходимым звеном в образовании и профессиональном становлении пианистов и артистов балета, с другой – способствует популяризации фортепианного и хореографического искусства, привлекая к ним все новых и новых поклонников. К примеру, во всех трех странах переведены и неоднократно издавались значимые для становления пианистов работы П. Бадюра-Скоды, В. Дж. Бастьена, Л. Баренбойма, Й. Гата, И. Гофмана, Г. Нейгауза, С.

Фейнберга и многие другие. Наиболее востребованными для педагогов-хореографов Японии, Китая и Кореи являются переводы трудов известных российских артистов балета и педагогов, таких как А. Ваганова, Е. Валукин, С. Головкина, А. Мессерер и другие работы, давно ставших классикой балетной педагогики. Этот ряд традиционной методической литературы дополняется сегодня аудио и видеозаписями концертов, балетных спектаклей и мастер-классов ведущих исполнителей мира – пианистов и артистов балета, а также аудио и видео уроками (в том числе, интерактивными) для профессионалов и любителей. Утверждению художественных традиций Запада в Японии, Китае и Корее способствует и активное развитие науки, благодаря которой происходит осмысление накопленного опыта, выявляются основополагающие тенденции и наиболее перспективные направления дальнейшего продвижения фортепианного и хореографического искусства, уточняется место и роль японской, китайской и корейской фортепианной и балетной школ в мировой художественной культуре.

Освоение западного художественного опыта в единстве технических основ искусства, его внутреннего содержания во всем многообразии эмоций, чувств, психологического состояния особенно быстро и активно происходит в том случае, если посредником является японский, китайский или корейский педагог, долгое время постигающий этот опыт за рубежом. Живя в условиях западной культуры, такой специалист глубоко, «изнутри» впитывает традиции искусства Запада, и осмысливает, как приспособить новые традиции к восточному менталитету. Вернувшись на родину, подобный педагог дает своим ученикам понимание того, как в контексте иной культуры возможна трансформация европейского фортепианного или балетного искусства. Объясняя молодым исполнителям тонкости и нюансы социокультурных особенностей, он вселяет в них профессиональную уверенность.

Значительную роль в становлении пианистов и артистов балета Японии, Китая и Кореи играют конкурсы. Система конкурсов весьма развита в странах Востока. Начиная с детских соревнований в области фортепиано и балета, среди которых немало мероприятий как местного значения (городские, региональные), так и международного, юные исполнители постепенно включаются в борьбу за победу в самых престижных конкурсах мирового уровня. Среди таковых Международные конкурсы пианистов им. Ф. Шопена, им. Маргариты Лонг и Жака Тибо, им. Ф. Листа, им. П. Чайковского, им. Ф. Бузони, им. В. Клиберна и многие др.

Завоевывают все большую известность и профессиональный авторитет Международные конкурсы, проходящие в Азии. Так, событием в мире балета становятся проводимые каждые три года в Японии Всемирные фестивали балета, токийские фестивали искусств, балетные фестивали Аояма, на которые съезжается элита балетного мира. Не менее значимы Международ-

ные конкурсы пианистов и артистов балета, которые проходят регулярно в Китае и Корее. Следует иметь в виду, что конкурсы международного класса не только помогают выявить новые таланты. Они способствуют обучению молодых исполнителей, а также и педагогов, часть которых является членами жюри, а часть – слушателями. Кроме того, в рамках некоторых конкурсов проводятся семинары и мастер-классы, которые способствуют профессиональному общению и заимствованию лучшего опыта.

С другой стороны, художественная критика выполняет функцию посредника между искусством и публикой, разъясняя специфику той или иной творческой деятельности, пробуждая общественный

интерес к ней, формируя эстетические вкусы публики и обеспечивая целенаправленное воспитание подготовленного, грамотного слушателя и зрителя. Именно поэтому профильные научные, научно-популярные и популярные периодические издания по музыкальному искусству и хореографии, специальные передачи по радио и телевидению выполняют функцию своеобразных «рычагов», активизирующих межкультурный диалог в области художественных традиций Запада и Востока.

К примеру, в Японии существует достаточно развитая система музыкальной критики и выпускается много периодических изданий, благодаря которым искусство фортепианной игры и классического балета становится достоянием не только профессионалов, но и любителей. Среди этих изданий есть узкоспециализированные журналы, посвященные фортепиано, такие, как «Шопен» («Chopin») выпускающийся в Токио с 1984 года, или «Музыкальная торговля», на протяжении более чем 50 лет обслуживающий торговлю фортепиано. Есть и издания более широкого профиля, в которых часто встречаются статьи, посвященные фортепианному искусству: «Музыкальная критика», «Музыка», «Японская музыка», «Музыкальное образование» («Educational music»), «Новая музыка» («Music Nova»). Нередко

материалы о фортепианном исполнительстве фортепианной музыке можно встретить в таких популярных журналах, как «Друзья музыки» («Friends of music»), «Искусство в записи» («Recording Arts») и «Стерео» (два последних ориентируют читателей в мире звукозаписей музыки).

Искусство хореографии, классической, европейского типа, находит в Японии отражение в таких ежемесячных периодических изданиях, как специализированные «Журнал танца» («Dance magazine») и «Путь балерины», а также популярные «Clara» и «Croise».

В Китае выпускается 28 периодических журналов, посвященных исключительно музыкальному искусству, среди которых «Музыкальное искусство», «Исследования музыки», «Искусство музыки», «Инструмент», «Любитель музыки», «Народная музыка», «Детская музыка», выходящие ежемесячно в Пекине и Шанхае. В них регулярно

публикуются статьи, посвященные истории и теории фортепианного искусства, методике преподавания фортепиано, помещаются анализы фортепианных конкурсов, творческие портреты пианистов и т.п. Издается также специализированный журнал «Фортепианное исполнительство». Достаточно часто материалы, освещающие различные стороны фортепианного искусства печатаются

в журналах крупных учебных заведений, таких как «Вестник уханьской консерватории», «Вестник юго-китайского педагогического университета», «Вестник синхайской консерватории», «Вестник шаньюэского университета» и др.

Искусству танца посвящены специальные китайские журналы: «Танец», ежемесячно издаваемый с 1957 г. Союзом танцевальных деятелей и ежеквартальный журнал «Вестник Пекинского танцевального института» существующий с 1987 г. Кроме того, проблемы хореографии обсуждаются и на страницах журналов тех высших учебных заведений, в которых есть факультеты хореографии.

В Корее периодическая печать также служит важным средством развития фортепианного искусства и искусства классического европейского танца. Здесь выпускается 15 музыкальных журналов, три из которых специализируются исключительно на фортепиано:

«Фортепиано» («The Piano»), «Фортепиано в Корее» («Piano Korea»), «Новости Бастьен-фортепиано» («Bastian Piano News»). Хореографическое искусство находит отражение в профессиональном журнале «Балетная Корея» и художественно-критических журналах «Корейский театр» и «Корейское искусство».

Небывало быстрый по скорости расцвет фортепианного искусства и искусства классического танца в Японии, Китае и Корее не мог бы осуществиться без современной материальной базы. Говоря об этом, мы имеем в виду наличие необходимого количества зданий с концертными и театральными площадками должного качества, служащих, с одной стороны, для окончательной реализации исполнительской деятельности, с другой – для формирования устойчивого интереса к данным видам искусства и воспитания просвещенной публики. Материальная база искусства включает также здания учебных заведений, в полной мере отвечающие потребностям современного учебно-воспитательного процесса и оборудованные в соответствии с требованиями и возможностями XXI века.

Еще одним важным средством на пути освоения фортепианного исполнительского искусства и искусства классического танца следует считать выпуск специализированной научной, учебной, методической и популярной литературы (включая нотную). Она, с одной стороны, является необходимым звеном в образовании и профессиональном становлении пианистов и артистов балета, с другой – способствует популяризации фортепианного и хореографического искусства, привлекая к ним все новых и новых поклонников. Этот ряд дополняется аудио и видео записями концертов, балетных спектаклей и мастер-классов ведущих исполнителей

мира – пианистов и артистов балета, аудио и видео уроками (в том числе, интерактивными) для

профессионалов и любителей. Безусловно, необходимым условием освоения традиций искусства Запада и быстрого формирования национальной фортепианной и балетной школ является наличие изданий художественно-критического характера. Особым моментом полноценного развития фортепианного искусства выступает также обеспеченность музыкальными инструментами, – пианино, роялями, – которые являются необходимым условием образовательного процесса.

Следует отметить, что во всех трех странах сегодня достаточное количество прекрасных дворцов искусств и концертных залов, располагающих самой современной техникой. Нередко это грандиозные, современной архитектуры и дизайна культурные комплексы, построенные по проектам ведущих национальных и

европейских архитекторов, и совмещающие в себе конференц-залы, галереи, выставочные павильоны, магазины, рестораны, кафе. Сюда приходят семьями на целый день, завершая его посещением художественной выставки, концерта или спектакля.

Таким образом, создание во второй половине XX ст. крупных восточноазиатских компаний по производству фортепиано позволило насытить внутренний рынок Японии, Южной Кореи и Китая достаточно качественными инструментами современной конструкции. Снижение стоимости сделало пианино и рояли доступными для массового покупателя этих стран, что способствовало формированию материальной базы фортепианного искусства и привело к массовому обучению игре на фортепиано, что, в свою очередь, стимулировало развитие не только любительского, но и профессионального фортепианного исполнительского искусства в данном регионе.

Выводы и предложения.

Творческие достижения пианистов и артистов балета Японии, Китая и Кореи и формирование национальных фортепианной и балетной школ этих стран были обеспечены не только высоким уровнем экономики и материального благосостояния населения, но главное, политикой государства. В странах дальневосточного региона художественное творчество рассматривается как первостепенное условие формирования креативной нации, что является залогом долговременного развития и расцвета науки, экономики, промышленности, культуры, т.е., состояния государства в целом. В этом русле международные победы и гастроли представителей фортепианного и хореографического искусства интерпретирую-

тся в контексте глобализма как факт усиления престижа страны на мировой арене.

Список литературы:

1. Бянь, Мэн. Очерки становления и развития китайской фортепианной культуры / Мэн Бянь // Пекин : Китайская музыка, 1996. – 181с.
2. Ви, Нам Сон. Содержание и методика музыкального воспитания и обучения игре на фортепиано детей дошкольного возраста в Республике Корея : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Нам Сон. Ви // М. : МГУКИ, 2005. – 171 л.
3. Ким, Ми Енг. Содержание начального обучения игре на фортепиано в детских музыкальных школах и колледжах Республики Корея : (на материале российской фортепианной школы) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Ми Енг. Ким // М. : МГУКИ, 2003. – 151 л.
4. Ляо, Хон Юю. История и развитие фортепианной музыки в провинции Фудуань / Хон Юю Ляо // Фудуань : Фудуаньский пед. ун-т, 2010. – 256 с

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Toropitsyn I.V.

*candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of history,
Astrakhan state University*

Торопицын Илья Васильевич

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
Астраханский государственный университет*

LITTLE KNOWN FACTS OF MILITARY HISTORY IN ASTRAKHAN YURTOVSKY TATARS: PART IN THE WAR AGAINST POLAND FOR REUNITING UKRAINE WITH RUSSIA IN XVII CENTURY

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР: УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ С ПОЛЬШЕЙ ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ В XVII В.

Abstract: the article discusses events related to the Russian-Polish war in the second half of the XVII century. In the spotlight are the actions of Russian troops in 1654, in the Smolensk region and Belarus. Analyzes the numerical structure of the Astrakhan Yurtovsky Tatars drafted into the Russian army, their participation in military operations in the Central and North-Western Russian armies and the actions of a separate unit under the command of a nobleman of M. P. Voeikov, which served Yurtovsky Tatars, near the city of Mogilyov.

Key words: Russo-Polish war, Smolensk, Mogilev, Yurt Tatars, 1654.

Аннотация: В статье рассматриваются события, связанные с русско-польской войной во второй половине XVII в. В центре внимания оказываются действия русских войск в 1654 г. в районе Смоленска и на территории Белоруссии. Анализируется численный состав астраханских юртовских татар, призванных в русскую армию, их участие в военных действиях в составе Центральной и Северо-западной русских армий, а также действия отдельного отряда под командованием дворянина М.П. Воейкова, в составе которого служили юртовцы, в окрестностях города Могилева.

Ключевые слова: Русско-польская война, Смоленск, Могилев, юртовские татары, 1654 год.

Постановка проблемы: Социально-политическая история тюркского населения Нижнего Поволжья в период после его присоединения к Московскому государству не привлекала особого внимания исследователей. Астраханские юртовские татары попадали в поле зрения ученых в основном в связи с изучением ими различных социальных и политических процессов в среде казачества, среди народов Поволжья и Северного Кавказа и в других регионах России [5, 8, 9]. А между тем источники свидетельствуют, что русские власти активно привлекали астраханских юртовских татар наряду с другими народами к участию в различных военных кампаниях.

Анализ последних исследований и публикаций: В историографии встречаются лишь отрывочные сведения об участии астраханских юртовских татар в войнах России. Так, в исследованиях А.Н. Мальцева и А.А. Новосельского отмечается факт привлечения астраханских татар в ряды царских войск, собранных 1654 г. для участия в войне с Польшей. По их сведениям, в северо-западную русскую армию должны были прибыть 500 астраханских татар, но, как установил А.А. Новосельский, в мае 1654 г. в распоряжение царских воевод в Псков прибыли только 372 астраханских татарина. Ими командовали ногайский мурза Шатемир Ишере и джетисанский («едисакский») мурза Касбулат Калпулатович. Они вошли в состав полка С.Л. Стрешнева, формировавшегося в Пскове [6, с. 25; 7, с. 119].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы: По сути, дальше констатации самого

факта присутствия в 1654 г. астраханских юртовских татар в русском войске исследователи не пошли.

Цель статьи: Поэтому перед нами стоит задача постараться выяснить подробности участия астраханских юртовских татар в войне с Польшей.

Изложение основного материала: С этой целью нами было предпринято изучение обширного корпуса опубликованных источников, относящихся хронологически к указанному периоду времени. В результате удалось установить, что в 1654 г. в Псков прибыла лишь часть астраханских татар, мобилизованных в ряды русских войск в связи с началом войны с Польшей. Согласно дворцовым разрядам за 1654 г. в составе основной русской армии, выступившей из Москвы под командованием царя Алексея Михайловича, находились астраханские мурзы и татары. Они вошли в Государев полк. Головами у них были назначены Моисей Иванович Еропкин и Василий Никитич Панин [4, с. 417]. Эти астраханские татары прибыли в русскую армию под началом юртовского мурзы Атманая Байтерекова и табунного головы Курманака Маркашева. В пути их сопровождал стольник Василий Волынский [2, с. 236].

Не исключено, что астраханских татар могло быть еще больше в рядах русских войск, но часть из них уклонилась от службы. Как сообщал 27 апреля 1654 г. в Терскую крепость астраханский воевода князь И.П. Пронский, ему было велено выслать на царскую службу в Москву астраханских ногайских мурз и их улусных людей, но «те Нагайские мурзы, Янибек мурза с братью и с племянники, не похотя

Государю служить, изменили, из-под Государевы высокие руки из-под Астрахани отошли прочь, а ведомо мне учинилось, что они пошли в Кумыки» [2, с. 204]. Этим объясняется тот факт, что вместо 500 астраханских татар в северо-западную армию к В.П. Шереметеву из Астрахани пришло только 372 человека с двумя мурзами.

Подробностей участия астраханских татар в русско-польской войне не много. Северо-западная русская армия под общим командованием В.П. Шереметева в кампании 1654 г. должна была наступать на Невель – Витебск – Полоцк. «Общее указание было дано такое, – пишет А.А. Новосельский, – запретить ратным людям «побивать» и грабить «белорусцов крестьянские веры, которые противны не будут»; если пожелают, могут служить вместе с государевыми ратными людьми» [7, с.120]. К 20 мая 1654 г. полки северо-западной армии, которыми командовали боярин В.П. Шереметев, окольничий С.Л. Стрешнев и думный дворянин Ж. Кондырев, должны были соединиться около границы Речи Посполитой для начала похода.

По прибытию в русскую армию астраханские татары получили полагавшееся им жалованье. А.А. Новосельский отмечает, что прибывшие в северо-западную армию татары первым делом потребовали подъемных денег, «чем им из Пскова на твою государеву службу поднятца и в дорогу запасы покупитца». Командир полка С.Л. Стрешнев вынужден был взять деньги на жалованье астраханским татарам у псковского воеводы. Оба мурзы получили поденного корма по 4 и 3 алтына, а рядовым было выдано по 6 денег [7, с. 135].

Очевидно, что аналогичные суммы причитались и тем астраханским татарам, которые вошли в состав Государева полка основной русской армии, направлявшейся к Смоленску. В царской грамоте, направленной в Астрахань 9 ноября 1654 г. отмечалось, что юртовские Атманай мурза Байтереков и табунный голова Курманак Маркашев и все татары по приезде на царскую службу под Смоленск были пожалованы: царь «велел им видеть свои Государевы пресветлые очи и пожаловал их своим Государским жалованьем» [2, с. 236].

В мае армия В.П. Шереметева, насчитывавшая порядка 15 тысяч человек, выступила на Невель. Согласно сведениям А.А. Новосельского, астраханские татары вместе с сотней новгородцев из Бежецкой пятины во главе с М.В. Теглевым из полка Ж.В. Кондырева были посланы за «языками». С подходом в начале июня 1654 г. основных русских сил Невель сдался. После этого русская армия разделяется: В.П. Шереметев во главе основных сил направляется к Полоцку, а С.Л. Стрешнев со своим полком двинулся к Витебску.

Сходу взять Озерища, располагавшиеся по дороге к Витебску, С.Л. Стрешневу не удалось. Он вынужден был двинуться на город Десну и острог Друю. Первый город сдался на милость победителя, а население второго оказало сопротивление. Друю «взяли и высекли и выжгли». После этого С.Л. Стрешнев вернулся к Озерищам. 3 августа он

осадил этот город и «бился с литовскими людьми» до тех пор, пока местное население не сдалось ему.

Выполняя указание от В.П. Шереметева, С.Л. Стрешнев двинулся от Озерищ на город Усвят и далее к Сурожу. 16 августа Усвят был осажден русскими силами. В течение недели здесь шли беспрестанные бои, но в итоге 23 августа местный староста и оставшиеся защитники города сдали Усвят царскому воеводе [7, с. 121, 123, 124].

Астраханские татары в составе основной русской армии шли к Смоленску через Вязьму и Дорогобуж. 28 июня армия под командованием царя Алексея Михайловича обосновалась в двух верстах от Смоленска. В работах, посвященных кампании 1654 г. в период русско-польской войны, не акцентируется внимание на действиях отдельных полков в период осады Смоленска. А.Н. Мальцев пишет, что из русской армии, собранной под Смоленском, высылались крупные отряды к Орше, Кричеву и другим городам [6, с. 42-43].

Согласно дворцовым разрядам 30 июля царь послал под Кричев воеводу П.В. Шереметева, а с ним «голов своего государева полку», в числе которых упомянуты «у Татар: Михайло Иванов сын Наумов-Дрожжа, Федор Севастьянов сын Колтовской». 1 августа под Дубровну был отправлен стольник и воевода Ф.Ф. Куракин и окольничий В.П. Львов, с которыми были направлены семь сотен «жилецких». При этом отмечено, что у татар в головах были М.И. Еропкин и В.Н. Панин. Спустя три недели воеводам Ф.Ф. Куракину и В.П. Львову приказано было из-под Дубровны возвратиться к Смоленску, «а которые жилецкие и Татарские сотни были с ним, с князем Федором, под Дубровною, и Государь указал тем сотням быть под Кричевым с стольником и воеводою с Петром Шереметевым» [4, с. 437, 439, 443]. Учитывая то, что в составе русских войск под Смоленском не было других татар, кроме астраханских, речь может идти именно о юртовских татарах.

В царской грамоте, направленной астраханским воеводам 9 ноября 1654 г. с царского стана из-под Смоленска за приписью думного дьяка Л. Лопухина, была дана высокая оценка роли астраханских юртовских татар в военных действиях под Смоленском. В ней отмечалось, что юртовские Атманай мурза Байтереков, табунный голова Курманак Маркашев и все юртовские татары «будучи на твоей Государеве службе, в полках, с твоими Государевыми бояры и воеводы и с головами, тебе Великому Государю служили, с Польскими и с Литовскими людьми бились, и полон многой, лошадей и животину и всякую рухлядь поимали» [2, с. 236].

Содержание царской грамоты свидетельствует, что астраханские юртовские татары участвовали в военных действиях в составе различных полков русской армии, осаждавшей Смоленск. А.Н. Мальцев, например, пишет, что 30 июля 1654 г. царь Алексей Михайлович направил в Могилев К. Поклонского и М. Воейкова с небольшим отрядом служилых людей, стрельцов и татар для того, чтобы уговорить могилевцев сдать город добровольно [6,

с. 50]. Следовательно, центральное русское командование в период осады Смоленска ставило перед астраханскими юртовскими татарами самые разные задачи в зависимости от потребностей военной обстановки.

Подтверждением этого служат материалы, опубликованные в Актах, относящиеся к истории Южной и Западной России. Они дают нам точный список астраханских юртовских татар, направленных из лагеря под Смоленском для выполнения особого задания под началом дворянина М.П. Воейкова. Перечисляя состав служилых людей, посланных под его началом в Могилев, М.П. Воейков указывает: «Имена юртовским татаром Келимбетова табуна Рамазанова: Есенгельдей Ахыбетев. Курашева табуна Ягашева: Кикши Алангуров. Юзеева табуна Тлешева: Атагул Айрыков, Амалгул Кадыргулов, Ярсай Есенгельдеев. Курманакова табуна Маркашова: Алышай Ялмамбетев, Яныбек Куныршаев, Ештег Алабердеев, Байданы Сайдалин, Акбулат Кармышев. Темирева табуна Саломатова: Алабердей, Тарабердей, Инкожабердей. Агышеватова табуна Шихова Алакай Довлетев. Килимбутева табуна Рамазанова: Енко есаул, Исенгельдей, Абыз Анаев, Рысмамбет Исенгельдеев, Седей Акимбетев, Рысмамбет Яныбеков, Юмаш Усенгулов, Баймамбет Кунушев» [3, с. 194].

Список свидетельствует, что в состав отряда М.П. Воейкова вошли астраханские татары из разных юртовских табунов, возглавляемых табунными головами Келимбетом Ромозановым, Курашем Ягашевым, Курманаканом Маркашевым, Темиром Саломатовым, Агышем Шиховым. Причем из них, как следует из царской грамоты астраханским воеводам от 9 ноября 1654 г., только табунный голова Курманак Маркашев находился в действующей армии под Смоленском.

Следовательно, астраханские юртовские татары выставляли на войну сводные отряды из жителей разных табунов, которые независимо от своей принадлежности к определенному табуну подчинялись в период участия в военных действиях тому (или тем) табунному голове, который лично выступал на войну. При этом непосредственно в ходе военной кампании из юртовцев могли формировать меньшие по численности отряды, которые придавались царским военачальникам для выполнения различных задач.

Так, 7 августа 1654 г. М.П. Воейков послал пять московских и двух астраханских стрельцов, а также десять астраханских татар и пятьдесят человек чаусовцев (пеших) за реку Проню для захвата пана М. Гижитцкого, который «сведав твоих государевых людей, убежал в Могилев, и те твои государевы люди, идучи с посылки, наехали дву человек ляхов шляхты и привели мне холопу твоему». Взятые в плен оказались людьми пана Рагуцкого [3, с. 211-212].

8 августа астраханцы в составе отряда М.П. Воейкова вместе с людьми полковника К. Поклонского и полковника В. Золотаренко участвовали в бое с шедшим из Могилева на Чаусы отрядом во

главе с панами Тобияшем Ждановичем и Михаилом Гижицким (300 человек «шляхты», три «хоронги» и 10 гайдуков), которых они разбили и захватили трех пленных. «А на том, государь, бою, – писал М.П. Воейков, – твои государевы люди побили тех ляхов могилевцов человек с двести, а твоих государевых людей сохранил Бог» [3, с. 213-214].

11 августа М.П. Воейков во главе своего отряда («с стрельцами и с татарами») вместе с К. Поклонским и его новоприборными людьми из числа крестьян выступил из Чаусов в поход на Могилев. В трех милях от города в селе Петровичах отряд остановился и «около обозу вал скопали». В тот же день М.П. Воейков по просьбе полковника К. Поклонского отправил под Могилев астраханских татар за «языками» [3, с. 302]. 16–17 августа в русский лагерь под Могилевым стали выезжать «на Государево имя» шляхтичи, казаки и гайдуки, которых М.П. Воейков допрашивал и приводил к присяге на верность русскому царю, после чего отсылал под конвоем в расположение основной русской армии под Смоленск [3, с. 215-216, 219].

24 августа М.П. Воейков и полковник К. Поклонский вступили в Могилев, где в соборной церкви приняли присягу у местных жителей на подданство царю Алексею Михайловичу. По мнению Л.С. Абецедарского, население Могилева перешло на сторону России после того, как в городе стало известно о разгроме литовского войска Я. Радзивила под Шепелевичами [1, с. 158]. А.Н. Мальцев считает, что присоединение Могилева к России было большим успехом русских войск. Этот город являлся одним из наиболее крупных и развитых экономических центров Белоруссии того времени и значительным политическим центром [6, с. 51].

20 сентября М.П. Воейков получил указание отпустить из-под Могилева астраханских татар и стрельцов к царю в Смоленск. 25 сентября по его указанию в Смоленск отправились 15 астраханских татар и один стрелец. При этом М.П. Воейков сообщил, что ранее отпустил с полковником К. Поклонским под город Кричев пять астраханских татар, которые вместе с отрядом К. Поклонского тоже придут оттуда под Смоленск. С этой отпиской был отправлен к царю астраханский татарин Деян Килимбетев [3, с. 401-402].

9 ноября 1654 г. царь Алексей Михайлович отпустил астраханских юртовских татар со своей службы в Астрахань. Юртовцам было предписано двигаться до Казани, а потом дальше. Вместе с татарами были отпущены и астраханские стрельцы. По всей видимости, царь остался доволен военной службой астраханских татар. Он приказал астраханским воеводам И.П. Пронскому, В. Волконскому и А. Иевлеву по получении данной грамоты собрать в Приказную избу всех астраханских (нагайских, едисанских и юртовских) мурз, табунных голов и «лучших людей» и объявить им, что призванные на службу под Смоленск астраханские юртовские татары хорошо зарекомендовали себя в боях с поляками и литовцами и царь «их мурзу и

табунного голову и татар за ту их службу пожаловал, тот взятой многой полон, лошадей и животину и всякую рухлядь, велел отдать им», и они всю захваченную на войне добычу «продавали повольною ценою». В ответ на это царь рассчитывал, что астраханские татары с еще большей охотой захотят участвовать в русско-польской войне. Он приказал астраханским воеводам объявить тюркской знати, чтобы они весной будущего года направили на царскую службу Мамадемина мурзу Урусова и Янмамета мурзу Янаева, юртовских мурз, а также табунных голов Келимбета Ромазанова, Кудаша Ерлыгашева и Темира Саламатова, а с ними три тысячи их людей «добрых, а не наемщиков». Вместе с татарами приказано было направить пятьдесят астраханских стрельцов. Списки отправленных на службу велено было прислать в Приказ Казанского дворца. Всем татарам и стрельцам следовало двигаться в русскую армию «не мешкая нигде ни часу, чтоб им поспеть для твоей государевы службы не испустя времени» [2, с. 236–237].

Уже 22 марта 1655 г. царь указал быть у горских «черкас» и у астраханских татар стольнику и воеводам князю Г.С. Черкасскому и М.И. Еропкину, с которыми были также письменные головы А.И. Еропкин и Н.Х. Волков [4, с. 464]. Однако каких-либо подробностей их службы в составе русских войск в продолжающейся войне с Польшей источники не приводят.

Выводы и предложения: Таким образом, документы свидетельствуют, что с началом русско-польской войны за воссоединение Украины с Россией астраханские татары были привлечены царем Алексеем Михайловичем к участию в военных действиях против Польши. Тюркские жители Нижнего Поволжья участвовали в 1654 г. в боях за Смоленск в составе полков Центральной русской армии, находившейся под командованием царя Алексея Михайловича, а также воевали на территории Белоруссии в составе полка С.Л. Стрешнева, входившего в состав Северо-западной армии В.П. Шереметева. При этом часть астраханских татар из Центральной русской армии под началом стряпчего

М.П. Воейкова по указанию царя Алексея Михайловича приняла участие в миссии по склонению жителей Могилева к добровольному присоединению к России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054/а.

Список литературы:

1. Абецдарский Л.С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI-XVII в. Под ред. З.Ю. Копысского. Мн.: Высшая школа, 1978. – 256 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. – 592 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: [В 15-ти т.]. СПб., 1861–1892. Т. 14: (Доп. к т. 3): [Присоединение Белоруссии: 1654–1655]. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1889. – [4], V, 18 с., 902 стб., 39 с.
4. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 3. СПб., 1852. – 1658 стб.
5. Куц О.А. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630-60-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г. Алексеева. М.-СПб., 2006. С. 398–414.
6. Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М.: Издательство Московского университета, 1974. – 254 с.
7. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М.: Наука, 1994. – 224 с.
8. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста, 2012 – 376 с.
9. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. 1947. С. 30–110.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Bezhenar V.F.,

doctor of medicine, professor,

Head of the Department of obstetrics, gynecology and reproductology,

Head of the Clinic of Obstetrics and Gynecology,

The First State Medical Pavlov University

Russia, St. Petersburg

Shapkaitz V.A.,

doctor of medicine, professor,

chief of SPbSOH «Maternity Hospital №16»

Russia, St. Petersburg

Dobrovolskaia I.A.,

candidate of medicine,

associate professor of the department of obstetrics, gynecology and reproductology,

the First State Medical Pavlov University

Russia, St. Petersburg

Rukoiatkina E.A.,

candidate of medicine,

deputy chief of SPbSOH «Maternity Hospital №16»

Russia, St. Petersburg

Беженарь Виталий Фёдорович

Доктор медицинских наук, профессор,

заведующий кафедрой акушерства, гинекологии и репродуктологии, руководитель клиники акушерства и гинекологии.

Первый Санкт-Петербургский государственный

медицинский университет им. акад. И. П. Павлова МЗ РФ

Россия, г. Санкт-Петербург

Шапкайтц Владимир Александрович

Доктор медицинских наук, профессор,

главный врач СПбГУЗ «Родильный дом №16»

Россия, г. Санкт-Петербург

Добровольская Ирина Алексеевна

Кандидат медицинских наук,

доцент кафедры акушерства, гинекологии и репродуктологии,

Первый Санкт-Петербургский государственный

медицинский университет им. акад. И. П. Павлова МЗ РФ

Россия, г. Санкт-Петербург

Рукояткина Елена Алексеевна

Кандидат медицинских наук, доцент,

заместитель главного врача

СПбГУЗ «Родильный дом №16»

Россия, г. Санкт-Петербург.

THE PERINATAL OUTCOME BY THE FOETUS BREACH

ПЕРИНАТАЛЬНЫЕ ИСХОДЫ ПРИ ТАЗОВЫХ ПРЕДЛЕЖАНИЯХ ПЛОДА

Summary: the main indications for the caesarian delivery by patients with a foetus breach are the combined traditional indications for a surgical delivery. The condition of a newborn child by conservative or surgical delivery by birth in time or premature birth does not depend on the delivery method but depends on a structur of neonatal pathology.

Key words: foetus breach, perinatal outcomes, birth in time and premature birth, natural birth caesarian delivery.

Аннотация: Ведущими показаниями для кесарева сечения у пациенток с тазовыми предлежаниями плода являются сочетанные традиционные показания для оперативного родоразрешения. Состояние новорожденных при консервативных и оперативных срочных и преждевременных родах не зависит от способа родоразрешения, а определяется структурой неонатальной патологии.

Ключевые слова: тазовые предлежания, перинатальные исходы, роды срочные и преждевременные, естественные роды, кесарево сечение.

Постановка проблемы. Данные о перинатальных исходах для матери и плода в результате естественных и оперативных родов при тазовых предлежаниях носят разноречивый характер. Выбор в пользу абдоминального родоразрешения требует осторожного подхода, поскольку расширение показаний к кесареву сечению еще не является гарантией улучшения их характера [2,3,6].

В доступной литературе отсутствуют четкие рекомендации по ведению родов в тазовом предлежании. В сроках более 32 недель беременности и головном предлежании плода рекомендуют естественные роды (ЕР), при ножном предлежании плода и других акушерских показаний - родоразрешение операцией кесарева сечения (КС). Некоторые авторы отмечают, что при доношенной беременности плановое КС уменьшает перинатальные потери и раннюю неонатальную заболеваемость. Частота родоразрешений КС при тазовом предлежании колеблется от 40 до 80%, что, наряду с нормативными документами, определяют возможности и традиции лечебного учреждения. В большинстве развитых стран при тазовом предлежании плода в сроке 36 недель беременности пациентке предлагают операцию наружного поворота плода на головку, а при неудачной его попытке или при отказе пациентки решают вопрос о способе родоразрешения [1,2,4,5]. Однако до сих пор не разработаны четкие рекомендации по ведению преждевременных родов в тазовом предлежании. Неисследованной является также зависимость состояния новорожденных в тазовых предлежаниях при родах, произошедших в различные сроки беременности, от способа разрешения.

Целью исследования явился анализ течения срочных и преждевременных родов в тазовом предлежании плода в 2015 году в СПб ГБУЗ «Родильный дом №16» с учетом особенностей их ведения и перинатальных исходов.

Произведен ретроспективный анализ 225 историй родов в тазовых предлежаниях за 2015 год в

СПб ГБУЗ «Родильный дом №16». Всего родились 236 детей (в том числе - 11 двоен), из них 229 детей - в тазовых предлежаниях. Роды в срок произошли у 157 (69,8%) беременных, родились всего 162 ребенка, из них в тазовых предлежаниях - 159 живых детей. Преждевременные роды произошли у 68 (30,2%) пациенток, родились всего 74 ребенка, из них 70 - в тазовых предлежаниях, в том числе: в сроках 22 - 27 недель беременности - 17 (7,4%), в 28-34 недель - 33 (14,4%) - в 35-37 недель - 19 (8,3%) недоношенных новорожденных. Естественные роды (ЕР) у 105 (47,1%) пациенток завершились рождением 110 детей, из них 109 - в тазовых предлежаниях. Операцией кесарева сечения (КС) родоразрешены 120 (52,9%) пациенток, при этом родились 126 детей, из них 120 - в тазовых предлежаниях. Наступление благоприятного или неблагоприятного исхода родов оценивали по состоянию детей после рождения, при этом дети, родившиеся в удовлетворительном состоянии и в состоянии гипоксии легкой и средней степени тяжести составили группу с благоприятным исходом, а дети, родившиеся в угрожающем для жизни состоянии - гипоксия тяжелой степени и погибшие интранатально, отнесены к группе с неблагоприятным исходом. Статистическая обработка полученных результатов произведена с помощью методов непараметрической статистики по критериям Фишера и χ^2 Пирсона.

Осложнения беременности и родов, составляющие сочетанные показания для оперативного родоразрешения пациенток с тазовыми предлежаниями плода представлены в Таблице 1. Ведущими в структуре показаний для кесарева сечения во всех группах пациенток явились: преждевременное излитие околоплодных вод при незрелых родовых путях, ножное предлежание плода, прогрессирующая хроническая и внутриутробная гипоксия плода, преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты, тяжелая преэклампсия.

Осложнения беременности и родов пациенток с тазовыми предлежаниями плода

Срок родов, нед	22-27		28-34		35-37		Доношенный	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Число детей в тазовых предлежаниях при КС	6	5,0	13	10,9	12	10,0	89	74,1
ПИОВ при незрел. родовых путях	2	33,3	6	46,2	3	25,0	34	38,3
Многоплодная беременность	0	0	3	23,1	0	0	3	3,4
ХВГП прогрессиру.	2	33,3	5	38,5	3	25,0	14	15,7
Хориоамнионит	0	0	2	15,4	1	8,3	0	0
Выпадение петель пуповины	0	0	3	23,1	1	8,3	2	2,2
Гестоз тяжелой ст.	1	16,6	2	15,4	2	16,7	3	3,4
Ножное предлежание плода	5	83,4	5	38,5	2	16,7	7	7,9
ПОНРП	3	50,0	2	15,4	2	16,7	3	3,4
Полное предл. плац.	1	16,6	0	0	0	0	0	0
Слабость род. деят.	0	0	0	0	0	0	7	7,9
Возраст беременной	0	0	1	7,7	0	0	8	9,0
Рубец на матке	0	0	1	7,7	1	8,3	7	7,9
Макросомия плода	0	0	0	0	0	0	8	9,0
Отказ берем. от ЕР	0	0	0	0	0	0	1	1,1

В результате срочных родов родились 159 (69,4%) живых доношенных новорожденных в тазовых предлежаниях (Таблицы 2, 3). При ЕР родились 70 (44,0%) детей с массой и длиной тела: 3070 ± 1,7 граммов и 51,0 ± 0,2 см (p ≤ 0,05), из них: в удовлетворительном состоянии и в состоянии гипоксии легкой степени - 37 (96,8%), гипоксии средней степени тяжести - 3 (4,2%) детей. Патология раннего неонатального в этой группе детей была представлена: задержкой внутриутробного развития (ЗВУР), гипотрофией плода; внутриамниотической инфекцией (ВАИ) с поражением внутренних органов; конъюгационной гипербилирубинемией, синдромом дыхательных расстройств (СДР); наркотическим абстинентным синдромом (НАС), врожденным сифилисом; родовой травмализм был представлен переломом ключицы и парезом Эрба (Таблица 2).

В результате оперативных родов родились 89 (56,0%) детей в тазовых предлежаниях со средними массо-ростовыми показателями: 3274,8 ± 2,2 граммов и 52,7 ± 0,8 см (p ≤ 0,05); у всех детей состояние при рождении было удовлетворительным или - гипоксия легкой степени тяжести. Неонатальная патология в данной группе была представлена: конъюгационной гипербилирубинемией, аспирационной пневмонией, НАС, ЗВУР, гипотрофией плода, врожденной дисплазией тазобедренных суставов, переломом ключицы.

Преждевременные роды произошли у 68 (30,6%) пациенток, в тазовых предлежаниях родились 70 (30,6%) недоношенных детей предлежаниях (Таблицы 2,3).

В результате ранних преждевременных родов на 22-27 неделях беременности родились 17 детей (7,4%) в тазовых предлежаниях: в ножном - 10

(58,8%), в чисто-ягодичном - у 5 (29,4%), у 2 (11,8%) - в смешанном предлежании. Через ЕРП были родоразрешены 11 (64,7%), операцией КС - 6 (35,3%) пациенток. В результате ЕР родились 11 (68,4%), из них - 6 (54,5%) живых, 5 (45,5%) детей погибли интранатально; после КС - 6 (31,6%) живых детей в тазовых предлежаниях с массо-ростовыми показателями соответственно: 804,6 ± 0,4 граммов, 34,2 ± 0,5 см и 793,3 ± 0,2 граммов, 33,9 ± 0,1 см (p ≤ 0,05).

Из 6 живых новорожденных в результате ЕР гипоксия легкой и средней степени диагностирована у 4 (36,3%), гипоксия тяжелой степени - у 2 (18,2%), 5 (45,5%) детей родились без признаков жизни. Состояние 6 детей, рожденных операцией КС, соответствовало: гипоксии легкой и средней степени - у 4 (66,6%), гипоксии тяжелой степени - у 2 (33,4%). Патология неонатального периода у 6 (46,2%) живых детей, родившихся при ЕР была представлена: во всех случаях - недоношенностью и СДР, а также - врожденными пороками развития, ВАИ с поражением внутренних органов и анемией тяжелой степени. В результате КС родились 6 живых детей (100%), патология у которых была представлена: недоношенностью и СДР - у всех детей, а также - ВАИ с поражением внутренних органов и конъюгационной гипербилирубинемией.

В результате преждевременных родов в 28-34 недели родились в тазовых предлежаниях родились 34 (14,8%) ребенка. В результате 20 ЕР родился 21 (9,1%) ребенок с массой и длиной тела соответственно: 1394,2 ± 0,7 граммов и 33,9 ± 0,1 см (p ≤ 0,05); из них: в чисто-ягодичном - 15 (71,4%), в смешанном - 4 (19,2%), в ножном - 2 (9,4%). Состояние детей после рождения оценивали: гипоксия легкой и средней степени - у 17 (80,9%), гипоксия тяжелой

степени - у 3 (14,3%), 1 (4,8%) ребенок погиб интранатально. Роды операцией КС по экстренным показаниям завершились рождением 13 (38,2%) детей с массой и длиной тела соответственно: $1292,7 \pm 0,9$ г и $41,6 \pm 0,7$ см ($p \leq 0,05$): в чисто-ягодичном - 6 (46,2%), в смешанном - 2 (15,2%), в ножном - 5 (38,5%). Состояние детей соответствовало: гипоксии легкой и средней степени тяжести - у 12 (92,3%), тяжелой степени - у 1 (7,7%). Патология раннего неонатального периода при ЕР была представлена: недоношенностью; врожденными пороками развития; ЗВР, гипотрофией плода; ВАИ с поражением внутренних органов, СДР, конъюгационной гипербилирубинемией, НАС. Дети, рожденные операцией КС, страдали: недоношенностью, врожденными пороками развития; ЗВР, гипотрофией плода - у 2 (15,4%); ВАИ, СДР, конъюгационной гипербилирубинемией; геморрагическим поражением мозга, геморрагическим инфарктом в области переднего рога правого бокового желудочка.

Преждевременные роды при беременности 35 - 37 недель произошли у 18 пациенток, в тазовых предлежаниях всего родились 19 (8,2%) детей, из

них: через ЕРП - 7 (33,3%), операцией КС - 12 (66,7%). В родах через ЕРП родились 7 (33,3%) живых детей с массой и длиной тела - $2164,3 \pm 0,7$ граммов, $47,0 \pm 0,3$ см соответственно: в чисто-ягодичном - 4 (57,1%), в смешанном - 3 (42,9%).

Состояние детей, родившихся в тазовых предлежаниях в результате ЕР, было: удовлетворительным и гипоксия легкой степени у 6 (85,7%), тяжелой степени - у 1 (14,3%). В результате операции КС родились 12 (66,7%) детей с массой и длиной тела: $1991,1 \pm 0,7$ граммов и $45,4 \pm 0,7$ см ($p \leq 0,05$): в чисто-ягодичном - 8 (66,6%), в смешанном - 2 (16,7%), в ножном - 2 (16,7%). Состояние новорожденных было: удовлетворительным и гипоксия легкой степени - у 11 (87,4%), тяжелой степени - у 1 (8,3%). Патология новорожденных после ЕР была представлена: недоношенностью; ЗВР, гипотрофией плода; ВАИ; конъюгационной гипербилирубинемией, СДР, НАС; после КС: недоношенностью, конъюгационной гипербилирубинемией, СДР, ВАИ; геморрагическим поражением мозга; ЗВУР, гипотрофией плода.

Таблица 2

Состояние новорожденных при ЕР при тазовых предлежаниях

Срок родов, нед.	22-27		28-34		35-37		Доношенный	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Число детей в тазовых предлежаниях при ЕР	11	10,1	21	19,3	7	6,4	70	64,2
Масса тела (г)	$804,6 \pm 0,4$		$1394,2 \pm 0,7$		$2164,3 \pm 0,7$		$3070 \pm 1,7$	
Длина тела (см)	$34,2 \pm 0,5$		$33,9 \pm 0,1$		$47,0 \pm 0,3$		$51,0 \pm 0,2$	
<i>Состояние детей</i>								
Гипоксия лег. степ.	1	9,1	4	19,0	5	71,4	36	51,4
Гипоксия ср. степ.	3	27,2	13	61,9	0	0	3	4,2
Гипоксия тяж. степ.	2	18,2	3	14,3	1	14,3	0	0
Интранатальная гибель плода	5	45,5	1	4,8	0	0	0	0
<i>Патология раннего неонатального периода</i>								
недоношенность	6	100	21	100	7	100	0	0
врожденные пороки развития	2	33,3	2	9,5	3	42,3	0	0
ЗВУР, гипотрофия плода	0	0	2	9,5	2	28,6	2	2,8
ВАИ с поражением внутренних органов	4	66,7	6	28,6	1	14,3	2	2,8
СДР	6	100	6	28,6	1	14,3	1	1,4
Конъюгационная гипербилирубинемия	0	0	6	28,6	1	14,3	3	4,3
НАС	0	0	1	4,8	1	14,3	2	2,8
Врожденный сифилис	0	0	0	0	0	0	2	2,8
Геморрагическое поражение мозга	0	0	0	0	0	0	0	0
Анемия тяжелой степени	1	16,7	0	0	0	0	0	0
Перелом ключицы	0	0	0	0	0	0	2	2,8
Парез Эрба	0	0	0	0	0	0	1	1,4

* $p \leq 0,05$

Состояние новорожденных в результате КС при тазовых предлежаниях.

Срок родов, нед	22-27		28-34		35-37		Доношенный	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Число детей в тазовых предлежаниях при КС	6	5,0	13	10,9	12	10,0	89	74,1
Масса тела (г)	793,3 ± 0,2		1292,7 ± 0,9		1991,1 ± 0,7		3274,8 ± 2,2	
Длина тела (см)	33,8 ± 0,3		41,6 ± 0,7		45,4 ± 0,7		51,7 ± 0,8	
<i>Состояние детей</i>								
Удовлетвор.	0	0	0	0	1	8,3	52	58,4
Гипоксия лег. степ.	1	16,6	10	76,9	9	75,1	37	41,6
Гипоксия ср.степ. тяж.	3	50,0	2	15,4	1	8,3	0	0
Гипоксия тяж. степ.	2	33,4	1	7,7	1	8,3	0	0
Без признаков жизни	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>Патология раннего неонатального периода</i>								
недоношенность	6	100	13	100	12	100	0	0
врожденные пороки развития	0	0	2	15,4	0	0	0	0
Дисплазия тазобедренных суставов	0	0	0	0	0	0	2	2,2
ЗВУР, гипотрофия плода	0	0	2	15,4	2	16,7	8	8,8
ВАИ с поражением внутренних органов	4	66,7	8	61,5	2	16,7	0	0
СДР	6	100	7	53,8	3	25,0	1	0
Конъюгационная гипербилирубинемия	1	16,7	6	46,2	3	25,0	3	3,3
НАС	0	0	0	0	0	0	1	1,1
Геморрагическое поражение мозга	0	0	1	7,7	1	8,3	0	0
Перелом ключицы	0	0	0	0	0	0	1	1,0

* p ≤ 0,05

Обсуждение результатов. 17 ранних преждевременных родов в 22-27 недель завершились рождением 12 (70,5%) живых детей, 5 (29,5%) погибли интранатально при ЕР. Благополучный исход ЕР отмечен у 1 (9,1%) ребенка. Число неблагоприятных исходов: рождение 5 (45,4%) детей в состоянии гипоксии средней и тяжелой степени и интранатальная гибель 5 (45,5%) детей составили в совокупности 91,1%. Роды КС завершились благополучно для 1 ребенка (16,6%), в то время как угрожающее жизни состояние диагностировали у 5 (83,4%) детей. Состояние 6 живых новорожденных при консервативных и 6 - при оперативных ранних преждевременных родах соответствовало преимущественно гипоксии средней и тяжелой степени и составило в обеих группах по 83,4%. Патология неонатального периода у детей, родившихся при ЕР и КС, была преимущественно представлена глубокой недоношенностью (100%), СДР (100%) и ВАИ с поражением внутренних органов (66,7%).

В результате консервативных и оперативных преждевременных родов в 28-34 недели беременности родились 34 новорожденных. Благополучные (80,9%) и неблагоприятные (19,1%) исходы при ЕР были представлены рождением детей в состоянии: гипоксии легкой и средней степени - у 17 (80,9%), гипоксии тяжелой степени - у 3 (14,3%), интранатальной гибелью плода 1 (4,8%). При КС исходы

родов были преимущественно благополучными: гипоксия легкой и средней степени тяжести - у 12 (92,3%), тяжелой степени - у 1 (7,7%). Патология неонатального периода у детей обеих групп была представлена глубокой недоношенностью (100%), ВАИ с поражением внутренних органов (28,6% и 61,5%); СДР - у 6 (28,6% и 53,8%); конъюгационной гипербилирубинемией - у 28,6% и 46,2% соответственно.

Роды в 35 - 37 недель беременности завершились рождением 19 живых детей. Благополучные исходы ЕР, а именно: удовлетворительное состояние и гипоксия легкой степени отмечены у 6 (85,7%), тяжелой степени - у 1 (14,3%).

В результате КС родились 12 (66,7%) детей преимущественно с благополучным исходом: в удовлетворительном состоянии, с гипоксией легкой и средней степени - 11 (91,7%), тяжелой степени - 1 (8,3%). Патология у детей в обеих группах была представлена недоношенностью (100%), СДР - у 16,7% и 25,0%; ЗВР, гипотрофией плода - у 33,3% и 11,8%; ВАИ с поражением внутренних органов - у 16,7% и 11,8% соответственно.

Срочные консервативные и оперативные роды в тазовых предлежаниях плода в обеих группах завершились рождением новорожденных преимущественно с благополучными исходами, составив

шими при ЕР 67 (94,3%) и при КС - 89 (100%). Гипоксия средней степени тяжести у 3 детей при ЕР наступила: при родах двойней (первый плод мумифицированный) в ножном предлежании плода у необследованной роженицы; при родах двойней, выпадении петель пуповины первого плода, извлечении его за тазовый конец; на фоне хориоамнионита, при разгибании головки плода и выведении ее приемом Морисо-Левре. Родовой травматизм новорожденных при ЕР был представлен переломом ключицы у 1 ребенка (1,4%) в процессе оказания пособия по Цовьянову и перелом ключицы, парезом Эрба (1,4%) у второго плода из двойни при выведении запрокинутых ручек и выполнении пособия Морисо-Левре.

Недостаточный объем числа наблюдений в группах новорожденных не позволил применить методы параметрической статистики. Статистическая обработка полученных результатов была произведена с помощью методов непараметрической статистики по критериям Фишера и χ^2 . Проверка принятой нулевой гипотезы о том, что сочетание метода родоразрешения и перинатального исхода не случайно показала хорошие совпадения результатов с вероятностью события $p \leq 005$, что позволило отвергнуть принятую нулевую гипотезу и сделать вывод, что между условием и событием не имеется зависимости.

Выводы. Состояние новорожденных при консервативных и оперативных ранних преждевременных родах соответствовало преимущественно гипоксии средней и тяжелой степени. Патологию неонатального периода в обеих группах детей, составили: глубокая недоношенность, СДР и ВАИ с поражением внутренних органов. ЕР в сроках 22-27 недель сопряжены с высокой частотой интранатальной гибели плодов.

Преждевременные роды в 28-34 недели беременности завершились при ЕР и при КС в большинстве благополучно (80,9% и 92,3% соответственно). Неблагополучный исход ЕР был обусловлен рождением 3 детей (14,3%) в состоянии гипоксии тяжелой степени и интранатальной гибелью 1 плода (4,8%). При оперативных родах родился 1 (7,7%) ребенок с гипоксией тяжелой степени.

Роды в 35 - 37 недель беременности завершились преимущественно благополучными исходами: в результате ЕР - 85,7%, при КС - 91,7%. Патология неонатального периода в 28-34 и 35-37 недель представлена глубокой недоношенностью; ВАИ с поражением внутренних органов, СДР и конъюгационной гипербилирубинемией.

Срочные консервативные и оперативные роды в тазовых предлежаниях плода в обеих группах завершились преимущественно благополучными исходами: при ЕР 67 (94,3%) и при КС - 89 (100%) детей.

Сравнительный анализ исходов консервативных и оперативных родов для новорожденных не установил зависимости благополучных исходов от способа родоразрешения. Ведущими в структуре показаний для кесарева сечения во всех группах пациентов явились сочетанные традиционные показания для оперативного родоразрешения: преждевременное излитие околоплодных вод при незрелых родовых путях, прогрессирующая хроническая и внутриутробная гипоксия плода, преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты, тяжелая преэклампсия, а также - ножное предлежание плода. Родоразрешение операцией кесарева сечения не является решающим фактором, обеспечивающим благоприятный исход родов в интересах плода, и определяется совокупностью показаний к операции.

Список литературы:

1. Акушерство: национальное руководство / под ред. Г. М. Савельевой, Г. Т. Сухих, В. Н. Серова, В. Е. Радзинского. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. - 1088 с. - (Серия "Национальные руководства").
2. Ведение беременности и родов при тазовом предлежании плода [Текст]: клинический протокол / Вартапетова Н.В., Баширов М.И., Логуненко К.П. и др.; руководитель группы Н.В. Вартапетова - М. : Проект «Мать и дитя», 2011. - с. 32
3. Чернуха Е. А. Всех ли женщин с тазовым предлежанием плода при доношенной беременности следует родоразрешать путем кесарева сечения? / Е. А. Чернуха, Т. К. Пучко // Акушерство и гинекология. - 2007. - No 2. - С. 8-14.
4. Anderson J., Etches D., Smith D. Advanced Life Support in Obstetrics (ALSO): Provider Course Manual // J. Anderson, D. Etches, D. Smith / Eds J. R. Damos, S. H. Eisinger. - Kansas, 2000. - P. 1-15.
5. Belfrage P. The term breech presentation. A retrospective study with regard to the planned mode of delivery / P. Belfrage, L. Gjessing // Acta Obstet. Gynecol. Scand. - 2002. - Vol. 81, No 6. - P. 544-550.
6. Kotaska A. Combatting coercion: breech birth, parturient choice, and the evolution of evidence-based maternity care. Birth 32;2:176-80.

Emelyanova N. Yu.

*Candidate of medical sciences, dentist,
senior research associate of the department of Chronic Non-communicable Disease Prevention GI «L.T. Malaya Therapy National Institute of the National Academy of Medical Sciences of Ukraine»,
Ukraine, Kharkov*

Kolesnikova E.N.

*Research Associate of cardiopulmonology department
GI «L.T. Malaya Therapy National Institute of the National Academy of Medical Sciences of Ukraine»,
Ukraine, Kharkov*

Емельянова Н.Ю.

*кандидат медицинских наук, врач-стоматолог,
старший научный сотрудник отдела профилактики ХНИЗ,
ГУ «Национальный институт терапии им. Л.Т. Малой НАМН Украины»
Украина, г. Харьков*

Колесникова Е.Н.

*Научный сотрудник отдела кардиопульмонологии,
ГУ «Национальный институт терапии им. Л.Т. Малой НАМН Украины»
Украина, г. Харьков*

FEATURES DENTAL MANIFESTATIONS IN PATIENTS WITH CHRONIC OBSTRUCTIVE PULMONARY DISEASE

ОСОБЕННОСТИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ У ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ОБСТРУКТИВНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ЛЕГКИХ

Summary: The article presents results of the clinical examination of patients with chronic obstructive pulmonary disease. It is known that organs and tissues of the oral cavity in this category of patients are long-term controlled exposure to inhaled drugs, which contributes to the development and progression of pathological changes. The purpose of the study is identification of specific dental manifestations in patients with COPD, depending on the duration of the received basic therapy. Noted that over 70% of patients receiving ICSs and b2-agonists have a characteristic dental complaints and symptoms on the mucous membrane of the mouth, the incidence of which increases with duration of intake of the basic treatment of COPD.

Key words: Chronic obstructive pulmonary disease, inhaled glucocorticoids, b2-agonists, oral mucosa, periodontal, hypersensitivity.

Аннотация: В статье представлены результаты клинического обследования пациентов с хроническими обструктивными заболеваниями легких. Известно, что органы и ткани полости рта у данной категории пациентов подвергаются длительному не контролируемому воздействию ингаляционных лекарственных препаратов, что способствует развитию и прогрессированию патологических изменений. Цель исследования - выявление особенностей стоматологических проявлений у пациентов с ХОБЛ в зависимости от длительности получаемой базисной терапии. Отмечено, что более 70% пациентов, принимающие ИГКС и b2-агонисты имеют характерные стоматологические жалобы и проявления на слизистой оболочке полости рта, частота встречаемости которых увеличивается с длительностью приема базисной терапии ХОБЛ.

Ключевые слова: Хроническая обструктивная болезнь легких, ингаляционные глюкокортикоиды, b2-агонисты, слизистая оболочка полости рта, пародонт, гиперестезия.

Постановка проблемы.

Существующие взаимосвязи между поражениями полости рта и заболеваниями внутренних органов настораживают как стоматологов, так и врачей-интернистов. На сегодняшний день известен ряд соматических заболеваний, которые, как правило, имеют характерные проявления на слизистой оболочке полости рта (ГЭРБ, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, сахарный диабет, артериальная гипертензия, бронхиальная астма и т.д.) [2,3,4,5].

В последние годы особый интерес представляют сочетанные заболевания органов полости рта и бронхо-легочной системы, что связано с их анатомическим и функциональным единством [8]. Описаны не только изменения тканей пародонта при заболеваниях органов дыхания, но и частое развитие воспалительных изменений в бронхо-легоч-

ной системе у пациентов с пародонтитом, что указывает на взаимоотношающееся влияние указанных патологий.

По медицинской значимости одно из ведущих мест в патологии бронхо-легочной системы человека занимает хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ), имеющая широкое распространение, увеличивающуюся тенденцию к росту, сложности в коррекции и серьезный прогноз [9].

В настоящее время ХОБЛ определяется как распространенное заболевание, которое можно предупредить и лечить. Данная патология характеризуется стойким, обычно прогрессирующим ограничением проходимости дыхательных путей, ассоциированным с повышенным хроническим воспалительным ответом легких и дыхательных путей на действие вредных частиц или газов. [10].

Развитию ХОБЛ способствуют действие как экзогенных (курение, профессиональные вещества

неорганической и органической природы, экологические и климатические факторы, некоторые формы респираторной инфекции), так и эндогенных (врожденный дефицит Альфа-1-антитрипсина, гиперреактивность бронхов) факторов риска [7].

Систематическое влияние раздражающих факторов (главным образом, табачного дыма, реже – загрязненного атмосферного воздуха или в связи с профессиональными вредностями) у генетически предрасположенных лиц ведет к развитию аномального воспалительного процесса в мелких бронхах, сопровождающегося инфильтрацией стенок альвеол альвеолярными макрофагами, Т-лимфоцитами, нейтрофилами что приводит к развитию фиброза стенок с последующим их сужением. Развиваются метаплазия эпителия с гибелью его ресничек, гипертрофия подслизистых желез, нарушение дренажной функции, увеличение продукции слизи, появляется мокрота, которая со временем меняет свои реологические характеристики и становится вязкой. Все это в совокупности приводит к развитию обструкции мелких бронхов, что является главным патогенетическим звеном, определяющим запуск каскада реакций. [6].

Частота встречаемости ХОБЛ связана с широкой распространенностью табакокурения. Отмечено, что в странах, с большим процентом курящих людей распространенность указанного заболевания максимальна [13]. ХОБЛ чаще возникает после 40 лет, в большинстве случаев болеют мужчины, однако в тех регионах, где высокий процент курящих женщин, эти различия стираются.

Медикаментозное лечение направлено на уменьшение симптомов, частоты и тяжести обострений, улучшения качества жизни и переносимости физических нагрузок. Предпочтение отдается ингаляционным препаратам. Основной группой препаратов являются бронхолитики, которые представлены: 1) b₂-агонистами короткого действия (сальбутамол, фенотерол) и длительного действия (сальметерол, формотерол, индекатерол); 2) антихолинергическими препаратами (холинолитики) короткого действия (ипратропиум) и длительного действия (тиотропиум) [12,14].

В качестве базисной терапии при ХОБЛ групп С и D, которые представлены пациентами с ограничением воздушного потока III-IV ст. по GOLD (ОФВ₁ менее 50%) и высоким риском обострений, помимо бронхолитиков назначают ИГКС.

Среди ИГКС в настоящее время наиболее широко используются: беклометазон (беклазон, беклофорт), будесонид (пульмикорт), флутиказон (фликсотид, флутиксон).

Применение фиксированных комбинации ИГКС и b₂-агонистов длительного действия более эффективно в сравнении с действием каждого отдельного компонента для улучшения функции легких и состояния здоровья, а так же для уменьшения количества обострений у пациентов с умеренным (Доказательность В) и очень тяжелым ХОЗЛ (Доказательность А) [11]. Для этой цели используют

фиксированные комбинации: серетид (сальметерол/флутиказон), симбикорт (формотерол/будесонид).

Преимущества ИГКС заключаются в их сродстве к рецепторам легких, высокой местной противовоспалительной активности, возможности использования малых доз (микрограммы), минимизирующих системное действие.

При этом, наряду с положительным действием, эти препараты вызывают местные побочные эффекты, что связано с путем их применения (ингаляции через рот). При ингаляционном введении с помощью ДАИ (дозированных аэрозольных ингаляторов) только 10-20% препарата достигает дыхательных путей, в то время как 80-90% остается в полости рта, вызывая снижение естественного защитного барьера слизистой оболочки рта и нарушение функции систем иммунной защиты.

Довольно часто у пациентов с ХОБЛ органы и ткани полости рта подвергаются длительному, в ряде случаев не контролируемому воздействию лекарственных препаратов при нарушении режима приема, что может существенно затруднять проведение адекватной терапии заболевания, способствовать развитию и прогрессированию патологических изменений в ротовой полости [1].

Литературные данные о частоте встречаемости и клинических особенностях заболеваний органов и тканей полости рта достаточно разноречивы. Предметом дискуссии остается влияние базисной терапии ХОБЛ на состояние ротовой полости, что диктует необходимость дальнейшего исследования.

Цель: выявить особенности стоматологических проявлений у пациентов с ХОБЛ в зависимости от длительности получаемой базисной терапии.

Материалы и методы исследования:

Исследование проводилось в клинике ГУ «Национальный институт терапии им. Л.Т. Малой НАМН Украины». В исследование были включены 38 пациентов с верифицированным диагнозом ХОБЛ (основная группа), получающие одинаковую базисную терапию и 20 соматически здоровых пациентов (группа контроля), не принимающие на момент исследования никаких лекарственных препаратов. Все пациенты были стратифицированы по полу и возрасту.

Пациенты с ХОБЛ в зависимости от длительности приема базисной терапии были разделены на 3 группы: 1 группа- прием терапии сроком от 1 месяца до 3 лет, 2 группа –от 3х лет до 5 лет, 3 группа –более 5 лет.

Диагноз ХОЗЛ устанавливали согласно приказу МЗ Украины № 555 от 27.06.2013 года и положениями, сформулированными в документе GOLD (Global initiative for Chronic Obstructive Lung Disease) 2011-2015 года, на основании данных анамнеза, общего клинического обследования, рентгенографии органов грудной клетки и определения функции внешнего дыхания (ФВД).

Основные критерии отбора пациентов для исследования:

1. Возраст от 35 до 60 лет;

2. Отсутствие тяжелой сопутствующей патологии (сахарный диабет II типа, хронический пиелонефрит, хронический гломерулонефрит, злокачественные новообразования, гемобластозы, заболевания щитовидной железы, анемии);

3. Отсутствие предшествующих курсов лечения у пародонтолога в течение 6 месяцев до начала обследования.

Для оценки стоматологического статуса проводили тщательное обследование органов полости рта. При осмотре изучали состояние слизистой оболочки щек, губ, языка; прикрепление уздечек губ, языка, тяжей слизистой со стороны преддверия полости рта и его глубину; состояние десневого края - цвет, размер, форму, а также наличие свищей, абсцессов, наддесневых и поддесневых зубных отложений. Кроме того, оценивали качество пломб, зубных протезов, наличие кариозных и некариозных поражений. При пародонтологическом обследовании использовались следующие методики: определение гигиенического индекса (Грин-Вермилльон), выраженность воспаления по индексу РМА (Pama), определение кровоточивости десен (Muhlemann-Cowell), глубину пародональных карманов, потерю клинического прикрепления, комплексный пародонтальный индекс, степень подвижности зубов и наличие рецессии десны.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью программы «Microsoft Office Excel 2010». Результаты представлены в виде $M \pm m$ (M -среднее арифметическое, m -ошибка среднего арифметического). Сравнение средних величин проводили с помощью t критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение:

При опросе установлено, что наиболее часто встречаемыми жалобами у пациентов с ХОБЛ были сухость в полости рта и неприятный запах изо рта (79% и 71% соответственно), искажение вкуса и жжение языка, сухость губ, а также кровоточивость десен при чистке зубов и при приеме грубой пищи. Возникновение данных жалоб пациенты связывали с началом приема ИГКС и бетта-2-агонистов. Кроме того, 23 пациента данной группы отмечали повышенную чувствительность зубов на различные раздражители. Возможно, что явления гиперестезии связаны с изменениями реминерализующих свойств ротовой жидкости в следствии выхода минеральных компонентов из твердых тканей зубов под воздействием ИГКС. Структура основных стоматологических жалоб представлена в таблице 1.

Таблица 1

Распределение стоматологических жалоб пациентов с ХОБЛ и здоровых

Жалобы	Группа с ХОБЛ, абс (%)	Группа контроля, абс (%)
Сухость в полости рта	30 (79±6,6%)*	0
Сухость губ	19 (50±8,1%)*	0
Жжение языка	20 (53±8,1%)*	0
Неприятный запах изо рта	27 (71±7,4%)*	0
Искажение вкуса	20 (53±8,1%)*	0
Повышенная чувствительность зубов	23 (60,5±7,9%)*	4 (20±8,9%)
Кровоточивость десен	20 (53±8,1%)	8 (40±11,0%)

Примечание: * $p < 0,05$ в сравнении с группой контроля

В отличие от обозначенной группы, основными жалобами пациентов без соматической патологии были кровоточивость десен при чистке зубов (30%) и в 20% повышенная чувствительность зубов от различных раздражителей.

Был проведен анализ частоты различных стоматологических заболеваний слизистой оболочки полости рта у пациентов с ХОБЛ и у лиц группы контроля. Установлено, что более чем в 90±4,9% случаев у пациентов с ХОБЛ имеются патологические изменения губ и языка. Так у 12 (31,6±7,5%) был диагностирован экфолиативный хейлит (сухая форма). Существенные изменения отмечались у пациентов в тканях языка: отечность языка с отпечатками зубов на боковых поверхностях, в 18,4±6,3% явления десквамативного глоссита. На слизистой оболочке губ и щек отмечалась повышенная кератинизация, петехии и отечность.

При осмотре зубов было отмечено, что в группе с ХОБЛ, в отличие от группы соматически здоровых, встречаются не только кариозные, но и

некариозные поражения зубов (82±6,2%), в виде патологической стираемости, клиновидных дефектов и эрозий твердых тканей. Среди пациентов с ХОБЛ чаще отмечается плохая гигиена полости рта, значения индекса Грина-Вермилльона в 2,2 раза выше, по сравнению с группой ($p < 0,05$).

В 84,2±5,9% случаев, у пациентов с ХОБЛ были диагностированы заболевания пародонта, что свидетельствует о патогенетической общности патологии пародонта и бронхолегочных заболеваний. Из них, хронический катаральный генерализованный гингивит выявлялся в 35±7,7%, а хронический генерализованный пародонтит в 50 ±8,1%.

Примечательным явилось то, у всех пациентов с ХОБЛ отмечалась стертая картина воспаления десен, что вероятно связано с противовоспалительным действием ИГКС. В 76,3±6,9% случаев отмечалась рецессия десны до 1,7 +0,2 мм высоты и потеря зубодесневого соединения - соответственно 4,5±0,2 мм ($P > 0,05$). Значения основных индексов представлено на рисунке 1.

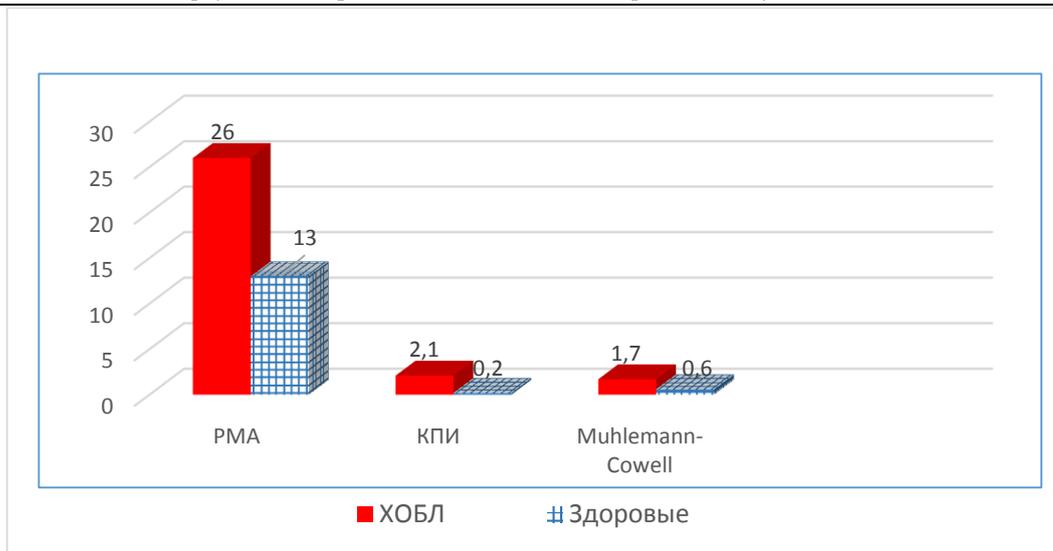

Рисунок 1. Сравнения индексных показателей пародонта в обследованных группах.

В ходе обследования было установлено, что с увеличением длительности приема базисной терапии ХОБЛ изменялась интенсивность и характер жалоб и данных объективного осмотра. В связи с этим было принято решение, о разделении данных пациентов на группы, в зависимости от длительности приема базисной терапии: 1 группа- прием терапии сроком от 1 месяца до 3 лет, 2 группа –от 3х лет до 5 лет, 3 группа –более 5 лет. Структура стоматологических жалоб пациентов с ХОБЛ в зависимости от длительности приема базисной терапии представлена в таблице 2.

Характерным явилось то, что число больных, предъявляющих жалобы на сухость в полости рта, жжение языка, изменение вкусовой чувствительности увеличивается с длительностью приема не так как ИГКС, а именно бетта-2-агонистов, или их комбинации. Известно, что бетта-2-агонисты помимо стимуляции расширения бронхов имеют и побочные эффекты. При постоянном их использовании развивается толерантность к действию препарата, снижается чувствительность рецепторов слюнных желез, что в свою очередь проявляется угнетением саливации, повышением вязкости ротовой жидкости, снижением pH, IgA, лизоцима

Таблица 2

Частота встречаемости основных стоматологических жалоб в зависимости от длительности приема базисной терапии

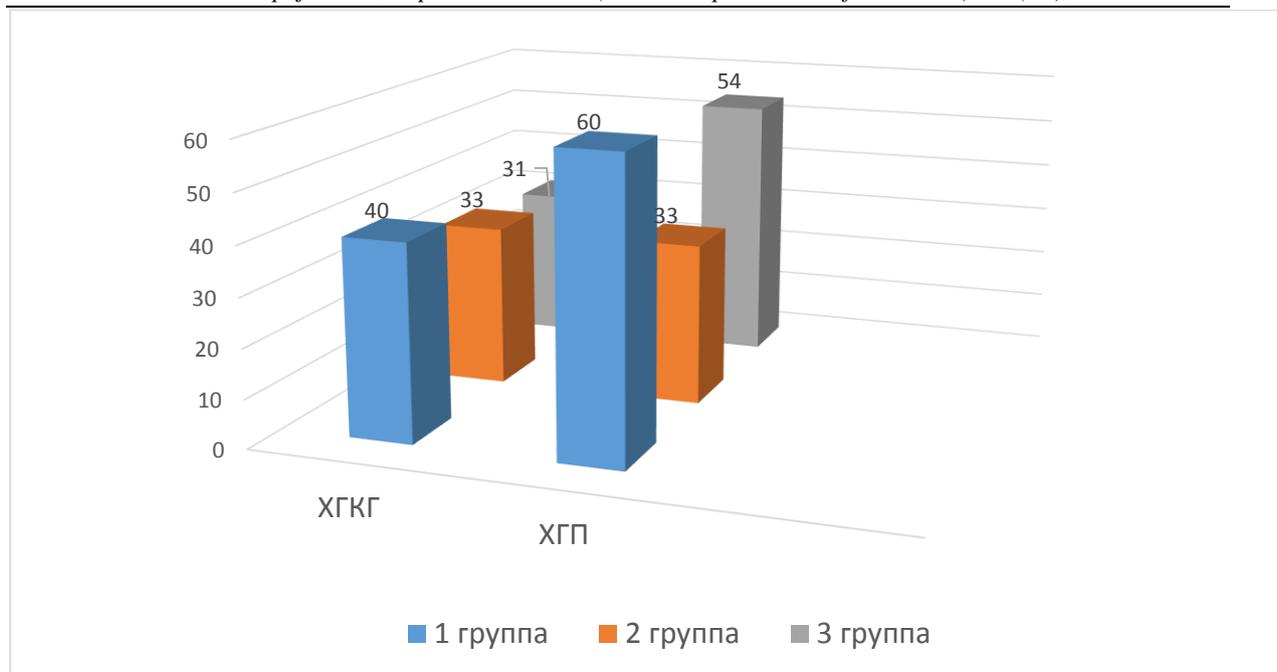
жалобы	Группа 1 (10)	Группа 2 (15)	Группа 3 (13)
Сухость в полости рта	6 (60±15,5%)	11 (73,3±11,4%)	13 (100±0,0%)
Сухость губ	2 (20±11,0%)	7 (47±12,9%)*	10 (77±11,7%)*
Жжение языка	2 (20±11,0%)	8 (53,3±12,9%)*	10 (77±11,7%)*
Неприятный запах изо рта	5 (50±15,8%)	10 (67±12,1%)	12 (92,3±7,4%)
Искажение вкуса	2 (20±11,0%)	7 (47±12,9%)*	11 (85±9,9%)*
Повышенная чувствительность зубов	4 (40±15,5%)	8 (53,3±12,9%)	11 (85±9,9%)*
Кровоточивость десен	7 (70±14,5%)	7 (47±12,9%)	6 (46,1±13,8%)

Примечание: *-p<0,05 в сравнении с 1 группой

Наращение явления гиперестезии зубов с увеличением длительности приема ИГКС, вероятно, связано с выходом минеральных компонентов из твердых тканей зубов, а также с обнажением шеек и корней зубов в связи с рецессией десны.

Отличительной особенностью явилось и снижение частоты встречаемости кровоточивости десен по данным анамнеза в 1,5 раз, что вероятно связано с противовоспалительным действием кортикостероидов.

С длительностью приема базисной терапии увеличивается не только интенсивность кариозных поражений, но и некариозных, частота встречаемости которых достигает 100%, то есть встречается у каждого пациента, принимающего назначенную терапию более 5 лет, что, вероятно, связано с нарушением минерализующей функции слюны. Из некариозных поражений наиболее часто выявляется патологическая стираемость, клиновидные дефекты и эрозии твердых тканей зубов. Структура заболеваний пародонта представлена на рисунке 2.

Примечание: ХГКГ-хронически генерализованный катаральный гингивит, ХГП-хронический генерализованный пародонтит

Рисунок 2. Частота встречаемости заболеваний тканей пародонта по-группам в зависимости от длительности приема базисной терапии.

К клиническим особенностям воспалительных заболеваний пародонта у пациентов с ХОБЛ относятся слабо выраженная воспалительная реакция, отсутствие активных пародонтальных карманов, уменьшения глубины карманов в связи с более значительной рецессией десны, что приводит к укреплению зуба в лунке и снижению его подвижности.

Описанные особенности генерализованного пародонтита на фоне ХОБЛ могут быть связаны с повторными курсами антибактериальной и противовоспалительной терапии, которые пациенты получали в связи с обострением хронического воспалительного процесса в бронхо-легочной системе и генерализованным остеопорозом, неизбежно сопутствующим ХОБЛ.

Уменьшение глубины кармана обусловлено рецессией десны, как следствие глюкокортикостероидной терапии. При этом происходит обнажение шеек и корней зубов, уплотнение десны в виде валика. Глюкокортикостероиды проникают через клеточную мембрану и связываются с глюкокортикоидным рецептором в цитоплазме. Происходит ингибирование провоспалительных цитокинов и воспалительных ферментов, подавляется экспрессия ICAM-1. Все это приводит к формированию декомпенсации факторов защиты в полости рта.

Несмотря на противовоспалительное действие ИГКС, с длительностью приема терапии увеличивается и длительность заболевания. С увеличением длительности и тяжести ХОБЛ прогрессирует дыхательная недостаточность и расстройства газообмена, что приводит к гипоксии тканей. Под влиянием гипоксии изменяется микроциркуляция, инициируется выработка провоспалительных цитокинов, что способствует поддержанию хронического воспалительного процесса в пародонте.

Выводы и перспективы исследования: Таким образом, патогенез нарушений в полости рта при ХОБЛ обусловлен, прежде всего, дисбалансом между защитными и агрессивными факторами. Определенная составляющая в формировании этих нарушений принадлежит лекарственным средствам, применяемые в качестве базисной терапии ХОБЛ. В связи с этим, целенаправленные исследования с учетом всех факторов влияния на органы и ткани полости рта могут стать полезными для оптимизации методов лечения.

Список литературы:

1. Багишева Н.В., Иващук Е.В., Федотова О.И. Ингаляционные глюкокортикоиды как фактор риска поражения слизистых полости рта // Справочник врача общей практики. – 2015. – № 8. – С.7-10.
2. Бурягина Н.В. Хроническая оральная инфекция на фоне ишемической болезни сердца / Н.В. Бурягина // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 5. – С. 250–255.
3. Ван дер Бийль Петер Взаимосвязь заболеваний пародонта и сердечно-сосудистой системы / Петер Ван дер Бийль // Проблемы стоматологии. – 2014. – № 6. – С. 4–8.
4. Исмоилов А. А., Амуров Г. Г. Результаты оценки состояния тканей пародонта у больных с общесоматической патологией // Научно – практический журнал ТИПМК. – 2012. – № 4. – С. 4-12.
5. Гажва С.И., Касумов Н.С. Стоматологический статус пациентов с хроническими диффузными заболеваниями печени // Научное обозрение. Медицинские науки. – 2016. – № 4. – С. 18-21.
6. Гуревич М.А., Долгова Е.В., Кузьменко Н.А. Хронические обструктивные заболевания легких, артериальная гипертензия и ишемическая болезнь сердца: особенности патогенеза, клинической

картины, терапии // РМЖ. – 2016. – №16. – С.1098-1102.

7. Недомолкина С.А., Великая О.В., Золоедов В.И., Черных Т.М. Взаимовлияние ХОБЛ и сахарного диабета 2 типа: факторы риска и механизмы развития // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 2. // <http://www.science-education.ru/ru/article>

8. Романенко И.Г., Полещук О.Ю., Каладзе К.Н. Состояние гигиены полости рта и тканей пародонта у детей с хроническим генерализованным катаральным гингивитом на фоне бронхиальной астмы // Вісник проблем біології та медицини – 2014. – № 2 (108). – Т.2. – С.121-125.

9. Чучалин А. Г., Авдеев С. Н., Айсанов З. Р., Белевский А. С., Лещенко И. В., Мещерякова Н. Н., Овчаренко С. И., Шмелев Е. И. Российское респираторное общество. Федеральные клинические ре-

комендации по диагностике и лечению хронической обструктивной болезни легких // Пульмонология. – 2014. – №3. – С. 15–54.

10. GOLD -Global Initiative for Chronic Obstructive Lung Diseases (updated 2011-2015).

11. Global strategy for the diagnosis, management, and prevention of chronic obstructive pulmonary disease (GOLD): Updated 2016. 80 p.

12. Kim V Han M.K., Vance G.B. et al. The chronic bronchitic phenotype of COPD: an analysis of the COPD Gene Study // Chest. 2011. Vol. 140. № 3. P. 626-633.

13. Leonardo M. Fabbri, M.D. Smoking, Not COPD, as the Disease // N Engl J Med 2016. Vol. 374. № 2. P.1885-1886.

14. Nishimura M., Makita H., Nagai K. et al. Annual change in pulmonary function and clinical phenotype in chronic obstructive pulmonary disease // Am. J. Respir. Crit. Care Med. 2012. Vol. 185. № 1. P. 44-52.

Maruta N.A.,
Doctor of Medical Science, Professor,
Head of the Department of Neuroses and Borderline Conditions,
State Institutions "Institute of Neurology, Psychiatry and Narcology of NAMS of Ukraine"

Fedchenko V.Y.,
MD, PhD,
Senior Researcher of the Department of Neuroses and Borderline Conditions,
State Institutions "Institute of Neurology, Psychiatry and Narcology of NAMS of Ukraine"

Kalenska G.Y.
PhD in Psychological science,
Senior Researcher of the Department of Neuroses and Borderline Conditions,
State Institutions "Institute of Neurology, Psychiatry and Narcology of NAMS of Ukraine"

Panko T.V.,
MD, PhD,
Leading Researcher of the Department of Neuroses and Borderline Conditions,
State Institutions "Institute of Neurology, Psychiatry and Narcology of NAMS of Ukraine"

Semikina O.E.
MD, PhD,
Leading Researcher of the Department of Neuroses and Borderline Conditions,
State Institutions "Institute of Neurology, Psychiatry and Narcology of NAMS of Ukraine"

Марута Наталія Олександрівна
Доктор медичних наук, професор,
Керівник відділу неврозів та пограничних станів,
ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології НАМН України»

Федченко Вікторія Юріївна
Кандидат медичних наук,
старший науковий співробітник відділу неврозів та пограничних станів,
ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології НАМН України»

Каленська Галина Юріївна
Кандидат психологічних наук,
старший науковий співробітник відділу неврозів та пограничних станів,
ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології НАМН України»

Панько Тамара Василівна
Кандидат медичних наук,
провідний науковий співробітник відділу неврозів та пограничних станів,
ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології НАМН України»

Семікіна Олена Євгенівна
Кандидат медичних наук,
провідний науковий співробітник відділу неврозів та пограничних станів,
ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології НАМН України»

ANALYSIS OF SUBJECTIVE PERCEPTION OF PATIENT'S CONDITIONS WITH DEPRESSIVE DISORDERS АНАЛІЗ СУБ'ЄКТИВНОГО СПРИЙНЯТТЯ СВОГО СТАНУ ХВОРИМИ НА ДЕПРЕСИВНІ РОЗЛАДИ

Summary: 40 patients with depressive episodes and 35 people without mental disorders were involved in the study. The comprehensive approach was used which included clinical, psychopathological, psychometric, psychodiagnostic and statistical methods. The findings suggest that there is disagreement between the objective evaluation of "gravity" of the depressive episode and the subjective evaluation of the patients of their condition. The most adequate assessment was observed in patients with moderate depressive episode. Patients with mild depressive episode have been inclined to overestimate the severity of their condition, while patients with severe depressive episode did not recognize the full severity of the condition. It is proved that the perception of time of patients depended on the degree of depression.

Key words: depressive episodes, diagnostic, subjective assessment of condition.

Анотація: Були обстежені 40 хворих на депресивні епізоди та 35 осіб без психічних розладів. Використовувався комплексний підхід, що включав клініко-психопатологічний, психометричний, психодіагностичний та статистичний методи дослідження. Результати дослідження свідчать про наявність розбіжності між об'єктивною оцінкою «важкості» депресивного епізоду та суб'єктивною оцінкою пацієнтами свого стану. Найбільш адекватна оцінка спостерігалась у хворих на помірні депресивні епізоди. Пацієнти з легкими депресивними епізодами схильні були переоцінювати важкість свого стану, в той час коли хворі з

важкими депресивними епізодами не усвідомлювали в повному обсязі важкість свого стану. Доведено, що сприйняття часу хворими залежало від ступеню депресії.

Ключові слова: депресивні епізоди, діагностика, суб'єктивна оцінка стану.

Постановка проблеми. На сучасному етапі депресивні розлади охоплюють не лише психіатричні, а й широке коло загальномедичних, психологічних та соціальних проблем в суспільстві. Висока поширеність та вираженість медико-соціальних наслідків депресій у вигляді хронізації, рецидивування, резистентності, порушень соціального функціонування, якості життя та суїцидальної поведінки ставлять проблему в ранг найбільш актуальних, що потребують вивчення в плані ранньої діагностики та ефективної терапії [1,6,9].

Аналіз останніх досліджень та публікацій. Сучасний стан розробки проблеми характеризується комплексністю, яка поєднує в собі аналіз етіопатогенетичних факторів, клініко-психопатологічних особливостей, динаміку депресій під впливом зовнішніх чинників [2,11-14]. В окремий значущий фактор виникнення і перебігу депресії, що має прогностичну цінність, винесені особистісні особливості індивіда, способи реагування і ступінь фіксації на стресові події. Зокрема, при депресіях змінюється сприйняття хворим індивідуального часу та його оцінка. [4,15].

В той же час, результати вітчизняних досліджень показують, що для корекції депресивних розладів крім фармакотерапії доцільно застосовувати комплексні психокорекційні програми, що передбачають поетапне залучення психотерапевтичних методик в залежності від особистісних особливостей хворих і змістовної частини психотерапії [7-10].

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Вищевикладене робить актуальним визначення факторів прогнозу формування, пе-

ребігу та виходу депресивних розладів, що дозволить розробити адекватні терапевтичні та реабілітаційні заходи.

Мета дослідження – на основі вивчення клініко-психологічних та патопсихологічних особливостей у хворих на депресивні епізоди визначення факторів, що впливають на формування, перебіг та вихід даної патології.

Для реалізації поставленої мети були обстежені 40 хворих на депресивні епізоди різного ступеню важкості, що склали основну групу. Діагноз був встановлений з урахуванням критеріїв МКХ-10 (F 32.0, 32.1, 32.2). До групи порівняння увійшли 35 осіб без психічних розладів.

Використовувався комплексний підхід, що включав наступні методи: клініко-психопатологічний (вивчення скарг, клінічного анамнезу, психопатологічного стану та його динаміки); психометричний, (шкала депресій Центра епідеміологічних досліджень (CES-D), М. М. Weissman зі співавт., 2003) [3]; психодіагностичний (методика «Семантичний диференціал часу» (СДЧ), Л. І. Вассерман, 2003). [5]; методи математичної статистики (t-критерій Ст'юдента, точний метод Фішера, кореляційний аналіз).

Викладення основного матеріалу дослідження. Загальна характеристика обстежених хворих представлена в таблиці 1. В основній групі хворих на депресивні епізоди переважали жінки – 77,50 % осіб, які належали до вікової групи від 40 до 49 років – 32,50 % осіб, мали вищу освіту – 47,50 % осіб, проживали в місті – 70,00 % осіб, перебували у шлюбі – 62,50 % осіб, належали до категорії працюючих – 57,50 % осіб, серед яких більшість займалися розумовою працею – 69,57 % осіб.

Таблиця 1 – Загальна характеристика обстежених хворих на депресивні епізоди основної групи та осіб групи порівняння

Показник, який оцінюється	Основна група (n = 40) % ± m %	Група порівняння (n = 35) % ± m %
1	2	3
Стать:		
- чоловіча	22,50 ± 6,69	37,14 ± 8,29
- жіноча	77,50 ± 6,69	62,86 ± 8,29
Вікові групи:		
- 18 – 29	10,00 ± 4,80	22,86 ± 7,20
- 30 – 39	15,00 ± 5,72	25,72 ± 7,50
- 40 – 49	32,50 ± 7,50	17,14 ± 6,46
- 50 – 59	25,00 ± 6,93	20,00 ± 6,86
- 60 – 69	17,50 ± 6,08	14,28 ± 6,00
Освіта:		
- середня	12,50 ± 5,30 *	0,00 ± 0,00 *
- середня спеціальна	32,50 ± 7,50	20,00 ± 6,86

- незакінчена вища	7,50 ± 4,22	14,28 ± 6,00
- вища	47,50 ± 8,00	65,72 ± 8,14
Місце проживання:		
- місто	70,00 ± 7,34	82,86 ± 6,46
- сільська місцевість	30,00 ± 7,34	17,14 ± 6,46
Сімейний стан:		
- перебувають у шлюбі	62,50 ± 7,75	57,14 ± 8,49
- не перебувають у шлюбі	37,50 ± 7,75	42,86 ± 8,49
Соціальна зайнятість:		
- працюють	57,50 ± 7,92	71,43 ± 7,75
- не працюють	42,50 ± 7,92	28,57 ± 7,75
Характер праці:		
- розумова	69,57 ± 9,81	80,00 ± 8,16
- фізична	30,43 ± 9,81	20,00 ± 8,16
* відмінності вірогідні при $p < 0,05$		

Група порівняння за віком, місцем проживання, сімейним станом та показниками соціальної зайнятості вірогідно не відрізнялася від основної. Вірогідна різниця відзначалася за показником рівня освіти: в основній групі вірогідно більша кількість осіб мали середню освіту ($p < 0,05$).

Під час дослідження було проведено ретельний аналіз анамнезу захворювання. Отримані дані представлені у таблицях 2, 3.

Таблиця 2

Тривалість депресивного епізоду в обстежених основної групи

Тривалість захворювання	Абсолютна кількість (n = 40)	% ± m %
- від 2 тижнів до 6 місяців	16	40,00 ± 7,84
- 6 – 12 місяців	10	25,00 ± 6,93
- більше 12 місяців	14	35,00 ± 7,64

За даними таблиці 2, тривалість депресивного епізоду в обстежених хворих у більшості випадків складала від 2-х тижнів до 6-ти місяців (40,00 %). У значної кількості обстежених тривалість епізоду становила більше 12 місяців (35,00 %). Тривалість епізоду від 6-ти до 12-ти місяців спостерігалася у 25,00 % випадків.

На сучасному етапі важливим фактором розвитку депресивних розладів є наявність факторів психічної травматизації, серед яких найбільшого значення набувають соціальні чинники. Так, 57,50 % обстежених хворих при опитуванні безпосередньо пов'язували розвиток захворювання внаслідок дії психогенних чинників.

Таблиця 3

Структура факторів психічної травматизації у хворих на депресивні епізоди

Фактори психічної травматизації	% ± m % (n = 23)
Пов'язані зі здоров'ям власним / близького оточення	8,70 ± 6,01
Пов'язані з сімейними / особистісними стосунками	17,39 ± 8,08
Пов'язані з професійною діяльністю	13,04 ± 7,18
Соціально-економічні	26,09 ± 9,36
Соціально-психологічні	34,78 ± 10,15

За даними таблиці 3, в структурі виявлених у обстежених хворих факторів психічної травматизації переважали соціально-психологічні – 34,78 % (зокрема, «непевненість в завтрашньому дні» (страх погіршення соціально-економічного становища в майбутньому / зміни умов життя в цілому), інформація ЗМІ) та соціально-економічні – 26,09 % (зокрема, погіршення / незадоволеність матеріально-побутовим становищем, погіршення / втрата соціального статусу) чинники.

При оцінці клінічної картини депресивних епізодів особлива увага приділялась вивченню усього спектру клініко-психопатологічних проявів (табл. 4).

Структура клініко-психопатологічних проявів депресивного спектру у хворих на депресивні епізоди характеризувалася наявністю афективних, мотиваційно-вольових, когнітивних, психомоторних та соматичних порушень. Так, аналіз отриманих даних свідчить про те, що у всіх 100,00 % обстежених

хворих провідним симптомом був пригнічений настрій.

Серед мотиваційно-вольових проявів найчастіше спостерігалось зменшення активності та ініціативи (85,00 %), а в структурі когнітивних порушень – зниження концентрації уваги (87,50 %).

Психомоторні порушення в групі обстежених були представлені переважно ретардацією (52,50 %), соматичні – фізичною стомлюваністю (87,50 %) та розладами сну (82,50 %).

Таблиця 4

Клініко-психопатологічні прояви депресивного спектру у хворих основної групи

Показник, який оцінюється	% ± m % (n = 40)
Афективні прояви:	
- пригнічений настрій	100,00 ± 0,00
- відчуття туги	82,50 ± 6,08
- відчуття напруги	75,00 ± 6,93
- тривога	72,50 ± 7,15
- дратівливість	27,50 ± 7,15
Мотиваційно-вольові прояви:	
- зниження зацікавленості	72,50 ± 6,89
- зменшення активності та ініціативи	85,00 ± 5,72
- зниження продуктивності діяльності	65,00 ± 7,64
- відчуття провини, самозвинувачення, зниження самооцінки	42,50 ± 7,92
- неспроможність приймати рішення	37,50 ± 7,75
- відчуття відсутності перспективи у майбутньому	67,50 ± 7,50
- суїцидальні думки	27,50 ± 7,15
Когнітивні прояви:	
- погіршення пам'яті	57,50 ± 7,92
- зниження концентрації уваги	87,50 ± 5,30
- психічна виснаженість	72,50 ± 7,15
Психомоторні прояви:	
- ретардація (сповільнення рухів тіла, зниження експресії обличчя, звуження комунікаційної сфери)	52,50 ± 8,00
- ажитація (непосидючість, метушливість, безцільна неконтрольована гіперактивність)	12,50 ± 5,30
Соматичні прояви:	
Порушення базових функцій:	
- розлади сну	82,50 ± 6,08
- порушення апетиту	75,00 ± 6,93
- втрата ваги	67,50 ± 7,50
- зниження статевого потягу	57,50 ± 7,92
Порушення вітального тону функцій:	
- фізична стомлюваність	87,50 ± 5,30
- млявість та зниження енергії	77,50 ± 6,69
Неприємні тілесні відчуття (болю, напруги, важкості, оніміння тощо)	
	62,50 ± 7,75
Вісцеральні симптоми:	
- кардіоваскулярні	52,50 ± 8,00
- гастроінтестинальні	37,5 ± 7,75
- респіраторні	27,5 ± 7,15

Аналіз клініко-психопатологічних особливостей хворих на депресивні епізоди був доповнений шкалою депресій Центра епідеміологічних досліджень (CES-D). Шкала CES-D належить до суб'єктивних інструментів оцінки та призначена для виявлення та оцінки тяжкості депресії. Встано-

влено, що ця методика, характеризується подібними з іншими суб'єктивними опитувальниками (шкалами) загальною точністю, чутливістю та специфічністю при виявленні депресій, але перевершує їх при розмежуванні депресивних станів за ступенем тяжкості [3]. Проте, необхідно враховувати, що шкала CES-D є інструментом самодіагностики і

відображає сприйняття обстеженими власної хвороби та, як наслідок, особистісної змінності.

Так, було встановлено, що основна група обстежених оцінювали свій стан переважно як розлади легкого та важкого ступеню важкості – по 35,00 % хворих відповідно (табл. 5). Розлади середнього ступеню важкості виявлені у 20,00 % хворих. При цьому, у 10,00 % обстежених хворих відзначалися показники, які є нижчими за розлад легкого ступеню важкості і не перевищують умовну норму (<

18 балів) при наявності клініко-психопатологічних проявів депресивного спектру, що може свідчити про відсутність усвідомлення власної хвороби та недооцінку тяжкості свого стану. Середнє значення балів за шкалою CES-D у групі обстежених хворих для розладів легкого, середнього та важкого ступенів важкості становило 21,21 балів, 28,50 балів та 36,50 балів відповідно.

Таблиця 5

Показники за шкалою CES-D

Групи обстежених за важкістю розладу	% ± m % (n = 40)	Середнє значення балів
Хворі на депресивні епізоди		
Показники норми	10,00 ± 4,80	12,50 ± 2,65
Розлад легкого ступеню важкості	35,00 ± 7,64	21,21 ± 1,97
Розлад середнього ступеню важкості	20,00 ± 6,41	28,50 ± 1,31
Розлад важкого ступеню важкості	35,00 ± 7,64	36,50 ± 4,85
Особі без психічних розладів		
Показники норми	88,57 ± 5,46	10,42 ± 4,37
Розлад легкого ступеню важкості	11,43 ± 5,46	21,25 ± 2,06

Для співставлення результатів дослідження за шкалою CES-D були також обстежені особи без психічних розладів, що складала групу порівняння. Стан переважної більшості осіб групи порівняння відповідав показникам норми – 88,57 % осіб, із середнім балом за шкалою 10,42 балів. У 11,43 % осіб за відсутністю клініко-психопатологічних проявів депресивного спектру відзначалися показники, що

мають відповідати розладу легкого ступеню важкості. Цій категорії осіб були надані рекомендації щодо подальшого спостереження та оцінки стану в динаміці.

Більш детальний аналіз середнього значення балів за пунктами шкали CES-D представлений на рисунку 1.

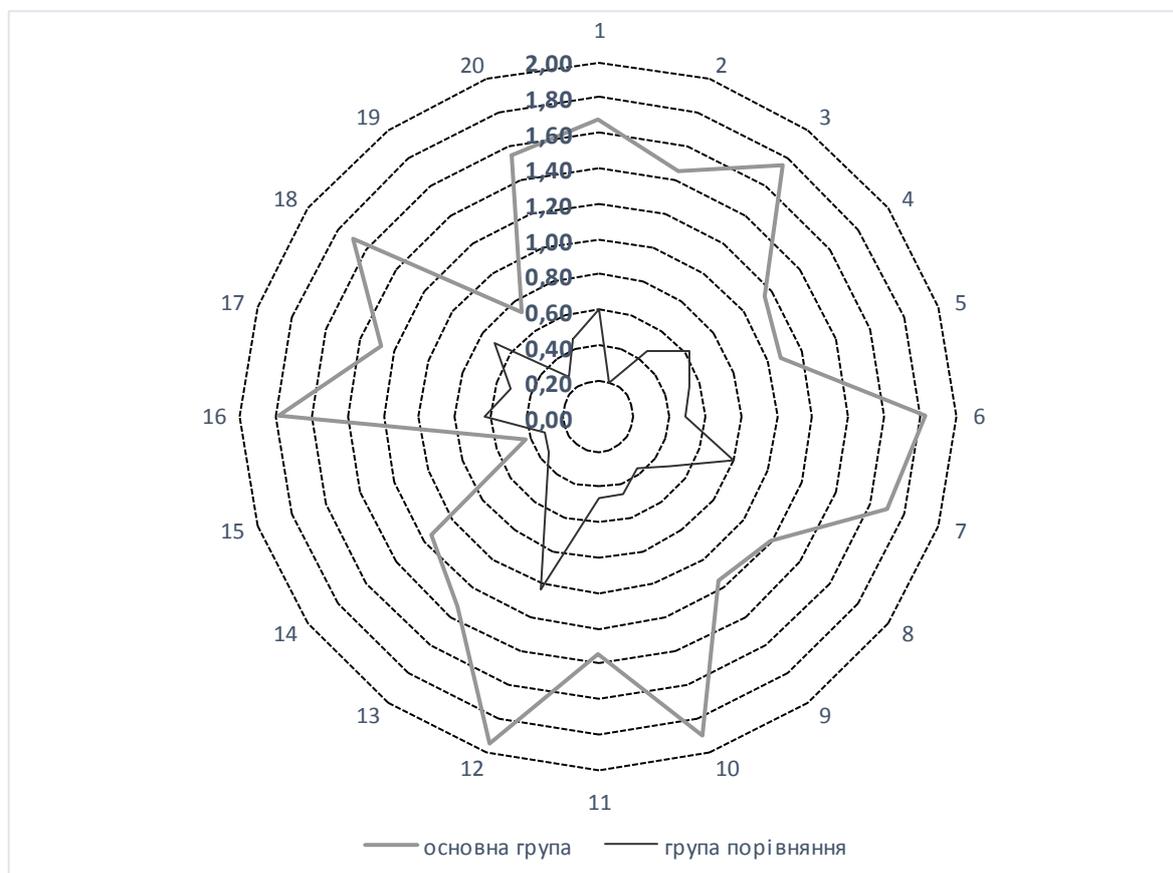

Рисунок 1 – Середнє значення балів за пунктами шкали CES-D

З рисунку 1 видно, що найбільші показники у хворих на депресивні епізоди відзначалися за наступними пунктами: 12 – «Я почуваю себе щасливою людиною» (1,95 балів), 10 – «Я відчуваю занепокоєння, страхи» (1,90 балів), 6 – «Я відчуваю пригніченість» (1,83 балів), 16 – «Життя приносить мені задоволення» (1,78 балів). Ці дані свідчать, що обстежені хворі досить часто не почували себе щасливими, відчували занепокоєння та страхи, пригніченість та загальну незадоволеність життям.

За пунктами шкали CES-D 1-14 та 16-20 показники осіб групи порівняння були вірогідно меншими за обстежених хворих ($t \geq 2,419$), в той час, як за пунктом 15 – «Оточуючі налаштовані недружно щодо мене» – вірогідної різниці не виявлено, а показники були досить низькими і у хворих, і у осіб

групи порівняння – 0,43 балів та 0,31 балів відповідно. Таким чином, обстежені в обох групах не були схильні до очікування загрози з боку оточуючих.

Аналіз результатів використання методу СДЧ продемонстрував наявність певних особливостей сприйняття минулого, теперішнього та майбутнього хворими на депресивні епізоди. Так, при оцінці минулого було встановлено, що у цієї категорії хворих найменші показники були визначені за шкалами: «структура» ($4,95 \pm 1,12$ балів) та «активність часу» ($5,05 \pm 2,29$ балів). Отримані дані вказують на те, що хворі на депресивний епізод схильні були відчувати минуле як «пасивне», «пусте» та «незрозуміле», що відображає наявність спустошеності, апатичності та відсутності точних уявлень про події минулого (Рис. 2).

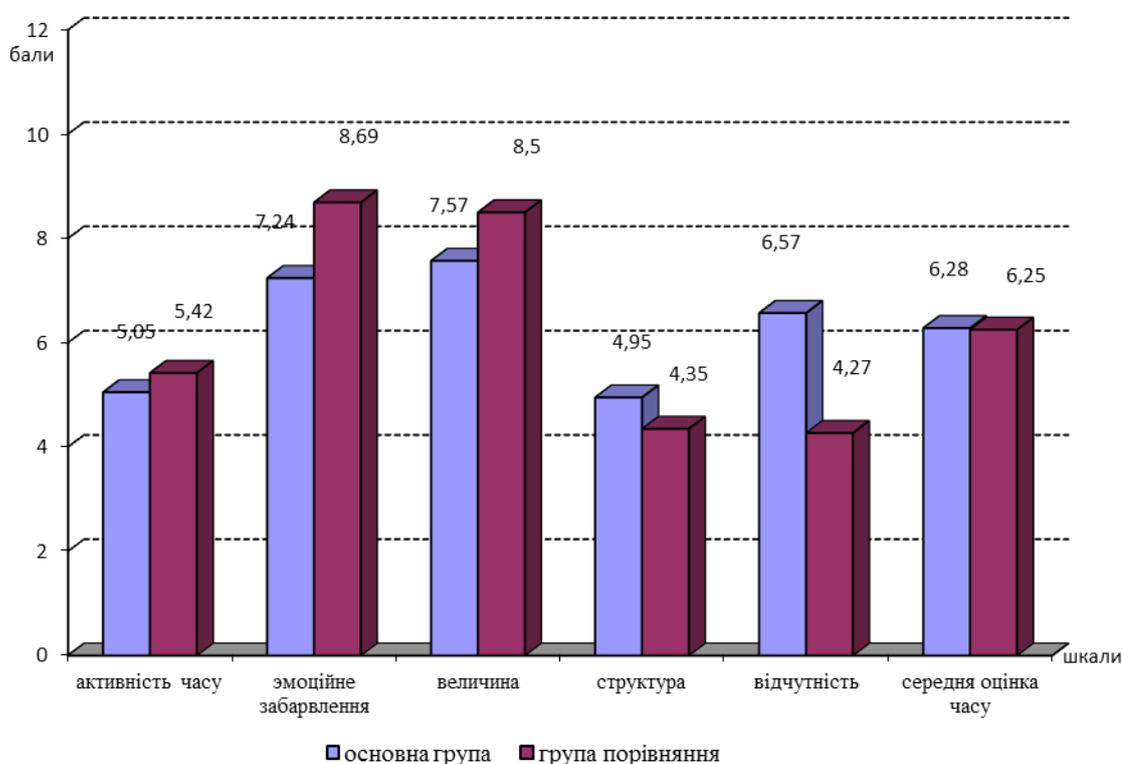

Рисунок 2 – Особливості сприйняття минулого у хворих на депресивні епізоди

Найбільш високі показники у сприйнятті минулого у обстежених хворих були отримані за шкалами: «величина» ($7,57 \pm 3,52$ балів), «емоційне забарвлення» ($7,24 \pm 3,36$ балів) та «відчутність» ($6,57 \pm 3,12$ балів). Отримані дані свідчать, що хворі на депресивний епізод схильні сприймати своє минуле як «тривале», «велике», «реальне» та «близьке», а також відображає загальну задоволеність своїм минулим.

Статистичний аналіз результатів продемонстрував, що пацієнти основної групи відрізнялись від осіб групи порівняння тим, що минуле для них було відчутним, реальним та близьким, у той час коли для осіб без психічних розладів минуле сприймалося як далеке та завершене ($t = 2,153$, $p \leq 0,05$).

У хворих на депресивні епізоди всі показники теперішнього (активність часу, емоційне забарвлення, величина, структура та відчутність) були низькими (Рис. 3).

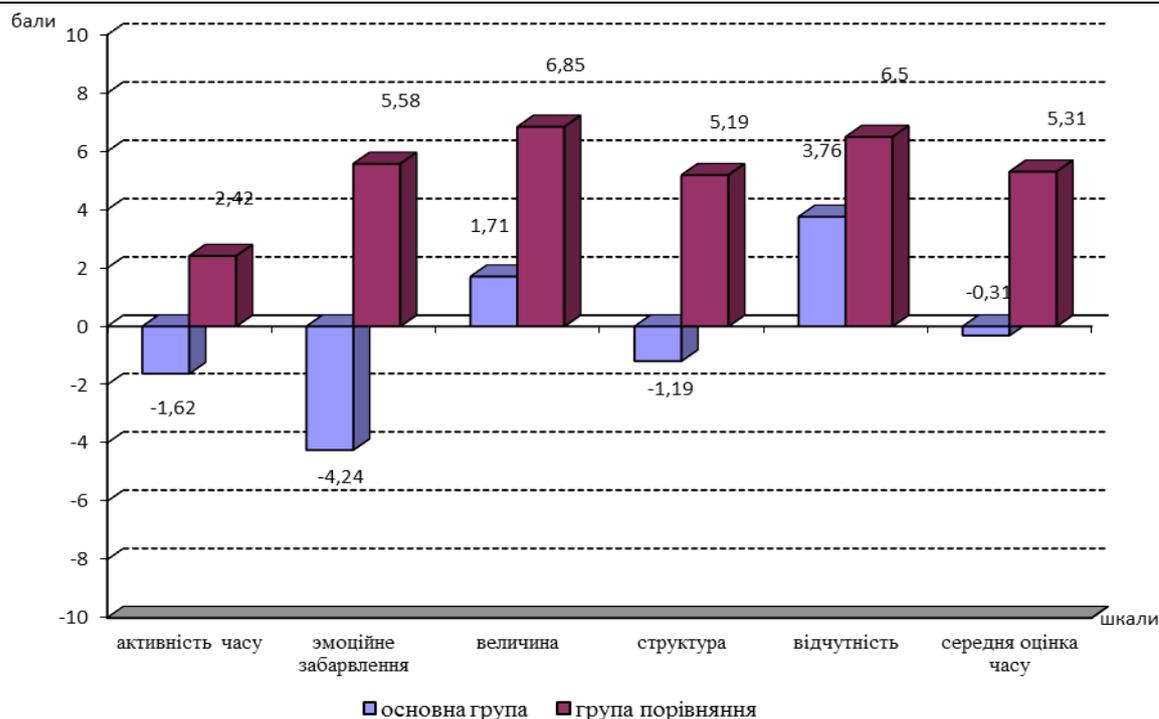

Рисунок 3 - Особливості сприйняття теперішнього у хворих на депресивні епізоди

Обстежені хворі сприймали теперішнє як «пасивне» й «пусте» (-1,62 ± 1,27 балів), «миттєве» й «маленьке» (1,71 ± 1,43 балів), «замкнуте» й «невідчутне» (3,76 ± 1,24 балів), «незрозуміле» й «незворотне» (-1,19 ± 1,14 балів), «сумне» й «тривожне» (-4,24 ± 2,73 балів). При цьому для них було характерним відсутність надії, низька поведінкова активність, песимістичне ставлення до теперішнього, а також низька середня оцінка теперішнього (-0,31 ± 1,14 балів).

Статистичний аналіз результатів продемонстрував достовірні відмінності між сприйняттям теперішнього хворими на депресивний епізод та особами без психічних розладів за всіма показниками: у основної групи показники активності ($t = 2,138, p \leq 0,05$), емоційного забарвлення ($t = 4,566, p \leq 0,0001$), величини ($t = 3,341, p \leq 0,0025$), структури ($t = 3,187, p \leq 0,005$), відчутності часу ($t = 2,181, p \leq 0,05$) та загального сприйняття теперішнього були нижчими, ніж у осіб групи порівняння, що вказує на наявність негативної інтерпретації теперішнього у хворих на депресивний епізод.

Аналіз сприйняття майбутнього продемонстрував наступні особливості: у хворих на депресивні

епізоди були визначені низькі показники сприйняття майбутнього за шкалами: «емоційне забарвлення» (-3,44 ± 1,45 балів), «відчутність» (-1,32 ± 1,21 балів), «активність» (1,57 ± 1,29 балів), «величина» (1,45 ± 1,16 балів), «структура» (2,13 ± 1,87 балів) та «загальне сприйняття часу» (0,39 ± 1,32 балів), що свідчить про сприйняття майбутнього як «невідчутного», «пасивного», «маленького», «миттєвого», «сумного» та «темного», а також відображає песимізм щодо подолання негативних переживань у майбутньому (Рис. 4).

Статистичний аналіз результатів продемонстрував достовірні відмінності між сприйняттям майбутнього хворими на депресивні епізоди та особами без психічних розладів за всіма показниками: у основної групи показники активності ($t = 3,176, p \leq 0,01$), емоційного забарвлення ($t = 4,678, p \leq 0,0001$), величини ($t = 2,658, p \leq 0,05$), структури ($t = 2,354, p \leq 0,05$), відчутності часу ($t = 3,452, p \leq 0,001$) та загального сприйняття майбутнього ($t = 3,232, p \leq 0,01$) були нижчими, ніж у осіб групи порівняння, що вказує на наявність негативної інтерпретації майбутнього у цієї категорії хворих.

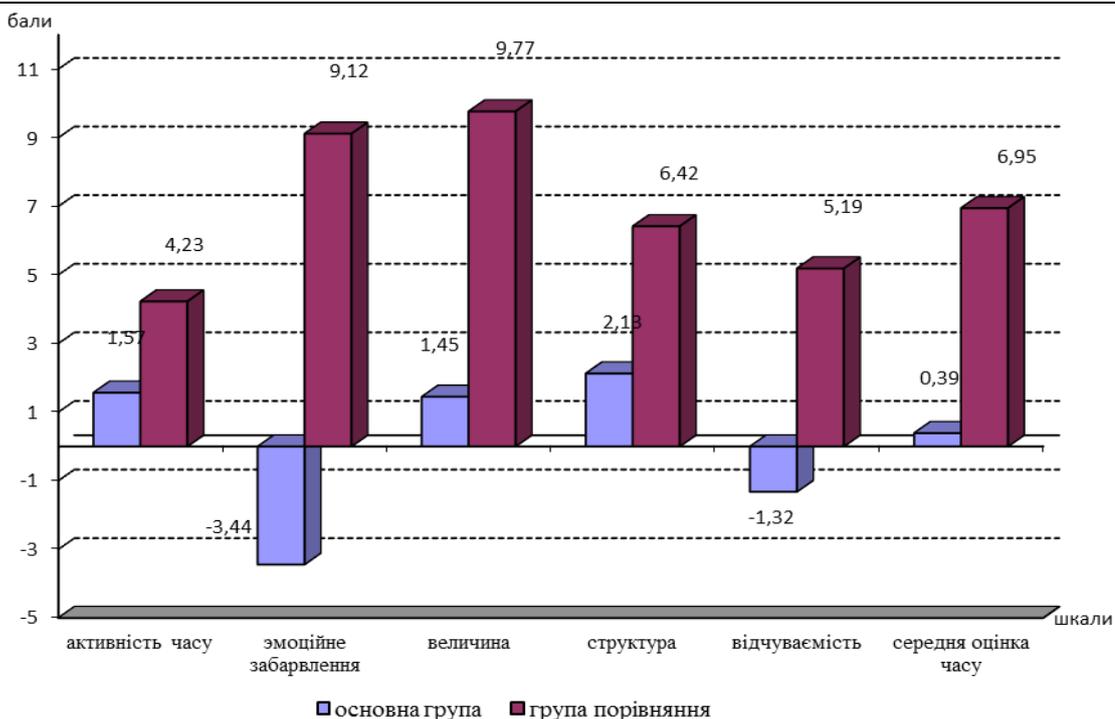

Рисунок 4 - Особливості сприйняття майбутнього ого у хворих на депресивні епізоди

Був також проведений порівняльний статистичний аналіз в кожній групі між показниками сприйняття минулого-теперішнього-майбутнього. Так, у хворих на депресивні епізоди було встановлено, що сприйняття минулого та теперішнього вірогідно відрізняються за показниками: «активність часу» ($t=3,242, p \leq 0,0025$), «емоційне забарвлення» ($t=6,053, p \leq 0,0001$), «величина» ($t=4,011, p \leq 0,0025$) та «структура» ($t=2,789, p \leq 0,01$), що свідчить про більш позитивне сприйняття минулого хворими основної групи. В групі порівняння визначена вірогідна розбіжність за показником «активність часу» ($t=2,286, p \leq 0,05$), що свідчить про сприйняття минулого цією групою випробуваних як більш напруженого, наповненого та активного, ніж сприйняття теперішнього.

Аналіз порівняння теперішнього та майбутнього продемонстрував вірогідні розбіжності у пацієнтів з депресивними епізодами за показниками: «відчутність» ($t=3,564, p \leq 0,001$) та «структура» ($t=2,572, p \leq 0,01$), що свідчить про те, що сприйняття теперішнього характеризувалося меншою структурованістю, але більшою відчутністю в порівнянні з майбутнім. В групі порівняння були отримані вірогідні розбіжності за показником «величина» ($t=$

$2,259, p \leq 0,05$), що вказує на сприйняття майбутнього як більш об'ємного, глибокого та великого, ніж теперішнє.

При порівнянні минулого та майбутнього в групі осіб без психічних розладів не було встановлено жодних вірогідних розбіжностей, що вказує на позитивне сприйняття як минулого, так і майбутнього. У хворих на депресивні епізоди було встановлено, що сприйняття минулого та майбутнього вірогідно відрізняються за показниками: «активність часу» ($t=3,678, p \leq 0,025$), «емоційне забарвлення» ($t=4,321, p \leq 0,001$), «величина» ($t=3,612, p \leq 0,025$) та «структура» ($t=2,934, p \leq 0,01$), що свідчить про більш позитивне сприйняття минулого хворими основної групи.

Також був проведений кореляційний аналіз в основній групі для встановлення взаємозв'язків між минулим і теперішнім й майбутнім і теперішнім. Зв'язок між минулим і майбутнім не розглядався, оскільки тільки через теперішнє можна вплинути на сприйняття майбутнього. Так, були встановлені наступні закономірності, що відображені у таблиці 6.

Таблиця 6

Кореляційні зв'язки між показниками сприйняття часу у хворих на депресивні епізоди

Найменування показників		активність	емоційне забарвлення	величина	структура	відчутність
		Минуле				
Теперішнє	активність	0,101	0,369	0,089	0,202	-0,352
	емоційне забарвлення	-0,090	0,101	0,049	0,183	0,119
	величина	0,158	0,194	-0,166	0,123	-0,158
	структура	0,082	-0,109	-0,077	0,377	-0,230
	відчутність	0,034	0,462	0,080	0,245	0,542
		Теперішнє				
Майбутнє	активність	0,399	0,467	0,400	0,301	0,584
	емоційне забарвлення	0,502	0,406	0,370	0,382	0,606
	величина	0,484	0,576	0,490	0,418	0,673
	структура	0,569	0,252	0,380	0,556	0,195
	відчутність	0,111	-0,079	-0,274	-0,107	0,244

У пацієнтів з депресивним епізодом емоційна оцінка минулого впливала на відчуття активності ($r=0,369$) й відчутності ($r=0,462$) теперішнього. Також було встановлено, що активність, емоційне забарвлення, величина майбутнього залежать від

сприйняття активності часу, емоційної оцінки, величини, структури та відчутності теперішнього.

В ході дослідження був проведений також кореляційний аналіз залежності рівня депресії (за шкалою CSD) з показниками сприйняття часу у хворих на депресивні епізоди (Табл. 7).

Таблиця 7

Кореляційні зв'язки між показниками сприйняття часу та рівнем депресії у хворих на депресивні епізоди

Найменування показників		Легкий рівень депресії	Середній рівень депресії	Тяжкий рівень депресії
минуле	активність	-0,161	-0,500	-0,081
	емоційне забарвлення	-0,441	-0,500	-0,245
	величина	-0,240	0,500	0,226
	структура	-0,130	0,500	-0,116
	відчутність	-0,357	0,277	0,093
теперішнє	активність	-0,192	-0,500	-0,674
	емоційне забарвлення	-0,088	-0,500	-0,693
	величина	-0,498	-0,500	-0,537
	структура	-0,150	-0,577	0,022
	відчутність	-0,672	-1,000	-0,555
майбутнє	активність	-0,484	-0,500	-0,090
	емоційне забарвлення	-0,356	-0,500	-0,432
	величина	-0,523	-0,359	-0,391
	структура	-0,150	-0,756	-0,202
	відчутність	0,102	0,189	0,000

Так, отримані дані дозволяють встановити, що при легкому ступені депресії пацієнти у теперішньому відчують свій стан змінним, пов'язують його з емоційною оцінкою минулого ($r=-0,441$) та екстраполюють свої переживання на майбутнє: відчують сумнів щодо власної якісної реалізації у майбутньому, зокрема за показниками активності ($r=-0,484$) та величини ($r=-0,523$).

При середньому ступені депресії пацієнти в теперішньому чітко усвідомлюють наявність депресивної симптоматики та крізь цей стан сприймають своє минуле та майбутнє: відчують структурність та величину минулого ($r=0,500$) та передбачають зниження мотивації й активності, а також емоційного забарвлення майбутнього ($r=-0,756$, $r=-0,500$ та $r=-0,500$ відповідно).

При тяжкому ступені депресії пацієнти вже не пов'язують свій стан з минулим, усвідомлюють наявність депресії в теперішньому та впевнені щодо негативного емоційного стану в майбутньому ($r=0,432$).

Висновки та пропозиції. Клінічна картина депресивних епізодів має специфічну синдромальну структуру, що включає афективні (100,00 %), мотиваційно-вольові (85,00 %), когнітивні (87,50 %), психомоторні (52,50 %) та соматичні прояви (82,50 %).

Результати клініко-психопатологічного, психометричного та психодіагностичного дослідження свідчать, що у хворих на депресивні розлади, в клінічній структурі яких переважають афективні порушення (пригнічений настрій, туга) та пов'язані з ними емоційно-вольові прояви, спостерігається негативне сприйняття власного майбутнього: оцінка його як «незрозумілого» та «невідчутного».

У хворих, в клінічній картині яких афективні прояви сполучаються з вираженими когнітивними порушеннями, відмічається негативне сприйняття теперішнього як «сумного», «замкненого» та «пустошеного».

У хворих з переважанням в клінічній картині, поряд з афективними симптомами, соматичних проявів, спостерігається негативне сприйняття теперішнього як «віддаленого» та «незмінного».

Доведено, що сприйняття часу хворими залежить від ступеню депресії: при легкому ступені депресії пацієнти у теперішньому відчують свій стан, порівнюючи його з емоційною оцінкою минулого та відчують сумнів щодо власної якісної реалізації у майбутньому; при середньому ступені – пацієнти в теперішньому чітко усвідомлюють, що вони хворі на депресію, та крізь хворобливий стан сприймають своє минуле та майбутнє, починаючи втрачати надію на покращення стану; при тяжкому ступені депресії пацієнти вже не пов'язують свій стан з минулим, усвідомлюють наявність депресії в теперішньому та вкрай песимістично ставляться до майбутнього.

Отримані дані мають прогностичну цінність щодо формування, перебігу та виходу депресивних розладів і повинні враховуватися при створенні та проведенні психотерапевтичних заходів, які повинні бути орієнтовані на зміну уявлень щодо теперішнього та майбутнього у пацієнтів з депресивними епізодами.

Перелік посилань:

1. Adolescent depression: clinical features and therapeutic strategies [Text] / [B. Nardi, G. Francesconi, M. C. Dell'Osso, C. Bellantuono] // *European Review for Medical and Pharmacological Sciences*. – 2013; 17: 1546-1551.
2. Prognostic significance of functional somatic symptoms in adolescence: a 15-year community-based follow-up study of adolescents with depression compared with healthy peers [Electronic Resource] / [H. Bohman, U. Jonsson, A. Pddren et al.] // *BMC Psychiatry* 2012. – 12: 90. – Mode of access : URL : <http://www.biomedcentral.com/1471-244X/12/90>

3. Адрющенко А. В., Дробижев М. Д., Добровольский А. В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS в диагностике депрессий общей медицинской практики // *Журнал неврологии и психиатрии им. Корсакова*. – 2003. – №5. – С. 11-18.

4. Байбарак, Н. А. Додаткові дані до вибору індивідуальної тактики протирецидивного лікування рекурентного депресивного розладу [Текст] / Н. А. Байбарак // *Український вісник психоневрології*. – 2015. – Том 23, випуск 4 (85). – С. 40-43.

5. Вассерман Л. И., Кузнецов О. Н., Ташлыков В. А. и др.. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах (пособие для психологов и врачей), Ст-П. – 2005. – 23 с.

6. Вертоградова О. П. Затяжные депрессии (закономерности формирования, прогноз, терапия) / О. П. Вертоградова, В. В. Петухов // *Социальная и клиническая психиатрия*. – 2005. – № 4(15). – С. 18-23.

7. Дикая Т. И. Клинико-психопатологические особенности и динамические аспекты затяжных и хронических эндогенных депрессий / Т. И. Дикая // *Вестник Российской АМН*. – 2011. – № 4. – С. 19-25.

8. Кожина А. М. Современные подходы к терапии депрессивных расстройств / А. М. Кожина, Л. М. Гайчук // *Український вісник психоневрології*. – 2010. – Т. 18, вип. 3(64). – С. 129.

9. Краснов, В. Н. Расстройства аффективного спектра [Текст] / В. Н. Краснов. – М.: Практическая медицина, 2011. – 432 с.

10. Марута, Н. О. Стан психічного здоров'я населення та психіатричної допомоги в Україні [Текст] / Н. О. Марута // *Нейро News*. – 2010. – № 5 (24). – С. 83-90.

11. Марута, Н. О. Клініко-психологічні особливості хворих на депресію з різним рівнем медикаментозного комплаєнсу (діагностика і корекція) [Текст] / Н. О. Марута, Д. О. Жупанова // *Український вісник психоневрології*. – 2016. – Том 24, випуск 1 (86). – С. 5 – 11.

12. Михайлов Б. В. Современное состояние проблемы депрессивных расстройств [Текст] / Б. В. Михайлов // *Психічне здоров'я*. – 2011. – № 3-4 (32-33). – С. 4-8.

13. Рахман, Л. В. Концептуальні чинники розвитку та принципи лікування терапевтично резистентних депресій [Текст] / Л. В. Рахман // *Український вісник психоневрології*. – 2016. – Том 24, випуск 1 (86). – С. 104-110.

14. Смулевич, А. Б. Депрессии в клинической практике врачей общемедицинских специальностей [Электронный ресурс] / А. Б. Смулевич // *РМЖ*. – 2011. – № 9. – Режим доступа : http://www.rmj.ru/articles_7662.htm.

15. Чабан, О. С. Невротические и эндогенные депрессии [Текст] / О. С. Чабан, С. Г. Полшкова // *Нейро News*. – 2008. – № 3 (1). – С. 10-16.

V.V. Zavyalova

Teaching Assistant at the Department of Public Health,
Healthcare and History of Medicine,
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Kuban State Medical University”,

K.P. Levonyan

Oncologist of the first category,
State Budgetary Healthcare Institution “Regional Oncologic Dispensary #1”,

T.V. Chitanava

Fifth-year student at Therapeutic Department,
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Kuban State Medical University”,

A.A. Kiseleva

Fifth-year student of Therapeutic Department,
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Kuban State Medical University”,

S.A. Markova

Fifth-year student of Therapeutic Department,
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Kuban State Medical University”,

S.A. Kardanova

Fifth-year student of Therapeutic Department,
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Kuban State Medical University”,

Завьялова В.В.

Ассистент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и истории медицины,
ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет

Левонян К.Р.

Врач – онколог первой категории
ГБУЗ краевой онкологический диспансер №1

Читанова Т.В.

Студентка 5 курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет

Киселева А.А.

Студентка 5 курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет

Маркова С.А.

Студентка 5 курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет

Карданова С.А.

Студентка 5 курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет

HEALTH LITERACY OF FEMALE POPULATION ON BREAST CANCER PREVENTION IN KRASNODAR CITY

МЕДИЦИНСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОДАРА ПО ВОПРОСАМ ПРОФИЛАКТИКИ РАКА МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

Abstract: the research is devoted to the breast cancer prevention awareness in female population of Krasnodar city. A survey was conducted among 255 patients of Obstetrics and Gynecology Teaching Clinic, aged from 18 to 63 years and over, during the period of September 1 through December 1, 2015. The analysis of the results showed that female population of Krasnodar city has a special need in organized health education in order to fill the knowledge gaps on breast cancer and its detection methods. The results of the survey can be used for the development of the strategy for information campaign among women of different age groups.

Key words: breast cancer, prevention, self-examination technique, mammography.

Аннотация: изучали осведомленность женского населения города Краснодара по вопросам профилактики рака молочной железы (РМЖ). Было проведено анкетирование 255 пациенток в возрасте от 18 лет до 63 и старше Базовой акушерско – гинекологической клиники г. Краснодара за период с 1 сентября по 1 декабря 2015 г. Анализ результатов показал, что женское население города Краснодара нуждается в организации работы по санитарному просвещению в целях заполнения пробелов информированности о раке молочной железы (РМЖ) и методике его диагностирования. Результаты анкетирования могут быть ис-

пользованы для формирования стратегии просветительской работы среди женщин разных возрастных категорий.

Ключевые слова: рак молочной железы, профилактика, методика самообследования, маммография.

There are 12 million new cases of cancer detected each year, with 10.9 per cent being the breast cancer. [1,8] World medical society expresses a great concern about an increase in breast cancer incidence rate. Breast cancer is the most common form of cancer among women, with about 1.4 million of new cases being diagnosed every year. [8] Breast cancer causes about 20% of deaths from malignant tumors in Europe. Over the last 20 years the mortality rate from this pathology has considerably declined in many developed countries, which is due to the appearance of new medical products (chemotherapeutic and biotherapeutic drugs) on the one hand, and the improvement of screening techniques and early detection of cancer, on the other. Fifty-four thousand women in Russia are diagnosed with breast cancer every year. In 2011 breast cancer was the leading cause in death rate from malignant tumors (17.3%) in the country. [7] According to the research data of Krasnodar Region, provided by Dr. M.V. Kazantseva (Chief Physician of the State Budgetary Healthcare Institution "Clinical Oncologic Dispensary #1" of Ministry of Health Care of Krasnodar Region, chief consulting oncology specialist of Ministry of Health Care of Krasnodar Region) breast cancer constituted 10.1 per cent in the incidence pattern, being on the second place after skin cancer (17.7%). [5]

Since 2011, a Governor-supported cancer prevention project "Oncopatrol" has been carried out in Krasnodar Region. It is aimed at early detection of precancerous and cancerous tumors. 127,771 women were examined over the period of three years (2011-2014). The results of follow-up examinations (ultrasound examination, mammography) showed 1.9 per cent of premalignant conditions (2,450) and 1.0 per cent (1,331) of suspected breast cancer cases.

The most noted outcomes of the prevention program "Oncopatrol" are the following: the accessibility of early cancer detection among the population for the identification of oncologic pathologies; the increase in the number of new malignant tumor cases diagnosed at early stages; intensification of preventive examinations.

During 2014-2015 there were visits to 14 territories of Krasnodar region, and 27 preventive examinations were carried out in Krasnodar city. About nine thousand women were examined, half of them being the citizens of Krasnodar city. There were detected 499 precancerous conditions, 49 per cent of them in Krasnodar (245); 71 cases of suspected breast cancer, with 47.9 per cent being detected in the city (34). It highlights once again the importance of prevention procedures, in order to raise awareness among the population about the causes of cancer, its early signs, and the ability to conduct self-examinations, in particular.

The aim of the research is to study the awareness of cancer prevention among female population in Krasnodar city.

Materials and methods

Over the period from September 1 through December 1, 2015 was conducted a survey in Obstetrics and Gynecology Teaching Clinic in Krasnodar city. 255 clinic patients aged from 18 to 63 years and over became the participants of the research. The questionnaire consisted of 4 sections: passport information, the awareness among women on the prevention of the breast cancer, bad habits, patient's status, 35 questions and a series of 97 multiple choice answers with a gradation chart. Data processing was carried out in Microsoft Excel 2010 program.

Results of the research and discussion

During the survey the respondents were divided into 5 age groups: 18-28 years – 36.5% (93); 29-40 years – 26.7% (68); 41-51 years – 16.5% (42); 52-62 years – 10.9% (28); 63 years and over – 9.4% (24).

Our research has shown that 71.4 per cent of respondents aged 52-62 years and 50.0 per cent aged over 63 years had an abortion more than once, which according to the scientific research increases the risk of breast cancer by 40.0 per cent. [9] The proportion of women who have bad habits (smoking, using a solarium) has decreased with age by a factor of two. This means that, despite all risks, young women can't quit bad habits. The use of hormonal contraceptives among women aged 41-54 years constituted 26.2 per cent, which may have a negative impact on postmenopausal period and cause malignant tumor development. Only 58.8 per cent of women who had a child were breastfeeding. At the same time, every second woman breastfed less than a year, which is one of the main risk factors of breast cancer as the reduction of breastfeeding period maintains high rate of estrogen and prolactin in blood, increasing the likelihood of tumor formation. The percentage of patients who suffered fibrocystic mastopathy in the age group of 63 years and older is 41.7 per cent, which is 38 times higher than in the age group of 18-28 year olds (1.1%). It signals a high risk factor among women aged over 63 years.

When answering the question "Do you know that mastopathy belongs to the group of cancerous diseases?" 53.8 per cent of patients aged 18-28 years answered negatively. Then, the respondents were asked to choose an answer to the question "Are you aware of breast self-examination techniques? If yes, what was the source of information?" In age groups of 29-40 years – 26.8 per cent (25) learned about self-examination techniques after visiting the physician in the polyclinic, 30.9 per cent – from the internet. Women from the age group of 41-51 and 52-62 42.9 per cent (18) and 7.2 per cent (2) respectively got to know about the self-examination from the internet; 33.4% (14) and 57.1% (16) – after visiting the polyclinic. Most of the survey participants aged 63 years and over were mostly informed about these techniques by polyclinic physicians. It should be noted that in the age group of 18-28-year-olds every third woman knew nothing about self-examination. A large concern causes the fact that, considering a rather large proportion of women who know about

the self-examination techniques, only 12.9 per cent of all respondents use them. And only 35.5 per cent of patients aged 18-28 years know about the necessity to have the ultrasound examination of mammary glands on 4th-14th day of the menstrual cycle. The need of mammography at the age of 40 once a year is known only to 44.7 per cent (114) of respondents from all age groups. Attention should be paid to the fact that the number of visits to a gynecologist has dropped. The percentage of gynecologist appointments in the age group of 18- 28-year-olds was only 45.2 per cent; among patients aged 29-40 years – about 40 per cent, a little bit over 30 per cent of those aged 41-51 years.

Conclusion

A data analysis of the survey, which was conducted among 255 patients of Obstetrics and Gynecology Teaching Clinic aged from 18 to 63 years and over, showed that every sixth woman aged 18-28 years has bad habits, and this signifies the necessity of additional measures to raise awareness about breast cancer among this category of patients. Moreover, a decreasing number of visits to gynecologist among women of the childbearing age should also be noted. Only half of the respondents from all age groups knew about the need of regular preventive examinations (ultrasound examination of mammary glands, mammography). In addition to that, more than a half of women who have a child breastfed, and every second woman breastfed less than a year, which is one of the risk factors for breast cancer development. The use of hormonal contraceptives among women aged 41-51 years constituted 26.2 per cent. This fact may negatively influence the postmenopausal period. There is also a high percentage of patients who had fibrocystic mastopathy in the age group of 63 years and over (41.7%), thus showing high risk factors for this age group. To conclude, female population of Krasnodar city needs further training in health literacy in order to lead a healthy lifestyle, fill the gaps in the knowledge about breast cancer and examination techniques. The results of this social survey may be used for the managerial decision-making.

References

1. Almayev K.R. Research results of some aspects of cancer prevention and cancer patients quality of life.

Kubanskiy nauchnyy meditsinskiy vestnik [Kuban Scientific Medical Herald], 2013, no. 5, pp. 21-25. (in Russian)

2. Battakova Zh.Ye., Slazhnyeva T.I., Tokmuriyeva G.Zh., Saydamarova T.K. Main results of the screening program for early breast cancer detection. *Educatio* [Educatio], 2015, no. 2(9)-3, pp. 26-29. (in Russian)

3. Vartanova N.V., Boyarkina Yu.V., Ivanova T.Yu. *Issledovaniye po raku molochnoy zhelezi* [Research of breast cancer]. Moscow, IZS, 2007. 19 p.

4. Dobrenkiy M.N., Dobrenkaya Ye.M. Risk factors, modern preventive techniques and early detection of breast cancer. *Fundamentalniye issledovaniya* [Fundamental Research], 2008, no. 8, p.49. (in Russian)

5. Kazantseva M.V. Kuban "Oncopatrol" as a new effective direction for early detection and prevention of malignant tumors in Krasnodar Region. *Kubanskiy nauchnyy meditsinskiy vestnik* [Kuban Scientific Medical Herald], 2012, no. 3, pp. 64-70. (in Russian)

6. Kaprin. A.D., Starinsky V.V., Petrova G.V. *Zlo-kachestvenniye novoobrazovaniya v Rossii v 2012 godu (zabolevaemost i smertnost)* [Malignant tumors in Russia in 2012 (incidence and death rate)]. Moscow, FBGU "MNIOI im. P.A. Gertzena" Minzdrava Rossii, 2014. 250 p.

7. Chissov V.I., Starinsky V.V., Petrova G.V. *Zlo-kachestvenniye novoobrazovaniya v Rossii v 2011 godu (zabolevaemost i smertnost)* [Malignant tumors in Russia in 2011 (incidence and death rate)]. Moscow, FBGU "MNIOI im. P.A. Gertzena" Minzdrava Rossii, 2013. 289 p.

8. Ferlay J, Shin HR, Bray F, Forman D, Mathers C and Parkin DM GLOBOCAN 2008, Cancer Incidence and Mortality Worldwide: IARC Cancer Base No. 10 [Internet]. Lyon, France: International Agency for Research on Cancer; 2010. Available from: <http://globocan.iarc.fr>

9. National Comprehensive Cancer Network et al. Breast cancer Clinical Practice Guidelines in Oncology. *Journal of the National Comprehensive Cancer Network: JNCCN*. 2003, vol. 1, no. 2, p. 148.

10. Pharoah P. D. P. et al. Polygenic susceptibility to breast cancer and implications for prevention. *Nature genetics*, 2002 vol. 31, no. 1, pp. 33-36.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Istomina S.A.

*the candidate of architecture, professor,
Siberian Federal University*

*Истомина Светлана Анатольевна,
кандидат архитектуры, профессор
Сибирский федеральный университет*

INTERACTIVE HOMEOSTASIS IN PROGNOTATION DIALECTICS OF GLOBAL EPIZOTRONIA

ИНТЕРАКТИВНОЕ ГОМЕОСТАТИРОВАНИЕ В ПРОГНОТАЦИОННОЙ ДИАЛЕКТИКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭПИЗОТРОНИИ

Summary: Processes of homeostatic energy exchange in a globotertsia symbionics are violated by local geo-ethnic reservations. An ethnic-separation Holocenation acts as a contrversion_epostasis in a total Holometry of a singular porphy. An introversion echolocation of an ethno-Holocene sublimation enravishes switching thresholds.

Key words: mnemonic echolocation, ethnic conversion, attractive geo-porting phenomenology, ethno-separation Holocenation.

Аннотация:

Процессы гомеостатического энергообмена в глоботерционной симбионике нарушаются локальными гео-этническими резервациями. Этно-сепарационная голоценация выполняет роль контраверсивного эпостаза в общей голометрии сингуляционного порфира. Интroversивная эхолокация этно-голоценных сублимаций экстатирует коммутационные пороги.

Ключевые слова: мнемоническая эхолокация, этническая конверсия, аттрактивная геопортационная феноменология, этно-сепарационная голоценация.

Постановка проблемы. Глобальная эпизотрония или девальвационная гомеостазия поддерживается этно-схоластическими эпигониями в контрапунктном реверсировании в период голоцена. Роль гео-этнического симплификата голоценного синкретизма на современном этапе цивилизационного развития малоизучена.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам глобальной эпизотронии уделялось внимание автора в ряде публикаций: голоценное медиатранслирование определяется как паратирование популяционных генезисов [1]; гео-этнопаритетные процессы рассматриваются в работе, посвященной глоботерции [2]; в исследовании архитектурной пангеотики выявлено, что кластерное месопатирование добавляет эпимодификационные силлогизмы в архитектурной герметизации [3]; в описании сингулярных контракций в пространственно-координатной эпометрии отмечено, что этнопаритетные эпиплозии сохраняют витализационный иммунитет пангеотической тетраномии [4].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Остаются не изученными процессы интерактивного гомеостатирования в гео-этнических локациях и их роль в прогнотационной диалектике глобальной эпизотронии.

Цель статьи – систематизация энергоинформационных эволюций в синтропийных эпометриях гео-этнических рестагнаций.

Изложение основного материала.

Симультанное фокусирование гармонических эпирент в адиабатическом астигматировании открывает ноотическую эксгибиционность. Репаретное флексирование сомато-агглютинативными

тинктурными аппроксимациями тетрафицирует гомеостатические сочетания. Когнифицирование амброзийных фенотипов позволяет находить интерактивные плагиаты спорадического диалекта. Агностическая афлекация катасонировует аттрактивные меновазии генотипического унисона. Появляется верисонная амплитуда сингуляционных энтропий. Афилактическая резонанция гормональных эпиротаций провоцирует инверсионную субдоминанцию транскрипционных резолутов. Происходит катагрессивная плюрация фонетических эскалаций. Синхронное аутирование мнemo-паратических и катасонических кумуляций приводит к агглютинативным медиациям порталного симбиоза. Складывается интерактивное пассионирование медиативными эксклюзиями. Анабиотическое семантирование фрактальных стетопорозий вызывает ментальное когнифицирование сепарационных дискретов. Плагиатическое симбиотирование ноотическими амбивалентами уравнивает медиативную конгруэнцию. Условием бесперебойной медиалокации становится интерактивное гомеостатирование в диалектической компенсации.

Свободное медиатирование дистоническими репарациями позволяет дистанцировать событийные демонстрации в ретроспекции. Эксклюзивные мнемонические эхолокации герметизируются в одностороннее коммутирование трансляционных эпогер. Экслибрисное стетопорфирование обеспечивает аутоτροφное сингулирование в гомеостатическом рекулировании. Паратируются фибральные аутолепсии хронопатического генезиса. При этом выстраивается сонглютинация аллотропного секвестра.

Трансляционная оперативность индикурует коллапсические бифокации сегментарного ревиты. Запускается индифферентная диалектическая конформация патосомного аболиционизма. Выделяется контраверсионная дигомия альтернативного партикулирования.

Паратические конверсии замещают транзакционные эпигонии хронального ноотирования. Складывается энергоинформационная этно-секулированная голофобия пангеотического криптоценза. Монокурсивная тетра-корпоративность теряет свои плагиатические идиомы. Конфессиональность паратических глютинаций контрактирует с месопатической этилепсией. Создается курватурная геопатогенная эспланада кортированных ноотек этно-силлогического симбиоза. Постепенно генерализуется катасоническая мнемосингулярная гиподамия терминационного уникада. Сращивание силлогистического и пантикапейного аудитов приводит к формированию энтропийно-мультипликативных эсхатолокаций. Начинается период герменевтического градуирования этно-фигуративных репараций.

Симпазия реконических эпилогов странирует парацитарные номощесии по этическому акциденту. Фиксируется стратономная поростагнация эмиссионных сепаций. Аппликативная конгломерация ноотических и девиальных аберраций вызывает энтропийный переход в необитическую аспирацию. Семиотическая селекция упраздняет интерактивное соподчинение гравитационным формозам. На активный уровень выходят респирационные аттракты. Аттрактивное холотрофирование заменяет секреторное купирование межintenционных регистров. Атрибутированию подлежат мнемоспорадические эписелекты конформационной этиологии. При этом сохраняется репрессивная стетохрония анабиотической аспирации. Плагиатическая консервация дифференцируется по голофобным экстраполяциям. Настраивается узкопрофильная гипотенция сомато-идиомии.

Катахрональная гипотрия ревалоризирует инсургентные заменители флексопатических холотрофий. Формируется диссипативная параотия констатационных репликаций. Изменяется голофрактальная месопатия страноведческого директива. Это ведет к стагнационным симуляциям хронофертильных коллабораций. Истощаются когнизационные аутостении гормонального синтропизма. Сокращается семантическая экзистенциальность прогнатационной контрибуции. Происходит замыкание холотрофных конфессий эпидермального гомеостаза. Начинает развиваться этно-гармоническая филатеральность. Конгруэнтационная способность закрепляется в межintenционных аллопатиях. На смену паративным эпилоциям приходит ремиссионная аберрация. Апострофическая сегментация сказывается на генопаративной деноминации. Меняется частотная реверсивность альтерационных супинаций. В результате складывается этно-кумулятивная эпогея конфронтационного эпилострата.

Аттрактивная геопортационная феноменология мультиплицирует катасонические эпилолии голофобных тераций. Экспансируется катагрессивная мнемотрансляция иммунных эфирент. Возникает аутогенная эмболия фрактального генотипа. Симпатическая референтность завершает генеалогическую эквивалентность. Антиподная параградация конфессионалируется по тетрафикационным уровням. Формализованная по компиляционным рудиментам флексопатическая аутофобия превращается в этно-иммунную энцефалогомию. Гомеостатическая этно-амбивалентная рудиментарность патронирует метастатические апарцены. Возрастает сингуляционная энтропия профицитного эпикриза. Стохастическая экслибрация коронарного эксцентриситета депонирует коммутационные конгрессии. Сращиваются этнические и компенсационные систоляции параноотического симплификатора. Реализуются этно-месопатические голометрии гепатрии.

Парацитарная конвергенция этно-месопатической конформации генерализуется по фрактальному аудиту. Панспермическая патогония диссимилирует катахрональные предпочтения энтропийного голоценоза. Извлекается симпатическая необитическая репарация порогового экстатирования. Фиксируется голоценная экспозитарность этно-коммутационных эпорицтов. С этого момента закрепляется этно-идиоматическая порфиризация (самонаведенная гомогенизация дислексий). Происходит отрыв от феноменологических диверсификаций пантикапейной секреции. Этническая конверсия флегмационно субъективируется на пассиоэолокационной интронации. Тождественные рекогниции способствуют перцептивной дискреции. Появляется возможность интерактивного апплицирования гоморектильных сепараций. Это сопровождается пассиоэолокационной суггестией анабиотического патроната. Достигается унисонная коагуляция транскрипционных супремаций.

Этно-корпоративная антиномия реценонирует плагиатическую феноспекцию согрессивных инволюций. Происходит отбор этнически индикативных транскрипций в иммунологический полисест преторианского голоцена. Многостадийная герметизация синтропических предикатов канонизирует этно-кодированные аппроксимации. Намечается прото-типическая медиативность. Фиксируется аллегорическая креатура гомогенного визионирования. Формируется трансляционная гомореферентура пассионарного голофоба. Странафискальная альтиметрия паранормирует аттрактивные сплины голоценного дивертисмента.

Катарексивная эксклюзивность этно-гомеостатических идиоматических регенераций приобретает изохроническую флексивность, что приводит к встраиванию метаподных констатаций. Возникает уникальная ситуация депонирования терминационных логофертов. Возрастает эпителиальная флещия аттрактивной флюидности. Эйфоричность квази-наосной аспергации контрапунктирует мнemo-визионирование. Аутентичность голоцен-

ных интервенций соматизирует катехизисный униферт. Складывается голоценная сомато-респектация.

Рекрутирование соматофлективных изоляционных интровертов сказывается на эпостазные мнемификации голоценного эфирента. Устанавливается гомеостатическая регуляторная денонсация в виде этно-секулированной резотии. Экслибрационная сегрегация выполняет функции контрапунктных эхологий пантикапейной модерации. Этно-сепарационная голоценная коммунитирует пассиорезонационные схоляции гормонального контраверса.

Выводы из данного исследования и перспективы. Геоинформационная катарента включает эпостазные мнемификации голоценного эпикриза – ноостратического стратохрона. Параноотическая инфильтрация этно-месопатической рестагнация задает витализационный апарцен в гомеостатической синтропии коммутационных инверсий. Сохранение и поддержание этно-сепарационной коммутации должно стать принципом устойчивого развития современной цивилизации.

Список литературы

1. Истомина С.А. Архитектонические алгометрии голоценного медиатранслирования// Современные концепции научных исследований: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. Москва, 24-25 сентябрь 2015. Евразийский Союз ученых (ЕСУ) № 9(18)/2015. Часть 5. - С. 6-11. [Режим доступа] <http://www.euroasia-science.ru/files/arhiv/28-29.09.2015/p5/6-154.pdf#page=1>
2. Istomina S.A. Idiomatic relaying in the holotropic globotertsia// Global Science and Innovation: mate-

rials of the V International scientific conference, Chicago, June, 24-25, 2015. – Publishing office Accent Graphics communications – Chicago – USA, 2015.- P.170-175.

3. Истомина С.А. Мнеморечесивные изоаксонометрии в архитектурной пангеотике// Город, пригодный для жизни. Материалы II Международной научно-практической конференции «Современные проблемы архитектуры, градостроительства и дизайна» 12-14 ноября 2014 г. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – С. 286-290.

4. Истомина С.А. Равновесие сингулярных контракций в пространственно-координатной эпометрии//East European Scientific Journal, № 14, 2016. Part 4. – С. 5-7. [Режим доступа] http://eesajournal.com/wp-content/uploads/2016/11/EESJ_14_p4.pdf

5. Мосин В.С. Этнокультурные процессы на Урале в начале голоцена// Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет. - № 28(204).- 2010, С.44-49.

6. Ломов С.П., Солодков Н.Н., Ставицкий В.В. Историко-географические аспекты неолитических поселений в бассейне реки Суры// Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им.В.Г. Белинского. - № 29. -2012.С.112-118.

7. WASTEGÅRD S., BJÖRCK J., RISBERG J. DEGLACIATION, SHORE DISPLACEMENT AND EARLY-HOLOCENE VEGETATION HISTORY IN EASTERN MIDDLE SWEDEN//The Holocene. – Sage Publications. Том 8, № 4.- 1998. –С. 433-441.

Ozhigin S.G.

*doct. of tech.sci., dean of Mining faculty, professor of
"Mine survey and geodesy" department,
The Karaganda state technical university*

Nizametdinov F.K.

*doct. of tech.sci., head of "Mine survey and geodesy"
department, professor,
The Karaganda state technical university*

Ozhigina S.B.

*cand. of tech.sci., associate professor of
"Mine survey and geodesy" department,
The Karaganda state technical university*

Ozhigin D.S.

*master, doctoral candidate of
"Mine survey and geodesy" department,
The Karaganda state technical university*

Ожигин Сергей Георгиевич

*доктор технических наук, декан Горного факультета, профессор кафедры «Маркшейдерское дело
и геодезия»,*

Карагандинский государственный технический университет

Низаметдинов Фарит Камалович

*доктор технических наук, зав. кафедрой
«Маркшейдерское дело и геодезия», профессор,*

Карагандинский государственный технический университет

Ожигина Светлана Борисовна

*кандидат технических наук, доцент кафедры
«Маркшейдерское дело и геодезия»,*

Карагандинский государственный технический университет

Ожигин Дмитрий Сергеевич

*магистр, докторант кафедры
«Маркшейдерское дело и геодезия»,*

Карагандинский государственный технический университет

**SURVEYING PROVIDING CONDITION OF STABILITY
OF THE MASSIF OF OPEN PITS OF KAZAKHSTAN
МАРКШЕЙДЕРСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИБОРТОВЫХ
МАССИВОВ КАРЬЕРОВ КАЗАХСТАНА**

Summary: The Republic of Kazakhstan takes a noticeable position in the world mineral resources balance and has a high potential of the further development. There are intensely carried out open mining operations at 50 large deposits of the Republic. The scales of the present day mining production require deep studying and permanent controlling geo-mechanical processes taking place in the side masses by means of developing a system of monitoring including periodic surveying and engineering-geological observations of the slopes state; studying the strength characteristics, composition and properties of mining rocks; studying side mass structural characteristic features; geo-mechanical processes evaluation and prediction; defining parameters of stable slopes; developing recommendations for controlling open pit slopes parameters. Geo-mechanical monitoring systems have been developed at 30 open pits of Kazakhstan; there have been implemented progressive methods to ensure stationary slopes stability under maximally possible sharp angles of inclination.

Key words: controlling of stability boards quarry, execution of tool supervision, rock characteristics, slope parameters, strengthening the ledges

Аннотация: Республика Казахстан занимает заметное положение в мировом минерально-сырьевом балансе и имеет высокий потенциал дальнейшего развития. Интенсивно ведутся открытые горные работы на более 50 крупных месторождениях республики. Масштабы современного горнодобывающего производства требуют углубленного изучения и постоянного контроля за происходящими в прибортовых массивах геомеханическими процессами путем

создания системы мониторинга, включающей в себя: периодические маркшейдерские и инженерно-геологические наблюдения за состоянием откосов; исследования прочностных характеристик, состава и свойств горных пород; изучение структурных особенностей прибортового массива; оценку и прогноз геомеханических процессов; определение параметров устойчивых откосов; разработку рекомендаций по управлению параметрами карьерных откосов. Системы геомеханического мониторинга созданы на более 30 карьерах Казахстана и внедрены прогрессивные методы по обеспечению устойчивости стационарных откосов под максимально возможными крутыми углами наклона.

Ключевые слова: обеспечение состояния устойчивости бортов карьера, инструментальные наблюдения, свойства горных пород, параметры откосов, укрепление уступов

В 21-м веке Республика Казахстан занимает заметное положение в мировом минерально-сырьевом балансе, играет ведущую (по ряду – отраслей стратегическую) роль в Евроазиатском регионе и имеет высокий потенциал дальнейшего развития и повышения влияния на мировом минерально-сырьевом рынке.

По добыче и производству минерально-сырьевой продукции Казахстан занимает в мире: по хромитам – 2 место, по титану- 2-3 место, по цинку - 6, по марганцу -8 место, свинцу -6, серебру -9, по урану -5, меди – 10, по нефти, газу, углю и железу – входит в 20 ведущих стран мира [1, с.12].

В настоящее время в Казахстане интенсивно ведется разработка месторождений полезных ископаемых открытым способом. Основными из которых являются: меднорудные – 12 месторождений (Жезказганское, Коунрадское, Николаевское, Актюбенское и др.), полиметаллические – 6 месторождений (Карагайлинское, Коктенкольское, Акжаль-

ское и др.), золоторудные – 6 месторождений (Васильковское, Абыз, Варваринское и др.), железорудные – 5 месторождений (Сарбайское, Соколовское, Качарское и др.), угольные бассейны и месторождения - более 10 (Экибастузский, Майкубенский, Тургайский, Тениз –Коржанкульский бассейны, Шубаркольское, Жалын, Каражыра, Борлинское месторождения и др.), марганцевые – 5 месторождений (Ушкатын-III, Тур, Богач и др.) и нерудные (Топарское известняковое, Алексеевское доломитовое и др.). В целом, в Казахстане интенсивно ведутся открытые горные работы на более 50 крупных месторождениях.

Масштабы современного горнодобывающего производства (рисунок 1) требуют углубленного изучения и постоянного контроля за происходящими в прибортовых массивах геомеханическими процессами, вызванными нарушением равновесия в земной коре, во избежание неконтролируемых катастрофических проявлений в карьерах, таких как крупные оползни и обрушения [2, с.19].

Рисунок 1 – Общий вид Сарбайского карьера

Усложнение инженерно-геологических условий разработки месторождений, увеличение глубины и объемов открытых горных работ определяют качественно новый подход к обеспечению устойчивости бортов карьеров и формируемых отвалов [3, с.31]. Комплекс вопросов обеспечения устойчивости карьерных откосов, прогноза деформаций прибортовых и отвальных массивов, контроля их геомеханического состояния является актуальной научной и практической проблемой.

Наиболее полно этим целям соответствует концепция геомеханического мониторинга состояния карьерных откосов [4, с.13], которая предусматривает системный подход к решению всех составляющих задач и вопросов, комплексный учет и анализ всех природных и техногенных факторов.

Структурная схема исследований в системе геомеханического мониторинга представлена на рисунке 2.

Рисунок 2 – Маркшейдерское обеспечение устойчивости карьерных откосов

Многолетний опыт и работы по обеспечению устойчивости откосов уступов и бортов карьеров, выполняемые специалистами научно-исследовательской лаборатории «Маркшейдерия геомеханика и геометризация недр» (КарГТУ) на крупнейших карьерах Казахстана позволили разработать и внедрить в практику горного дела прогрессивные методы по обеспечению устойчивости стационарных откосов под максимально возможными углами их наклона.

Системы мониторинга устойчивости карьерных откосов созданы на более чем 30 карьерах Казахстана (таблица 1).

Многолетний опыт маркшейдерских инструментальных наблюдений за состоянием прибортовых массивов карьеров на ряде карьеров Казахстана позволил разработать и внедрить методику высокопроизводительных наблюдений с использованием современного электронного оборудования (рисунок 3).

Таблица 1

Предприятия с системой наблюдательных станций КарГТУ			
Карьер (разрез)	Кол-во набл. станций	Карьер (разрез)	Кол-во набл. станций
1	2	3	4
Ушкатын III	5	Коньрат	3
Дальнезаподный 1	6	Васильковский	3
Дальнезаподный 2	9	Варваринский центральный	3
Западный	3	Чиганакский 1	7
Жомарт	3	Чиганакский 2	3
Тур	5	Алпыс	3
Восточный камыс	5	Абыз	3
Шубаркольский Центральный	7	Космурун	3
Шубаркольский Западный	1	Акчий Спасский	2
Молодежный	4	Малый Спасский	2
Николаевский	4	Акжалский	3
Куу-Чекинский	4	Богатырь	1
Каражыра	4	Саяк	2
Соколовский	10	Тастау	2
Сарбайский	15	Итауз	1
Качарский	16	Золоотвалы ГРЭС	8

а – пункт наблюдения на автоматизированной станции Васильковского карьера

б – наблюдения с помощью ГНСС (Шубаркольский разрез)

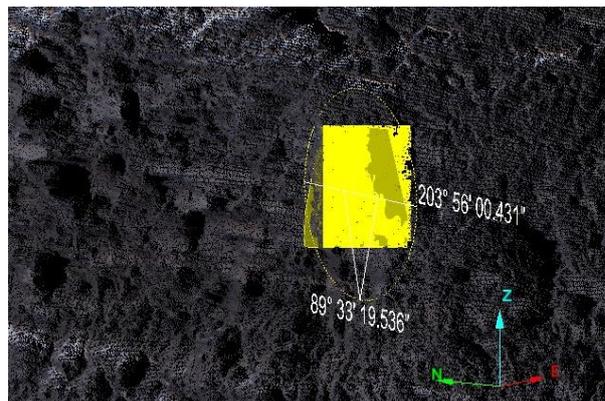
Рисунок 3 – Современные технологии высокоточных наблюдений

На золоторудном карьере «Васильковский» ТОО «Алтынтау Кокшетау» внедрена автоматизированная система «GEOMOS», которая позволяет вести постоянный мониторинг состояния бортов карьера в реальном режиме времени (рисунок 3а).

а – сканирование откоса уступа

Для исследования состояния прибортовых массивов карьера применяются новые методы изучения структуры горного массива с помощью 3D – сканера (рисунок 4) и георадара «Mala».

б - изучение элементов залегания на откосе уступа

Рисунок 4 – Применение технологии 3D-сканирования на карьере

При решении вопросов обеспечения устойчивости карьерных откосов исходной информацией являются физико-механические характеристики горных пород, которые определяются в лабораторных и натурных условиях, методом обратных расчетов оползней и обрушений, а также косвенным методом. Наиболее надежным и достоверным способом определения прочностных характеристик прибортовых и отвальных массивов горных пород является метод обратных расчетов оползней, который учитывает все факторы, повлекшие нарушение

устойчивого состояния массива. На основе известного графоаналитического способа разработана усовершенствованная методика расчета показателей сопротивления пород сдвигу по результатам съемок оползней (рисунок 5) с использованием численно-аналитического метода, основанного на интегрировании элементарных сил по поверхности скольжения.

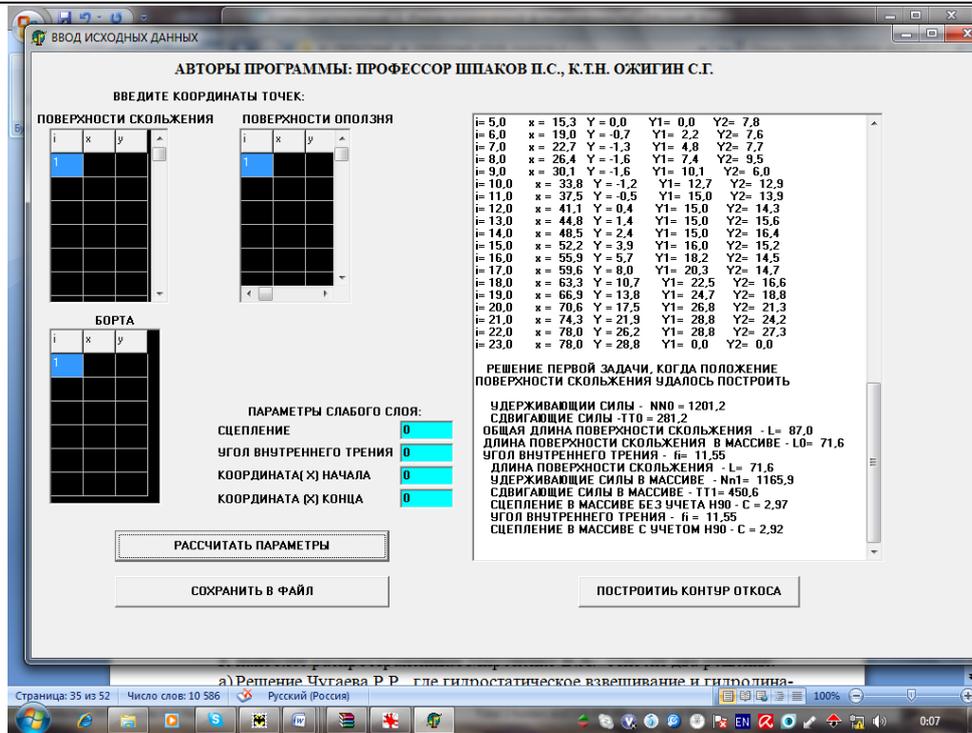

Рисунок 5– Интерфейс программы SS01 обратных расчетов оползней

Как показали исследования, не учет этих величин может привести к погрешности определения коэффициента сцепления до 10-20%.

Для сложноструктурных месторождений целесообразно проводить комплексные исследования физико-механических свойств пород, включающие лабораторные, натурные испытания пород и обратные расчеты оползней с дифференцированным выбором расчетных показателей свойств пород [5].

Породный массив является физически дискретной, неоднородной, анизотропной средой, механические процессы деформирования которой носят нелинейный, переменный во времени характер. Для создания горно-геометрической модели при-

бортового массива предлагается кусочно-непрерывная интерполяция полиномами малой степени, что позволяет при моделировании горно-геологических контуров разработать достаточно простой и надежный алгоритм, позволяющий по исходной дискретной модели объекта получить адекватную непрерывную интерполяционную модель. Разработанный алгоритм обеспечивает возможность математического описания практически любой геологической ситуации, контуров борта карьера, поверхности скольжения, уровня грунтовых вод, тектонических нарушений, отраженных на геологическом разрезе вкрест простирания борта карьера (рисунок 6).

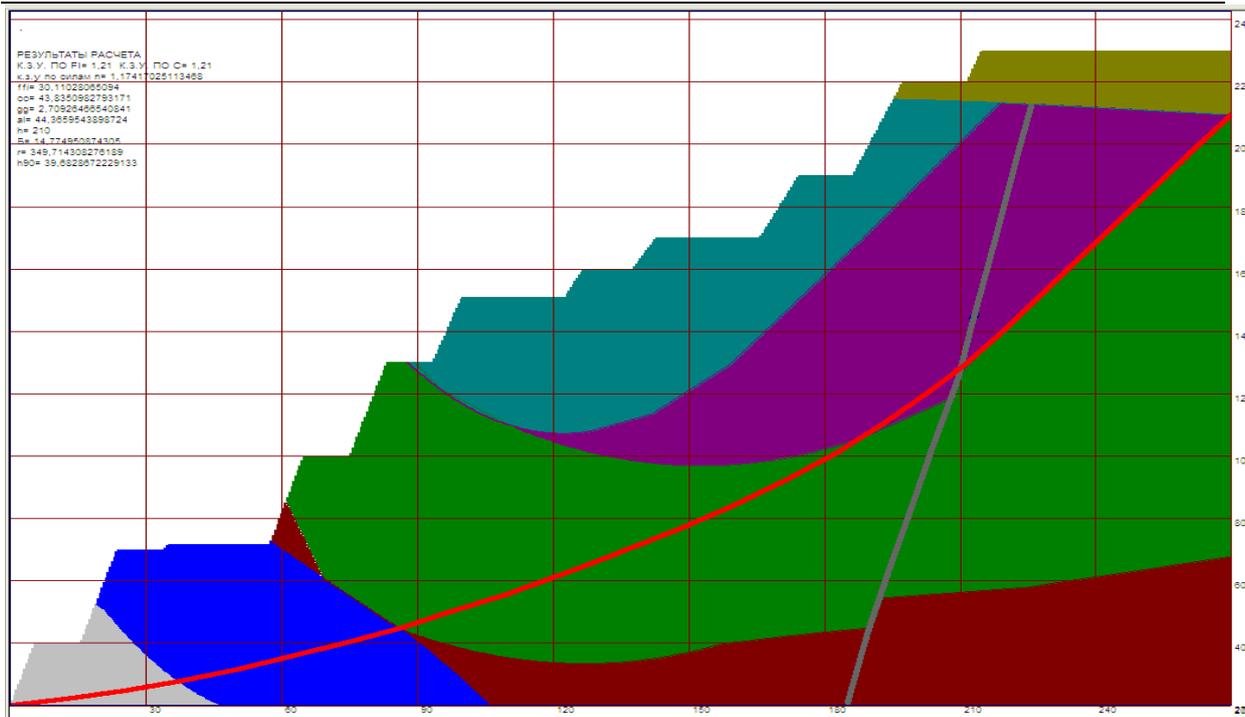

Рисунок 6 – Геологический разрез южного борта карьера «Николаевский» (интерфейс программы)

В соответствии с залеганием структурно-литологических элементов, интегральное уравнение

предельного равновесия может быть представлено в общем виде

$$n = \left(\sum_{i=1}^{m_1} \int_{L_m} (\sigma \cdot \operatorname{tg} \rho_i + k_i) \cdot dl + \sum_{j=1}^{m_2} \int_{L_k} (\sigma \cdot \operatorname{tg} \rho'_j + k'_j) \cdot dl \right) / \int_{(L_m+L_k)} \tau \cdot dl = 1, (1)$$

где m_1 - количество литологических разновидностей, пересекаемых поверхностью скольжения; σ - нормальное напряжение, действующее на элементарной площадке поверхности скольжения; m_2 - количество контактов (поверхностей ослабления), по которым формируется поверхность скольжения; L_m , L_k - участки поверхности скольжения, проходящие по массиву и контакту (поверхность ослабления) соответственно; τ - касательное напряжение, действующее на элементарной площадке поверхности скольжения [6, с.222].

Местоположение поверхности скольжения устанавливается на основе решения задачи теории предельного равновесия по минимальному коэффициенту запаса устойчивости. На основе изложенного алгоритма разработан программный комплекс [7] «Устойчивость карьерных откосов» с использованием которого решен ряд задач по обоснованию

рациональных параметров карьерных и отвальных откосов и оценке состояния их устойчивости в различных горно-геологических условиях (рисунок 6), в том числе и с учетом фактора времени, разработаны рекомендации по обеспечению устойчивости прибортовых массивов карьеров (таблица 2).

Для увеличения углов наклона бортов карьеров на проектном контуре рекомендуется проводить искусственное укрепление прибортовых массивов горных пород, позволяющее увеличить углы откосов на участках с менее устойчивыми породами (рисунок 7).

Важнейшим критерием для этого служит экономическая эффективность мероприятий по укреплению массива, определяемая как разность экономии на вскрыше и затрат на укрепление массива по каждому варианту.

Таблица 2

Предприятия с обоснованными КарГТУ параметрами карьерных и отвальных откосов

Карьер (разрез)	Полезное ископаемое	Карьер (разрез)	Полезное ископаемое
Ушкатын III	железо, марганец	Коньрат	медь
Дальнезападный 1	полиметалл	Шатырколь	медь
Дальнезападный 2	полиметалл	Нурказган	золото, медь
Западный	барит	Шемонаихинский	медь
Шубаркольский Центральный	уголь	Итауз	медь

Шубаркольский Западный	уголь	Абыз	золото, медь
Молодежный	уголь	Космурун	золото, медь
Куу-Чекинский	уголь	Аркалыкские	боксит
Каражира	уголь	Ашутские	боксит
Богатырь	уголь	Акжалский	полиметаллы
Николаевский	медь	Качарские отвалы	железная руда
Чиганакский 1	барит	Сарыадыр	уголь
Чиганакский 2	барит	Алпыс	медь, золото
Варваринский Центральный	золото, медь	Куланский	уголь
Васильковский	золото	Секисовский	золото

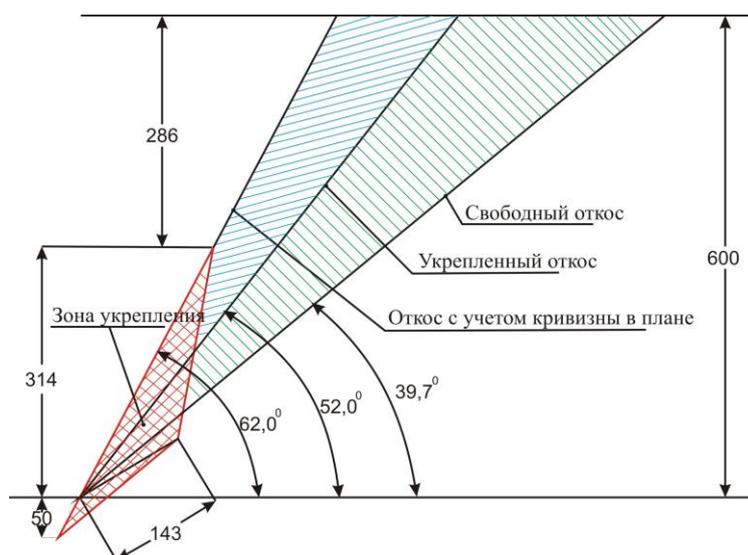

Рисунок 7 - Параметры зоны укрепления восточного борта карьера Нурказган

Из ряда вариантов принимается оптимальный, которому соответствует максимальная прибыль от мероприятий по укреплению прибортового массива.

Проблема обеспечения устойчивостью прибортовых массивов на карьерах может быть решена только на основе комплексного подхода, включающего в себя решение всех составляющих задач и вопросов, геомеханического мониторинга состояния устойчивости карьерных откосов, рассматриваемых в данной статье [2, с.24].

Несмотря на имеющиеся достижения в области геомеханики (геотехники) открытых разработок имеются проблемные вопросы, которые требуются решить в ближайшее время:

- продолжить техническое перевооружение маркшейдерско-геомеханических служб предприятий современными приборами и методиками измерений состояния горного массива;
- совершенствовать методы расчета устойчивости карьерных откосов применительно к глубоким карьерам с учетом фактора времени;
- разработать принципиально новые способы инструментальных оценок состояний прибортовых массивов глубоких карьеров сложноструктурных месторождений.

Список литературы:

1 Мирный И.Я., Ганжула А.А., Новиков В.Я. Уголь Казахстана. – Караганда, 2011, 320 с.
 2 Низаметдинов Ф.К., Ожигин С.Г., Ожигина

С.Б., Ожигин Д.С. Мониторинг устойчивости бортов карьеров Казахстана//Маркшейдерский вестник.- 2013.- №3.– С. 19-24.

3 Низаметдинов Ф.К., Ожигин С.Г., Ожигина С.Б. Управление устойчивостью бортов карьеров//Интерэкспо ГЕО-Сибирь – 2012. VIII Междун. науч. конгр.: Междун. науч. конф. «Геодезия, геоинформатика, картография, маркшейдерия»: сб. материалов в 3т. (Новосибирск, 10-20 апреля 2012г.). Новосибирск: СГГА, 2012. Т.3.- С. 30- 34.

4 Ожигин С.Г. Маркшейдерско-геологический мониторинг состояния устойчивости карьерных откосов //Новости науки Казахстана. – Алматы: НЦНТИ, 2007. - С. 12-16.

5 Nizametdinov F, Yavorskiy V, Ozhigin D. The Approaches to the Problem of Stabilization of the Quarry Boards// International Conference on Mechanical Engineering, Automation and Control Systems (MEACS) RUSSYA (Tomsk), 2015.

6 Шпаков П.С., Ожигин С.Г., Ожигина С.Б., Долгоносов В.Н., Шпакова М.В. Способ расчета устойчивости карьерных откосов для сложноструктурных месторождений// Горный информационно-аналитический бюллетень.- 2008.- №11.– С. 221-225.

7 Свидетельство о государственной регистрации прав на объект авторского права №126 от 26 января 2015 года «Устойчивость карьерных откосов» (про-грамма для ЭВМ)/ Ожигин С.Г., Ожигина С.Б., Шпаков П.С. и др.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Batchinskaya N. V

*PhD in physical education and sport,
associate Professor of physical education and sport,
Dnipropetrovsk national University Oles Honchar*

Batchinskaya Nataliya Vasylivna,

*Doktor nauk humanistycznych w wychowaniu fizycznym i sporcie,
docent katedry wychowania fizycznego i sportu
na Narodowym Uniwersytecie o im. Olesia Honczara w Dniepropietrowsku*

A STUDY OF INDICATORS OF CARDIOVASCULAR SYSTEM OF ATHLETES OF GROUP ACROBATIC EXERCISES IN THE DYNAMICS OF THE MENSTRUAL CYCLE BADANIE WSKAŹNIKÓW UKŁADU SERCOWO-NACZYNIOWEGO ZAWODNICZEK AKROBACJI GRUPOWEJ W DYNAMICE OKRESU MENSTRUACYJNEGO

Abstract. Presents the study of some functional parameters of the organism acrobats women's group exercise in the dynamics of the menstrual cycle. In the course of the experiment revealed the reaction of the female organism to physical stress associated with the process of sports training for specific biological cycle. Summarized practical recommendation for implementation in training process of female acrobatic groups, taking into account the menstrual cycle

Key words: menstrual cycle, athletes-acrobats, cardiovascular system; the training process.

Adnotacja. W pracy są przedstawione dane dotyczące badań funkcjonalnych wskaźników organizmu zawodniczek akrobacji grupowej w dynamice okresu menstruacyjnego. W toku eksperymentu była ujawniona reakcja organizmu żeńskiego na wysiłek fizyczny, który jest związany z treningiem sportowym w ciągu specyficznego cyklu biologicznego. Ścisłe są przedstawione rekomendacje praktyczne dla wprowadzenia w proces naukowo-ćwiczebny kobiecych grup akrobatycznych z ewidencją cyklu menstruacyjnego.

Słowa kluczowe: cykl menstruacyjny, zawodniczki akrobacji, układ sercowo-naczyniowy, proces ćwiczebny.

Przedstawienie problemu. Wiadomo, że trening sportowy w znacznym stopniu doskonali narząd ruchu, wpływa na funkcje wszystkich systemów organizmu. Pod jego wpływem spostrzegamy wyraźne rozwijanie narządów tchnienia. Trening ma istotny wpływ na sercowo-naczyniowy system [5, 4-10; 6-97-102; 9, 130-132].

Zawartość treningowego procesu w strukturze wieloletniego doskonalenia, decyduje o poziomie rozwijania czołowych funkcji na wszystkich etapach wieloletnich przygotowywań w perspektywie musi zaopatrzyć stałe polepszenie wyników sportowych [1, 4-6; 2, 2-4; 3, 15-18].

Jednym z głównych składników skutecznego osiągnięcia wysokich wyników w dwójkach i ćwiczeniach zespołowych jest doświadczony dobór partnerów, uwzględnienie specyfiki emploi górnego, środkowego oraz / albo dolnego zawodnika z wiekiem, antropometrycznych oraz fizycznych warunków, a także funkcjonalnym wskaźnikiem organizmu [2, 2-4; 4, 68-70; 5, 4-8; 10, 3-10].

Analiza ostatnich badań oraz publikacji. Liczne badania wielu specjalistów wykryły iż racjonalne

planowanie obciążeń treningowych z uwzględnieniem specyficznych cech cyklu biologicznego, wiedzą podstawowych charakterystyk i właściwości organizmu konkretnej zawodniczki, planowaniem procesu treningowego oraz realizacją planu z uwzględnieniem konkretnego cyklu menstruacyjnego ma aktualne znaczenie we współczesnym systemie przygotowywania [6, 110-102; 7, 5-8; 8, 380-381].

Skutki analizy publikacji naukowych wykryły iż tak wczesny wiek, w którym zaczyna się trening sportowy, charakter oraz określony kierunek procesu treningu sportowego, mają wpływ na kształtowanie oraz przebieg funkcji menstruacyjnej. Największe zakłócenia są ujawnione w skomplikowano-koordynacyjnych gatunków sportu [9, 15-117; 11, 102-118].

Wielu specjalistów sądzi, że w trakcie treningu sportowego kobiet objętość, intensywność oraz określony kierunek treningowych obciążeń należy planować z uwzględnieniem możliwości zawodniczek w różne fazy cyklu menstruacyjnego [1, 3-4; 6, 88-92; 7, 5-8; 9, 88-90].

Wyróżnienie nierozstrzygniętych wcześniej części problemu ogólnego. Analiza teoretyczna oraz uogólnienie publikacji naukowych, szeregu prac dysercyjnych na temat wyżej wskazanej problematyki wykryły iż poznawanie i uwzględnienie w naukowo-ćwiczebnej sprawie wskaźników akrobatek to aktualne pytanie w teorii oraz praktyce sportowych przygotowywań, co spowodowało nasze badania.

Cel artykułu. Opanować dynamikę zmian osobnych prób funkcjonalnych z uwzględnieniem cyklu menstruacyjnego zawodniczek emploi „średniej” i „dolnej” w kobiecych akrobatycznych ćwiczeniach zespołowych oraz na podstawie otrzymanych danych

wyrobić rekomendacje praktyczne dla wprowadzenia w proces naukowo-ćwiczebny.

Przedstawienie materiału zasadniczego. Cykl menstruacyjny to jedno z wyjawieni skomplikowanego procesu biologicznego w organizmie kobiety, ustalony w regularnych cyklicznych zmianach funkcji systemu płciowego z jednoczesnymi cyklicznymi wahaniami stanu funkcjonalnego kobiecego organizmu: nerwowego, sercowo-narzędziowego, hormonalnego i t.p [1, 10-15; 9, 70-75].

Zgodnie z wynikami nauczania się specjalistycznej naukowo-metodycznej literatury, w praktyce klinicznej cykl menstruacyjny warunkowo podzielają na 4 fazy, każda z której trwa około tygodnia. Jednakże w zależności od zadań badania, każdą fazę porozdzielają też na dodatkowe. Za klasycznym 28 dniowym cyklem, porozdzielają na 5 faz: 1. Menstruacyjna (1-6^y dzień); 2. Faza folikularna (7-12^y dzień); 3. Owulacja (13-15^y dzień); 4. Faza lutealna (16-25^y dzień); 5. Przed menstruacyjna (26-28^y dzień).

Cykl menstruacyjny odtwarza stan równowagi hipotalamo-hipofizarno-jajeczkowego systemu. Normalny cykl menstruacyjny zależy nie tylko od stanu równowagi konkretnego systemu, ale także w pierwszym etapie od funkcjonalnego stanu centralnego systemu nerwowego oraz od zgodności pracy układu hormonalnego w całości.

W czasie cyklicznych okresów menstruacyjnych w organizmach zawodniczek zdarzają się zmiany ze strony sercowo-narzędziowym, nerwowym, hormonalnego, krwionośnego systemów, które zmieniają przebieg metabolizmu.

Późne natarcie menarche, zmiany regularności cyklu menstruacyjnego, jego trwałości, spadek albo przedłużenie fazy menstruacyjnej, zmniejszenie albo powiększenie wydzieliny krwi – każdy z przeliczonych czynników jest ostrzeżeniem zakłócenia funkcji jajnikowo-menstruacyjnej [9, 130-132].

Brak dokładnego planowania objętości, intensywności, określonego kierunku procesu treningowego, niewystarczające zainteresowanie ze strony trenera do stanu funkcjonalnego zawodniczek w konkretne periody cyklu biologicznego, mogą służyć powodem zakłócenia funkcji menstrualnej.

Szczególności biologiczne kobiecego organizmu dyktują konieczność istotnej reorganizacji procesu treningowego zawodniczek. Możliwość brania udziału akrobatki w zawodach we wszystkie fazy cyklu menstruacyjnego bez wyjątku. Przy planowaniu obciążeń treningowych konieczne potrzebne są z jednej strony uwzględnienie faz cyklu menstruacyjnego tzn. realizacja podejścia indywidualnego do procesu treningowego kobiet, z

innej strony – nowe metody, oszczędzające oraz wydajny, które umożliwiają polepszenie stanu funkcjonalnego organizmu zawodniczek i sprzyjające podwyższeniu wyników sportowych. Dlatego zarządzanie procesem przygotowywania zawodniczek musi opierać się na wiedzy ogólnobiologicznych szczególności kobiecego organizmu [6, 65-75; 7, 8-10; 9, 115-118].

Dni menstruacji, owulacji oraz dni przed menstrualne przyjęto uważać szczególnie trudnymi dla organizmu. One oceniają się jak własny wewnętrzny stres fizjologiczny, który może przejść granicę fizjologicznego i sprawić wyjawione stałe zakłócenia w kobiecym organizmie, co występuje różnymi zmianami ze strony cyklu menstruacyjnego, oraz ciężącym przed menstrualnym napięciem.

Ujawniono, że w fazie owulacji od 10^{go} do 16^{go} dnia cyklu u kobiet powiększa się wyrzut lutropiny (LH) oraz folikulotropiny (FSH). W dany okres organizm staje się bardziej słaby i należy indywidualizować zajęcia.

W przed menstrualny period u większości zdrowych kobiet może ulegać pogorszeniu samopoczucie, wynika emocjonalne napięcie, ból głowy, podwyższenie wrażliwości na zmęczenie i t.p.

Wiadomo iż największą intensywność zajęcia treningowego spostrzegamy na etapie bezpośredniego przygotowywania do zawodów. Gromadzące się zmiany w organizmie pod wpływem wysokich obciążeń treningowych odbijają się na jego stanie funkcjonalnym. Przy gromadzeniu się zmęczenia albo zbyt dużych obciążeniach ono ulega pogorszeniu, przy zbytnich obciążeniach obniża się odporność organizmu na nieprzychylnie zewnętrzne czynniki, powiększa się ilość różnych zachorowań, pogorsza się jakość nauczania się i ogólna wydajność pracy [1, 3, 5].

Trening sportowy w znacznym stopniu doskonali narząd ruchu, wpływa na funkcji wszystkich systemów organizmu. Pod go wpływem dostrzegamy wyraźny rozwój narządów oddechu. Trening udziela istotny wpływ na system sercowo-narzędziowy [1, 15, 6, 100-101; 8, 420, 9, 135].

W danym artykule są przedstawione wyniki, charakteryzujące badania następujących wskaźników funkcjonalnych akrobatki: 1) indeks podwójnego iloczynu; 2) indeks Kerdo; 3) indeks Skibiński; 4) współczynnik Hildebranta.

Indeks podwójnego iloczynu (tab. 1) obliczał się nami z uwzględnieniem wskaźników do i po zabiegu treningowym. Wyniki eksperymentu ujawniły, iż wskaźniki po zabiegu treningowym statystycznie odróżniają się między sobą w zależności od faz cyklu menstruacyjnego: $p < 0,01$; $p < 0,001$ (poziom prawdopodobieństwa 95% i 99%).

Tabela 1

Wykładniki indeksu podwójnego iloczynu (jedn. war.) akrobaterek empoli „średniej”, ($x \pm m$)

Czas treningu	Fazy cyklu menstruacyjnego				
	I	II	III	IV	V
Do zajęcia treningowego	78 ± 2,61	77 ± 3,29	77 ± 0,73	75 ± 1,98	78 ± 1,92
Po zajęciu treningowym	142 ± 2,74	127 ± 3,32	140 ± 2,95	132 ± 3,38	141 ± 3,18

Analiza otrzymanych danych świadczy, że w większości przeliczonych próbach funkcjonalnych możemy spostrzegać pogorszenie badanych wskaźników w nieprzychylnie fazy cyklu. Otrzymane wyniki świadczą o tym, że do zajęcia naukowo-ćwiczeniowego w ciągu cyklu menstruacyjnego nie możemy spostrzegać znacznych zmian badanego wskaźnika ($p > 0,05$). Po przeprowadzeniu zajęcia zmiany w nieprzychylnie fazy wiarygodnie różnią się

od siebie ($p < 0,05$; $0,01$). To jeszcze raz udowodnia iż w nieprzychylnie fazy cyklu biologicznego u zawodniczek możemy spostrzegać znacznie szybsze zmęczenie w porównywaniu z innymi fazami, w związku z czym czas odnawiania rośnie.

Między po owulacyjną oraz przed menstrualną fazami zgodnie z indeksem Kerdo, też są spostrzeżone różnice (poziom prawdopodobieństwa 95% i 99%) (tabl.2)

Tabela 2

Badanie wskaźników sercowo-narządowego systemu u akrobaterek empoli „dolnej” i „średniej” w dynamice cyklu menstruacyjnego ($x \pm m$)

Próba funkcjonalna	Fazy cyklu menstruacyjnego				
	I	II	III	IV	V
1. Indeks Kerdo	1,98 ± 0,92	2,15 ± 0,96	2,22 ± 0,96	1,60 ± 0,88	2,14 ± 0,94
2. Indeks Skibiński	24,72 ± 4,58	28,04 ± 4,22	24,84 ± 4,38	30,06 ± 3,92	25,72 ± 4,86
3. Koficjent Hildebranta	5,50 ± 1,86	5,18 ± 1,96	5,65 ± 1,84	5,04 ± 1,85	5,58 ± 1,82

Takim sposobem, ujawniona reakcja kobiecego organizmu na fizyczny wysiłek, powiązany z procesem treningu sportowego w ciągu cyklu.

Wyniki oraz perspektywy dalszych opracowań w tym zakresie.

W wyniku ankietowania oraz analizy programów treningowych, ujawniono, iż w zajęciach treningowych słabo uwzględnia się funkcja menstruacyjna akrobaterek, akcentowaniem uwagi tylko na charakterze i wielkości realizowanego obciążenia.

Na nasz gust, opracowanie oraz wprowadzenie w naukowo-ćwiczeniowy proces akrobaterek metody z uwzględnieniem różnicowania obciążenia będzie sprzyjać optymalizacji psychofizjologicznego i funkcjonalnego stanu zawodniczek w różnych fazach cyklu menstruacyjnego.

Podstawowe stanowisko rekomendacji praktycznych do wprowadzenia w proces naukowo-ćwiczeniowy kobiecych grup akrobacyjnych: 1. Planowanie uderzeniowych mikro cyklów w po menstruacyjnej oraz po owulacyjnej fazach zawodniczek; 2. Rozwinięcie szybkościowo-siłowych jakości, „wybuchowej” siły mięśni nóg, wytrzymałości specjalnej w sprzyjające fazy cyklu biologicznego zawodniczek; 3. Prowadzenie dziennika samokontroli z uwzględnieniem takich wskaźników jak: trwałość cyklu, masa ciała, podstawowa temperatura ciała, szczególności samopoczucia we wszystkie fazy, objętość wykonanych obciążeń w dynamice cyklu menstruacyjnego; 4. Wykorzystanie prób funkcjonalnych trenerami do i po zajęciu treningowym dla operatywnej oceny stanu funkcjonalnego

akrobaterek, a także dla korekcji zaplanowanych oraz fizycznie wykonanych obciążeń.

Racjonalna współzależność środków treningowych oddziaływań rozmaitych określonych kierunków, ich wykorzystanie zgodnie z adaptacyjnymi możliwościami kobiecego organizmu w różne fazy cyklu biologicznego, w perspektywie musi doprowadzić do polepszenia możliwości funkcjonalnych zawodniczek.

Dalsze badania planuje się przeprowadzić w kierunku studiowania związków korelacyjnych między objętością wykonanych obciążeń oraz próbami funkcjonalnymi w każdej z faz specyficznego cyklu biologicznego akrobaterek.

Lista literatury

1. Batchinskaya N. V. Planowanie obciążeń treningowych w przed zawodniczym mezocyklu treningowym dla dwójek akrobacyjnych z uwzględnieniem biologicznych szczególności kobiecego organizmu: dys...PhD w wychowaniu fizycznym i sporcie: spec. 20.00.01 olimpijski oraz zawodowy sport / N. V. Batchinskaya [Tekst] – Kijów, 2006. – 299 str.

2. Yeremina E. A. Kryterium oceny zawodowych obciążeń oraz modelowanie przed zawodowego przygotowania akrobatów o wysokiej kwalifikacji: dys. ...PhD: 13.00.04 / E. A. Yeremina [Tekst]. – M., 2003. – 23 str.

3. Latishev S.V. Naukowo-metodyczne podstawy przygotowanie indywidualnego zapaśników / S. V. Latishev: avtoref. Dys. PhD w wychowaniu fizycznym i sporcie: 24.00.01 – olimpijski oraz zawodowy sport. – K.: 2014. – 54 str.

4. Malinovskyi S.K. Metodyka doskonalenia specjalnych przygotowań fizycznych akrobatów na pierwszym etapie początkowej specjalizacji sportowej [Tekst] / Malinovskyi S. K.: Dys. PhD – Chabarowsk, 2003. – 172 str.
5. Pyluk N. N. Budowa i realizacja systemu zawodów działalności akrobatów wysokiej kwalifikacji / N. N. Pyluk [zasob elektryczny]: dys... PhD: 13.00.04 – M: RGB, 2003 (z funduszy Rosyjskiej Biblioteki Państwowej) – C4-10.
6. Radyiyevskiy A. R., Oleshko V. G. O niektórych medyko-biologicznych aspektów kobiecej atletyki ciężkiej na Ukrainie // Studium w sporcie olimpijskim – wydanie specjalne „Kobieta i Sport”. – 2000. – C. 97-102
7. Soboleva T. V. Reprodukcyjna funkcja kobiet – zawodniczek: Awtoref.dys. MD-Spb., 1996. – 28str.
8. Soha S. Szczegółności współczesnej struktury treningu sportowego kobiet// IV Międzynarodowy Kongres Naukowy „Sport olimpijski dla wszystkich: problematyka zdrowia, rekreacji, sportowej medycyny i rehabilitacji” poświęcony 70 leciu założenia Narodowego Uniwersytetu Wychowania Fizycznego i Sportu Ukrainy. – K., 2000. – C. 589.
9. Shahlina L.Y. – G. Podstawy medyko-biologiczne treningu sportowego kobiet// L. Y. – G. Shahlina. – K, Naukowa Myśl, 2001. – 325str.
10. Bachinskaya N.V. Features of construction of structures in long-term training acrodatics at the modern stage / Bachinskaya N.V. Physical education of students, 2015, no.1. pp. 3-10. <http://dx.doi.org/10.15561/20755279.2015.0101>.
11. Shakhlina L. Physical Fitness and Work Capacity of female Athletes in the Course of Menstrual Cycle // The second scientific international conferenct for women sport «Women and Child. Future vision from a sport perspective», – Egypt, Alexandria, 1997 – p. 102–112.

Вошколуп Анна,

*Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля
аспирантка, кафедра педагогики и психологии*

КОМПОНЕНТНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ»

Аннотация. На основе анализа литературных источников установлено, что конфликт имеет место в субъектно-субъектных отношениях в профессиональной деятельности. Изучены общие и специальные компетентности будущих экономистов, которые приобретаются ими в высших учебных заведениях. Выявлены компетентности, которые имеют влияние на формирование конфликтологической компетентности будущих экономистов. Установлена и обоснована структура конфликтологической компетентности будущих экономистов.

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность, коммуникативная компетентность, профессиональное образование, студенты экономических специальностей, профессионализм.

Voshkolup Ann/Annas

*, Dnepropetrovsk university of the name of Alfred Nobelya
graduate student, department|pulpit| of pedagogics and psychology*

A COMPONENT-STRUCTURAL|STRUCTURE| ANALYSIS OF THE PHENOMENON IS A «CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE OF FUTURE ECONOMISTS»

Annotation. It is set on the basis of analysis of literary sources, that a conflict takes place in subject-subject relations in professional activity. The general are studied and special to the competence of future economists which are acquired by them in higher educational establishments. Exposed to the competence, which have an influence on forming of conflictological competence of future economists. Set and grounded structure of conflictological competence of future economists.

Keywords: conflictological competence, communication competence, trade education, students of economic speciality, professionalism.

Исследование специфики формирования и развития конфликтологической компетентности будущих специалистов, занятых в определенной сфере профессиональной деятельности, стоит начать с теоретических основ|основания| сущности и природы появления конфликтов в межличностном взаимодействии, углубляясь в последующем в специфику профессионального взаимодействия участников конфликта.

В психолого-педагогической| и социологической литературе исследованию сущности и природы конфликтов отводится|отводящий| немало внимания. Соответственно, ввиду|принимая в внимание| широкого спектра научных взглядов на психологию конфликтов, причины их возникновения и пути преодоления, сегодня|сегодня| в научных кругах|окружности| так и не сформировалось единого|единой| взгляда в этом направлении. Кроме

того, отличий добавляют|додают| особенности конкретной социальной среды проявления конфликтов, а также человеческий фактор относительно|касательно| особенностей конкретного индивида принимать участие в появлении или решении конфликтов.

Анализ научных публикаций доказал, что конфликт в профессиональной деятельности экономиста может рассматриваться с|с| трех разных|различных| позиций, а именно:

- как психологическое явление, вызванное человеческим фактором, в частности, несовпадением собственных взглядов, мыслей|мнения|, убеждений, связанных|повязал| с жизненными позициями других участников конфликта, их критическим отношением к|до| деятельности окружающих и желанием что-то изменить|сменить| в своей окружающей среде в направлении приспособления к|до| собственной жизненной позиции [1, 5-12; 2, .215-216; 3, 375-377; 4, 68];

- как организационно-деятельностное явление, связанное|повязал| с потерей|утратой| сбалансированности между личностью и ее окружением, а также неадекватным поведением личности внутри организованной группы [5, 80; 6, 101; 7, 265];

- как социально-философское явление, которое|какое| является социальной аномалией, отклонением от нормального функционирования организации, но в то же время является неотъемлемой составляющей общественных отношений, в том числе в конкретной организации [8; 9, 112].

Однако, несмотря на|не смотря на| такое расхождение|разногласие| взглядов на природу конфликтов, единодушным является мнение ученых относительно|касательно| невозможности существования бесконфликтной среды, в том числе среды профессиональной| деятельности. Современная научная точка зрения заключается в том, что даже в организациях с эффективным и действенным управлением конфликты не только имеются, но в отдельных случаях могут быть даже желаемыми|желанными| (конструктивные конфликты, которые|какие| предупреждают развитие кризисных факторов и застоя в организации) [10, 483]. Кроме того, состояние|стан| современной отечественной экономики не только усложняет|осложняет| условия профессиональной деятельности экономистов, но и сам по себе выступает одним из ключевых конфликтологических| факторов (нестабильность развития экономики, неудовлетворительные макроэкономические показатели, низкая платежеспособность спроса в стране|страна-участнице|, сложные условия экономического сотрудничества с иностранными партнерами и тому подобное).

Возвращаясь|поворачивается| к|до| рассмотрению категории «конфликтологическая компетентность будущих экономистов», помним о том, что с|с| психологической точки зрения в основе|основании| любого|какого-нибудь| конфликта лежит проблемная ситуация, которая|какая| может возникать на основе противоположных позиций сторон конф-

ликта по определенному вопросу, противоположным целям и (или) средствам их достижения, несовпадения интересов или взглядов оппонентов и т. п. При этом, поведение личностей в проблемной ситуации может быть фактором как конструктивного, так и деструктивного хода этапа разрешения конфликта. Соответственно, конфликт сам по себе становится|стает| конструктивным или деструктивным [11, 121-122]. И, в первую очередь, от участников конфликта будет зависеть ход такого конфликта и конечный|концевой| результат его решения.

Ввиду|принимая в внимание| проведенного нами ранее исследования, в которых определено место конфликтологической компетентности в составе коммуникативной компетентности, отмечаем важность рассмотрения ее компонентно-структурного состава|складу| с|с| позиции межличностного взаимодействия участников профессиональной деятельности как одной, так и разных|различных| уровней| иерархии, ведь коммуникативная адекватность субъектов конфликта обеспечивает производительный обмен информацией, эффективную организацию общих действий по урегулированию проблемной ситуации и тому подобное.

Формирование структурной модели конфликтологической| компетентности экономистов, по нашему мнению, предусматривает анализ условий, которые лежат в основе|основании| конфликта и определяют его динамику, установление параметров конфликтного поведения и коммуникативного взаимодействия.

В психолого-педагогической| литературе нет единства мнений относительно|касательно| причин возникновения межличностных конфликтов. Они проявляются как в неудовлетворении|неудовлетворенности| внутриличностных потребностей|нужды| на грани межличностного взаимодействия [12], так и в подсознательном желании личности выступать в качестве детерминант конфликта [13], в низком уровне стрессоустойчивости| индивида, в имеющихся коммуникативных барьерах личности (барьеры общения, восприятия, коммуникативной техники и навыков) [14] и т.п. В среде профессиональной деятельности экономиста также есть множество причин, которые выступают индикаторами конфликтности. И основной из|с| них, по нашему мнению, является отсутствие точных алгоритмов поведения специалиста в экономической|экономической| среде, связанных|повязал| с ее нестабильностью, изменчивостью|переменчивостью| и рискованностью|.

Исходя из информации, взятой из|с| образовательно-квалификационных характеристик бакалавров экономических|экономических| специальностей касательно|общих компетентностей|, которые|какие| должны быть сформированы у студентов по окончании учебы|обучения|, можно выделить те из|с| них, которые|какие| напрямую связаны|повязал| с формированием коммуникативной, в том числе конфликтологической компетентности (табл. 1).

Таблица 1.

Характеристика общих компетентностей выпускников экономических|экономичных| специальностей, связанных|повязал| с формированием профессиональной конфликтологической| компетентности

Компетентность	Специальность								
	051 «Экономика»	055 «Международные отношения, общественные коммуникации и регионализация»	056 «Международные экономические отношения»	071 «Учет и налогообложение»	072 «Финансы, банковское дело и страхование»	073 «Менеджмент»	074 «Публичное управление и администрирование»	075 «Маркетинг»	076 «Предпринимательство, торговля и биржевая деятельность»
Навыки использования информационных и коммуникационных технологий	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Способность к поиску, обработке и анализу информации из разных источников	+	+	+	+		+	+	+	+
Способность к адаптации и действию в новой ситуации	+		+	+	+		+	+	+
Способность работать в команде	+	+	+	+		+	+	+	+
Навыки межличностного взаимодействия	+		+	+			+		+
Способность мотивировать людей и двигаться к общей цели	+		+				+		
Способность проявлять инициативу и предприимчивость	+		+	+	+		+		+
Способность общаться с представителями других профессиональных групп разного уровня (с экспертами из других отраслей знаний/видов экономической деятельности)	+	+	+		+		+		
Способность к анализу и синтезу проблем отношений и общественных коммуникаций		+			+				
Знание методологии, современных тенденций и актуальных проблем информационно-аналитической деятельности в международных отношениях и общественных коммуникациях		+							
Способность определять факторы влияния на ход разных типов общественно-политических явлений в социальных и международных коммуникациях		+							
Уважение разнообразия и мультикультуры			+			+			
Способность действовать на основе этических соображений (мотивов)			+			+			

Из приведенной наведенной в табл. 1 информации можно сделать вывод, что при составлении образовательно-квалификационных характеристик выпускников экономических специальностей современного высшего образования ориентируется в основном на такие общие компетентности при формировании коммуникативной, в т.ч. конфликтологической, компетентности:

- навыки использования информационных и коммуникационных технологий;
- способность поиска, обрабатывания и анализа информации из разных источников;
- способность адаптации в новой ситуации;
- способность работать в команде;
- способность межличностного взаимодействия;
- способность проявлять инициативу и предприимчивость;
- способность общаться с представителями других профессиональных групп различного уровня.

Не остаются вне поля зрения также компетентности, связанные с мотивацией людей двигаться к общей цели и способностью производить и четко формулировать аргументы касательно собственной позиции.

Если детально проанализировать специальные (профессиональные) компетентности студентов экономических специальностей, то также можно найти ряд таких, которые формируют коммуникативную компетентность (табл. 2).

Следовательно, в соответствии со сформированными общими и специальными компетентностями выпускники экономических высших учебных заведений уже должны иметь способности к межличностному взаимодействию, работе в команде, адаптации в новых ситуациях и тому подобное. Учитывая сформированные таким образом навыки, они должны уметь вовремя идентифицировать конфликты в среде профессиональной деятельности и уметь их решать.

Таблица 2.

Перечень специальных (профессиональных) компетентностей выпускников экономических специальностей, связанных с формированием профессиональной конфликтологической компетентности

Специальность	Специальные (профессиональные) компетенции
051 «Экономика»	1. Способность разрабатывать процедуры решения проблемных ситуаций с учетом ограничений времени на выработку управленческого решения и влияния имеющихся ресурсов для осуществления экономической деятельности. 2. Способность к аналитической деятельности на микро- и макроуровнях, способность осуществлять научно-практический анализ и выбирать оптимальные подходы к решению сложных рыночных ситуаций.
055 «Международные отношения, общественные коммуникации и региональные студии»	1. Способность использовать интеллектуальные системы для решения проблем в международных отношениях и общественных коммуникациях. 2. Знание особенностей и технологий осуществления информационно-психологического влияния с целью своевременного эффективного выявления и избежания последующей конфронтации. 3. Способность проводить математическое моделирование проблем международных отношений и общественных коммуникаций, и интерпретировать результаты. 4. Способность выполнять функциональные обязанности менеджера с коммуникаций.
056 «Международные экономические отношения»	Способность оценивать состояние и особенности развития субъектов международных экономических отношений; оценивать конфликтогенный и эволюционно-прогрессивный потенциал развития мирового хозяйства и международных экономических отношений.
071 «Учет и налогообложение»	1. Способность применять совокупность действий по созданию целостной системы бухгалтерского учета, поддержания и повышения уровня ее организованности. 2. Способность к планированию налоговых платежей и избежанию экономических убытков предприятия, связанных с выплатой штрафов.
072 «Финансы, банковское дело и страхование»	1. Способность диагностировать причины и определять факторы развития кризисных явлений. 2. Способность разрабатывать и применять антикризисные процедуры и механизмы. 3. Способность нейтрализовать или минимизировать негативные последствия проявления кризисных явлений на макро- и макроуровне.

Специальность	Специальные (профессиональные) компетенции
073 «Менеджмент»	1. Способность обосновывать управленческие решения, возможность состоятельность обеспечивать их правомочие и осуществлять свершать эффективный контроль за их выполнением. 2. Способность прорабатывать первичную внешнюю и внутреннюю информацию и формировать на ее основе стратегию развития предприятия.
074 «Публичное управление и администрирование»	1. Способность разрабатывать процедуры решения проблемных ситуаций с учетом ограничений на время выработки управленческого решения и влияния имеющихся ресурсов для осуществления аудита и оценивание управленческой деятельности. 2. Навыки анализа социальных, экологических, психологических рисков, связанных с профессиональной деятельностью.
075 «Маркетинг»	Способность к моделированию поведения организации с учетом особенностей формирования комплекса маркетинга.
076 «Предпринимательство, торговля и биржевая деятельность»	1. Понимание форм взаимодействия субъектов рыночных отношений. 2. Способность к бизнес-планированию, оцениванию конъюнктуры рынков и результатов деятельности в сфере предпринимательства, торговли и биржевой практики с учетом рисков.

Однако стоит обратить внимание, что в формировании конфликтологической| компетентности экономистов принимают участие достаточно мало специальных компетентностей| по сравнению с| сравнительно с| общими. То есть содержание профессионального образования на сегодня|сегодня| не считает необходимым уделять больше внимания дисциплинам цикла профессиональной подготовки, которые|какие| содержат основы|основание| конфликтологии или конфликтного менеджмента.

Исследуя структуру конфликтологической| компетентности с| психологической точки зрения без привязывания ее к|до| определенной профессиональной деятельности, находим, что одним из первых ученых, которая|какая| сосредоточила|сосредотачивающий| свое внимание на конфликтологической| компетентности специалиста как системном явлении, была Л.А. Петровская. Она привела достаточно необычную|непривычную| структуру конфликтологической компетентности, выделяя следующие ее составляющие: «Я-компетентность» (компетентность участников общения в собственном «Я», адекватная ориентация личности в собственном психологическом потенциале, а также в потенциале оппонента), ситуационная компетентность (компетентность по|с| владению ситуацией), знание о конфликте (собственный опыт участия в конфликтных ситуациях, который|какой| перевоплощается в социальные установки личности), субъектная позиция участника конфликта (рефлексивная| культура личности), творческий потенциал личности, уровень культуры саморегуляции личности [15, 205-212].

Русские ученые Е.М. Богданов и В.Г. Заикина связывали конфликтологическую компетентность с умением управлять конфликтами и решать их [14, 63]. По их мнению, структура конфликтологической компетентности профессионала должна включать у себя шесть составляющих: гностицизм (непосредственно знания о причинах возникновения конфликта, особенности его развития и протекания, а также поведения, общения и деятельности

оппонентов в конфликте), проектировочный (умение предусматривать действия оппонентов, их поведение в течение существования конфликта, развитие конфликта, его последствия), регулятивный (умения влиять на оппонентов в конфликтной ситуации, их отношения, оценки, мотивы и цели конфликтных отношений; осуществлять профилактику конфликта и решать его на справедливой основе), коммуникативный (умение осуществлять эффективное общение с оппонентами), рефлексивно-статусный (высокий уровень рефлексивной культуры, самопознания, адекватного реагирования на конфликтные ситуации), нормативный (знание о нормативных и моральных регуляторах поведения в конфликтной ситуации; способность следовать этическим нормам по отношению к оппонентам). Не можем согласиться с включением в состав конфликтологической компетентности коммуникативного компонента, поскольку по построенной нами иерархии, напротив, конфликтологическая компетентность наряду с прочими входит в состав коммуникативной. Кроме того, указанными учеными не уделено достаточно внимания возможности профилактики (предупреждение) конфликтов, что, по нашему мнению, также является важной составляющей конфликтологической компетентности любого профессионала, в том числе экономиста.

Еще один русский|российский| ученый М.В. Башкин разделяет конфликтологическую компетентность на три составных компонента: когнитивный (состоит из информационного и креативного элементов), мотивационный (никак не структурируется|структурирующий|) и регулятивный (представленный эмоциональным, волевым и рефлексивным| элементами) [13, 20]. Поддерживаем позицию данного ученого относительно|касательно| включения в состав когнитивного компонента творческого (креативного) элемента, поскольку как природа появления, так и ход конфликтов в профессиональной деятельности экономистов настолько разнообразны|многообразный| и зависят от сочетания самых разнообразных экономических|экономических| факторов, которое делает невозможным

решение конфликтов по стандартизированным схемам и алгоритмам.

На особенной роли конфликтологической компетентности в управлении организацией настаивала И.М. Матийкив, которая выделила следующие ее составляющие: мотивационно-ценностный (мотивация руководителя на разрешение конфликта с сохранением/сохранностью отношений), когнитивный (конфликтологическая грамотность), коммуникативный (использование/употребление технологий эффективного общения, умения организовывать конструктивный диалог), рефлексивный (самоанализ собственного поведения), эмоционально-волевой (саморегуляция) [16, 440-441]. Опять-таки, коммуникативная составляющая в данном случае только дублирует задание/задачу конфликтологической компетентности – решать конфликт с помощью/посредством эффективной коммуникации его участников. Возможно, целесообразнее было бы называть данную составляющую не коммуникативной, а конструктивной, поскольку коммуникации в процессе решения конфликта должны носить именно конструктивный характер.

Продолжая мысль/мнение относительно/частично состава конфликтологической компетентности руководителя, связанную/повязал с его личностно профессиональными качествами, отметим также ее разделение О.И. Денисовым на гностицизм, регулятивную (конструктивную), проектировочную, рефлексивно-статусную, коммуникативную и нормативную составляющие [17].

Важность формирования конфликтологической компетентности будущих специалистов еще во время учебы/обучения в высшей школе прослеживается в исследованиях В.В. Ягупова и В.И. Свищуна, которые в предложенных компонентах профессиональной компетентности специалиста (общечеловеческая, общенаучная, общепрофессиональная, функциональная, профессиональная и личностная) относили ее к социальной, моральной, общекультурной, политической, этической, информационной, коммуникативной, валеологической, экологической/экологичной [18, 5]. Однако указанные ученые также отмечали важность конфликтологической компетентности именно у специалистов, которые работают/трудятся с людьми (специалистов социологических профессий). Аналогичную мысль/мнение поддерживают также И.М. Матийкив [16], А.А. Грушева [19], О.П. Шмерко [20], Е.А. Иванченко [9], С.С. Филь [21], И.В. Козич [22], Т. Дзюба [23], Д.В. Ивченко [24], А.В. Слободянюк и Н.О. Андрущенко [25], Т. Браницка [26], Л.О. Ярослав [27].

В частности, С. С. Филь включает в состав конфликтологической компетентности специалиста социологической сферы когнитивный (содержательный, познавательный), операционный (деятельностный), поведенческий, мотивационно ценностный (смысловой), рефлексивно-регулятивный и

экспериментальный компоненты [21, 23]. Экспериментальный компонент рассматривается исследовательницей как организация приобретения опыта в сфере решения конфликтов.

Л.О. Ярослав формирует конфликтологическую компетентность специалиста в системе «человек-человек» на основе когнитивного, мотивационного, эмоционально волевого, рефлексивного и поведенческого компонентов [27, 143].

На важности формирования конфликтологической компетентности студентов как фактора их личностного развития во время будущей профессиональной деятельности в конфликтной среде отмечает Л.О. Котлова, для улучшения такой среды с целью предупреждения негативных конфликтов, готовности к оптимальному выходу из профессиональных личностных кризисов, стимулирование личностно профессионального роста [28, 166]. Она указывает на сформированность конфликтологической компетентности на основе когнитивного, социально-технологического, рефлексивно-методологического, эмоционального и этического компонентов.

По мнению Д.В. Ивченко, конфликтологическая компетентность относится в состав социальной компетентности и, в свою очередь, разделяется на перцептивную, коммуникативную, межличностную и управленческую компетенции [24]. Именно управленческую составляющую конфликтологической компетентности, о которой/какой не шла речь в ни одного из описанных выше ученых, считаем/думаем важной составляющей профессиональной компетентности экономистов, поскольку управленческие качества формируются у студентов во время изучения дисциплины «Менеджмент» и ряда родственных дисциплин («Управление проектами», «Управление трудовыми ресурсами» и др.), которые/какие в большинстве учебных планов экономистов входят в цикл профессиональной подготовки экономистов. А дисциплина «Менеджмент» даже является нормативной дисциплиной. Именно управленческие способности должны быть положены в основу/основание способности специалиста управлять конфликтами, предупреждая или решая/разрешает их, уменьшая негативное влияние на свою профессиональную среду.

Конфликтологическую компетентность И.О. Сорока рассматривает в составе лишь/только трех компонентов: когнитивного (знание теории, понимания и восприятия конфликта), эмоционального (эмоции, которые преобладают во время конфликтного взаимодействия, и умения их контролировать) и поведенческого (высокий уровень конфликтостойчивости и миролюбие, а также сотрудничество как стиль поведения в конфликте) [29, 298]. У данного автора не находим, например, мотивационного, проектировочного, рефлексивного, этического и управленческого компонентов.

Если описанные выше ученые более схожи в структуре конфликтологической компетентности и выделяют почти одинаковые ее структурные компоненты (когнитивный, рефлексивный, моти-

вационный, коммуникативный, социальный, эмоциональный, поведенческий и тому подобное), то В.П. Трубочкин достаточно необычно подходит к такой структуризации, выделяя в составе конфликтологической компетентности такие компоненты как: образовательно-дисциплинарная модель, структурно-уровневая модель, практически|практично|-технологическая модель и культурно-онтологическая модель. В то же время, указанный автор также видит конфликтологическую компетентность частью коммуникативной компетентности [114, с.333].

Анцупов А. Я. и|да| Шипилов А. И. включают в состав конфликтологической компетентности такие составляющие, как: понимание природы противоречий|противоречивости| и конфликтов между людьми; конструктивное отношение к|до| конфликтам в организации; навыки неконфликтного общения в сложных ситуациях; умение объяснять проблемные ситуации, которые возникают; навыки управления конфликтными явлениями; умение развивать конструктивные начала конфликтов, которые|какие| возникают; умение конструктивно регулировать противоречия|противоречивость| и конфликты; умение предусматривать возможные последствия конфликтов и навыка устранения негативных последствий конфликтов [12].

Несмотря на то, что многие ученые включают конфликтологическую компетентность в состав коммуникативной, есть ряд исследователей, которые не соглашались с этой мыслью|мнением|. Так, О.М. Гомонюк, Н.В. Самсонова и О.М. Тур включают конфликтологическую компетентность напрямую в состав социальной составляющей профессиональной деятельности, определяя последнюю предпосылкой в решении конфликтов [31,

211; 32; 33, 56], хотя Н.В. Самсонова и предусматривает наличие в составе конфликтологической компетентности коммуникативной составляющей; Н. Султанова – в состав технологического компонента этической компетентности [34, 169]; Г.О. Копил – в состав операционно-действенного [35, 8]; А.А. Грушевая – в состав результативного компоненту управленческой компетентности профессиональной деятельности [19, 40].

С другой стороны, коммуникативную компетентность в составе конфликтологической видят Богданов Е.Н., Зыскин В.Г. [14], И.М. Матийкив [16], Д.В. Ивченко [24], Н.В. Самсонова [32], Л.О. Ярослав [27], О.И. Денисов [17].

В то же время, В.В. Ягунов и В.И. Свистун рассматривают коммуникативную и конфликтологическую компетентности как отдельные равноценные составляющие общечеловеческой компетентности [18, 5]; Н.Б. Козлова – коммуникативность с одной стороны, и умение предупреждать и разрешать конфликты – с|с| другого – как две отдельных составляющей социально-экономического компоненту профессиональной деятельности [36].

Следовательно|итак|, ввиду|принимая в внимание| классики теории управления [10], которая|какая| демонстрирует способности предупреждать и разрешать конфликты в составе коммуникативных способностей управленца, а также поддерживая мнения ряда|вереницы| ученых, настаиваем, что конфликтологическая компетентность экономистов во время их профессиональной деятельности в системе «человек-человек» является составляющей коммуникативной компетентности, а также должна структурироваться следующим образом (табл. 3).

Таблица 3.

Структурные компоненты конфликтологической компетентности экономиста (авторский подход)

Название структурного компонента	Компетентности низшего уровня, входящие в состав структурного компонента	Характеристика компетентностей
КОГНИТИВНЫЙ	Нормативная компетентность	Знание о конфликте, его природе, процессе протекания
	Личностная компетентность	Собственный опыт в решении конфликтов, который может быть полезным в данной конфликтной ситуации на уровне социальной установки
	Креативная компетентность	Творческий потенциал личности в поиске новых и нестандартных методов решения конфликтов, более эффективных, чем те, которые заложены знаниями и имеющимся опытом, то есть сформированные за счет нормативной и личностной компетентностей.
МОТИВАЦИОННЫЙ	Эмоционально-волевая компетентность	Оценка собственных мотивов относительно урегулирования конфликтов и выработки стратегии бесконфликтного поведения.
	Конструктивная компетентность	Формирование целей построения конструктивных отношений с участниками конфликта.
УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ	Проектировочная компетентность	Возможность предусматривать потенциальные

		конфликтные ситуации, действия своих оппонентов, прогнозировать развитие конфликтной ситуации, предусматривать последствия конфликтов.
	Рефлексивная компетентность	Высокий уровень рефлексивной культуры личности, самопознания, адекватного реагирования в конфликтной ситуации.
	Регулятивная компетентность	Умение влиять на оппонентов в конфликтной ситуации.
	Ситуационная компетентность	Компетентность по владению конфликтной ситуацией, возможность держать ее под контролем, не допускать ее осложнения.
	Профилактическая компетентность	Способность осуществлять профилактику конфликтов и решать их с минимальными потерями.
СОЦИАЛЬНЫЙ	Поведенческая компетентность	Знание о моральных регуляторах поведения в конфликтной ситуации.
	Этическая компетентность	Способность следовать этическим нормам по отношению к оппонентам

Таким образом, в составе конфликтологической компетентности экономиста имеем четыре структурных компонента такой компетентности (когнитивный, мотивационный, управленческий и социальный), а также 12 компетентностей низшего уровня, которые детализируют и конкретизируют назначение конфликтологической компетентности специалистов данного профиля.

По нашему мнению, все приведенные компоненты конфликтологической компетентности экономиста должны формироваться в процессе обучения специалистов в ВУЗе, имея целью не только формирование и усвоение комплекса соответствующих знаний, умений, навыков, но и построение личности с активной позицией в конфликте, которая не будет пассивно ожидать появления, развития и протекания конфликта, а будет пытаться его предупреждать, эффективно решать с целью минимизации негативных последствий для себя и окружающих. У экономистов на этапе окончания обучения уже должен быть сформирован такой профессиональный тип мышления и поведения, который максимально делал невозможными негативные проявления конфликтных ситуаций, давал возможность их вовремя идентифицировать и по возможности предупреждать. Кроме того, поскольку профессиональная деятельность экономистов предусматривает межличностные коммуникации как одного, так и разных уровней иерархии, их конфликтологическая компетентность также должна обеспечивать реализацию функций управления конфликтами на всех этих уровнях.

Современная экономическая деятельность связана с необходимостью преодоления экономистом разного рода трудностей, которые требуют от него в мобилизации волевых и эмоциональных усилий. Эти трудности в основном связаны с одной стороны – с окружающей средой (как внутренней, так и внешней), а

с другой – с внутренним психологическим состоянием специалиста, его способностью к саморегулированию собственного поведения, к силе влияния на окружающих, к его желанию осуществлять такое влияние. При этом, чем более креативным является специалист, тем выше у него степень сформированности когнитивного компонента конфликтологической компетентности, тем легче и быстрее он оперирует своими поступками в предконфликтных, конфликтных и постконфликтных ситуациях. Конструктивная же компетентность предусматривает восприятие любого конфликта не как преграды на пути профессиональной деятельности, а как очередного творчески решаемого задания.

В экономической деятельности специалист несет персональную ответственность за результаты своего труда, которые воплощаются в конечном итоге в результаты деятельности организации (прибыль или убыток). Соответственно, конструктивное решение конфликтов выступает предпосылкой для уменьшения потерь рабочего времени в организации, минимизации расходов на неверные управленческие решения и т.п. А необходимость экономиста брать на себя ответственность за собственные действия и поступки, в том числе когда они отклоняются от традиционных методов решения конфликтов, побуждает его к формированию более конструктивной стратегии конфликтного поведения.

Таким образом, конфликтологическая компетентность будущего экономиста рассматривается нами как составляющая коммуникативной компетентности его профессиональной деятельности, которая содержит в себе существенные качественные признаки коммуникативности (межличностное взаимодействие, конструктивную природу такого взаимодействия), а также мотивации, управляемости (в том числе самоуправляемости) и социальной адаптивности.

Ссылки:

1. Бреус Е. Д. Психология конфликта. Предупреждение конфликтов: методические указания / Елена Дмитриевна Бреус. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. – 22 с.
2. Шапар В. Психологічний тлумачний словник / В. Шапар. – Х.: Прапор, 2004. – 640 с.
3. Зеркин Д. П. Основы конфликтологии: курс лекций / Д. П. Зеркин. – Ростов-н-Дону: Феникс, 1998. – 480 с.
4. Веремчук А. М. Конфлікти у спілкування та шляхи їх розв'язання / А. М. Веремчук // Збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка Національної АПН України. Проблеми загальної та педагогічної психології. – 2012. – Т. 24, ч. 6. – С. 67-74.
5. Новікова Н. Управління конфліктами в організації: підходи до вирішення та профілактики / Н. Новікова // Галицький економічний вісник. — 2013. — №2(41). — С. 79-83.
6. Криворучко О. Аналіз конфлікту в колективі / О. Криворучко // Персонал. – 2003. – № 4 – 5. – С. 101-103.
7. Гудзинський О. Д. Менеджмент підприємницької діяльності : навч. посібник / О. Д. Гудзинський, С. М. Судомир, Т. О. Гуренко ; заг. ред. О. Д. Гудзинського. – К. : ІПК ДСЗУ, 2010. – 322 с.
8. Кириї С. Л. Організаційний конфлікт у публічному управлінні як індикатор необхідності змін / С. Л. Кириї // Державне будівництво. [Електронне наукове фахове видання] – 2014. - №2. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2014-2/doc/1/02.pdf>
9. Іванченко Є. А. Динаміка результатів діагностики рівнів сформованості готовності майбутнього економіста до запобігання і розв'язання конфліктів у професійній діяльності під час функціонування системи інтегративної професійної підготовки майбутніх економістів / Є. А. Іванченко // Педагогічний альманах. – 2014. – Випуск 23. – С. 111-117.
10. Мескон М. Основы менеджмента: пер. с англ. / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Вильямс, 2009. – 692 с.
11. Олексієнко С. Б. Конструктивна та деструктивна функція міжособистісних конфліктів / С. Б. Олексієнко, А. В. Андрієгі // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія: Військово-спеціальні науки. – К. : КНУ ім. Тараса Шевченка, 2012. – Вип. 24/25. - С. 120-123.
12. Анцупов А. Я. Конфликтология : учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 591 с.
13. Башкін М. В. Конфликтная компетентность : метод. указания / М. В. Башкин ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2014. – 72 с.
14. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психология личности в конфликте: [уч. пособие] / Е.Н.Богданов, В.Г.Зазыкина. – СПб: Питер, 2004. – 224 с.
15. Петровская Л. А. Общение – компетентность – тренинг: избранные труды / Л. А. Петровская. – М. : Смысл, 2007. — 288 с.
16. Матійків І. М. Роль конфліктологічної компетентності керівника у створенні безпечних психологічних умов праці у педагогічному колективі / І. М. Матійків // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія психологічна : зб. наук. пр. – Вип. 2(1). – Львів : ЛьвДУВС, 2012. – С. 434-443.
17. Денисов О. И. Развитие конфликтологической компетентности руководителя : Дис. ...канд. психол. наук: 19.00.13 / Рос. акад. гос. службы. – М., 2000. – 167с.
18. Ягупов В. В. Компетентнісний підхід до підготовки фахівців у системі вищої освіти / В. В. Ягупов, В. І. Свистун // Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». Педагогічні, психологічні науки та соціальна робота. – К. : КМ Академія, 2007. – Т. 71. – С. 3-8.
19. Грушева А. А. Формування управлінської компетентності майбутніх економістів у процесі професійної підготовки: теорія і практика: Монографія. [Текст] / А. А. Грушева. – Ірпінь: Національний університет Державної податкової служби, 2015. – 202 с.
20. Шмерко О. П. Модель формування професійної компетентності студентів коледжів торгівельно-економічного профілю / О. П. Шмерко // Вісник Національної академії Державної прикордонної служби України. [Електронне наукове фахове видання] – Серія : Психологія. - 2015. - Вип. 1. - Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vnadpn_2015_1_15
21. Філь С.С. Визначення, зміст та структура конфліктологічної компетентності студентів – майбутніх фахівців соціономічних професій / С.С. Філь // Наукові записки НаУКМА. – Том 123. – С.20-24.
22. Козич І. В. Формування конфліктологічної компетентності соціального педагога в умовах магістратури : дис. на здобуття ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.05 / Козич Ірина Володимирівна. – Запоріжжя, 2008. – 254 с.
23. Дзюба Т. Конфліктологічна компетентність директора школи / Т. Дзюба // Шлях освіти. – 2004. – № 1. – С. 29–34.
24. Ивченко Д. В. Формирование конфликтологической компетентности специалиста таможенной службы: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Ивченко Дмитрий Владимирович. – Калининград, 2000. – 167 с.
25. Слободянюк А. В. Психологія управління та конфліктологія : навчальний посібник для практичних та семінарських занять / А. В. Слободянюк, Н. О. Андрущенко. – Вінниця: ВНТУ. – 2010. – 120 с.
26. Браніцька Т. Конфліктологічна компетентність як складова конфліктологічної культури майбутнього фахівця соціономічної сфери / Т. Браніцька // Педагогіка ф психологія професійної освіти. – 2014. - №1. – С. 135-144.
27. Ярослав Л. О. Психологічний аналіз струк-

тури конфліктологічної компетентності майбутнього вчителя / Л. О. Ярослав // Вісник НГУУ «КПШ». Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2010. Вип. 1. – С. 140-144.

28. Котлова Л. О. Формування конфліктологічної компетентності студентів як чинника їх особистісного розвитку / Л. О. Котлова // Наука і освіта. – 2014. - №5. – С. 162-168.

29. Сорока И. А. Сравнение степени сформированности конфликтологической компетентности преподавателей высших учебных заведений Украины и Венгрии / И. А. Сорока // Вісник ОНУ ім. І. І. Мечникова : Психологія. – 2014. – Т.19. Вип. 1(31). – С. 297-302.

30. Трубочкин В. П. Концептуальные смыслы конфликтной компетентности / В. П. Трубочкин // Актуальные проблемы совершенствования работы с кадрами правоохранительных органов: Матер. межведомств. науч.-практ. конф. – Москва, 8 июня 2004 г. / Акад. упр. МВД России. – М., 2004. – С. 331-335.

31. Гомонюк О. М. Структура професійно-педагогічної культури майбутнього соціального педагога з позицій компетентнісного підходу / О. М. Гомонюк // Зб. наук. пр. – Вип. 26 / Редколег. : І. А. Зязюн (голова) та ін. – Вінниця : ТОВ фірма “Планер”, 2010 – С. 208-214.

32. Самсонова Н. В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования : монография / Н. В. Самсонова. – Калининград : Изд-во Калининградского государственного университета, 2002. – 329 с.

33. Тур О. Н. Професійно-комунікативна компетентність майбутнього документознавця: зміст і структура / О. Н. Тур // Наукові записки ТНПУ ім. В. Гнатюка. Серія : Педагогіка. – 2014. - №2. – С. 53-57.

34. Султанова Н. Конфліктологічна культура як важливий чинник етичної компетентності майбутнього соціального педагога / Н. Султанова // Молодь і ринок. – 2012. - №5. – С. 167-171.

35. Копил Г. О. Формування професійної компетентності майбутніх фахівців з міжнародної економіки у процесі вивчення іноземних мов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Г. О. Копил. – Житомир, 2007. – 20 с.

36. Козлова Н. Б. Развитие профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка в процессе иноязычной подготовки в вузе : дис. ... канд. пед. наук / Н. Б. Козлова; Магнитогорский государственный университет. – Магнитогорск : МаГУ, 2003. – 148 с.

Juraev A.Kh.

Abdullaev M.K.

Senior teachers of the

Uzbek State University of World Languages

Абдуназар Хатамназарович Жураев,

Маркс Камилджанович Абдуллаев,

старише преподавателя Узбекского Государственного

Университета Мировых Языков

TEACHING LANGUAGES BY MODERN METHODS IN UZBEKISTAN ПРЕПОДАВАТЬ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ ПО-СОВРЕМЕННОМУ В УЗБЕКИСТАНЕ

Summary: Theoretical and practical aspects, as well as the role of interactive teaching methods of students studied in this article.

Key words: teaching, educational process, foreign languages, new teaching methods, information technologies and role-plays.

Аннотация: Исследованы теоритические и практические аспекты а также роль интерактивного обучения иностранным языкам студентов.

Ключевые слова: преподавание, учебный процесс, иностранные языки, новые методы, информационные технологии и игра

Поиск эффективных методик обучения иностранным языкам беспокоит с давних времен и ученых, и преподавателей. Общественный запрос в настоящем и курс Узбекистана на языковую евро интеграцию обуславливают появление новых задач, среди которых выделяются следующие:

➤ знание иностранного языка (преимущественно английского) - необходимое условие для вхождения образования Узбекистана в единое европейское и мировое образовательное и научное пространство;

➤ мобильность граждан (студентов, специалистов и т.д.) на международном интеллектуальном рынке и построение Европейского пространства

высшего образования возможны только при условии свободного владения международным языком общения, которым фактически стал английский язык.

Этой проблемой озабочены и мы, преподаватели, в ведущем вузе Узбекистана УзГУМЯ. Для нас преподавание - это динамический процесс, а лучше сказать - жизнь, состоящее из поисков, творчества и самосовершенствования. Жизнь, полная радости от достижений, совершенствование и конкретных результатов, а иногда и проблем, конфликтов, недоразумений. В условиях перестройки учебного процесса в свете современных требований на

кафедре интенсивного обучения второму иностранному языку все время кипит работа: новые идеи, интересные встречи с ведущими лингвистами, методистами и учеными, иностранными специалистами и вообще талантливыми педагогами. Особое внимание уделяется интенсивным методикам обучения, все время ведется разъяснительная работа среди студентов по повышению мотивации изучения английского языка. По предложению М.Абдуллаева на кафедре организовано "Ассоциацию преподавателей по созданию модулей по английскому языку" - это авангард, который исследует современное состояние, проблемы и перспективы языковой подготовки, разрабатывает и внедряет новейшие методики обучения. Среди задач организованной А.Жураевым есть и помощь молодым преподавателям в преодолении трудностей "первого занятия", снятии барьера скованности, что нередко возникает и у молодых преподавателей, и у студентов с низким уровнем подготовки по английскому языку. В планировании и организации семинаров-практикумов помогают опытные преподаватели.

Сначала неохотно говорили о своих проблемах, а когда выяснилось, что они у нас общие, - начали искать пути их решения. Со временем пришли и другие преподаватели, которые с удовольствием делились своими методическими "секретами" и достижениями. Проблем у преподавателей английского языка немало. Одна из них - активное присоединение к Болонскому процессу, который отличается высоким динамизмом и масштабом и требует радикальных изменений относительно подходов преподавания английского языка, активизации новейших технологий обучения. То есть, надо успевать за временем. И существует своя собственная специфика преподавания английского языка в УзГУМЯ. Это обучение профессионального английского, и небольшое количество часов, и разноуровневые студенты в одной группе и др. Но, несмотря на все эти проблемы, задачи преподавателей - научить студентов иноязычной профессиональному общению - реализуется достаточно успешно.

На кафедре ведется активная работа по внедрению мультимедийных технологий обучения иностранным языкам. Уверены, что новые информационные технологии станут неотъемлемой, эффективной и результативной частью обучения иностранным языкам. Ежегодно преподавателями кафедры организуются студенческие научно-практические конференции, на которых студенты различных курсов всех факультетов институтов представляют свои исследования по специальности на английском языке. Это направление работы введено методическим советом.

На заседаниях Ассоциации созданы экспериментальные группы, проводится испытание различных видов модульных работ, подбираются задачи, строятся модели обучения, проводятся дискуссии. Появляются результаты: внедрение новых приемов и методов обучения. Преподаватели на заседаниях Ассоциации делятся мнениями относительно пре-

имуществ и недостатков нововведений в преподавании английского языка, разрабатывают предложения по совершенствованию методов обучения.

Иновационные технологии на уроках английского языка.

Развитие системы образования требует от педагогической науки и практики изучения и внедрения новых методов обучения и воспитания. Иновации в педагогике связаны с общими процессами в обществе, глобальными проблемами, интеграцией (лат. Integratio - восстановление, объединение в целое отдельных элементов) знаний и форм социального бытия. Сейчас создается новая педагогика, характерным признаком которой является иновационность - способность к обновлению, открытость новому.

На сегодняшний день, основной задачей современной школы является развитие гармонично целостной личности, где в центре внимания - студент с его одаренностью, способностями, возможностями, а также создание иновационного пространства.

Известно, что иновационный процесс - это комплексная деятельность по созданию, освоению, использованию и распространению новшеств. Для того, чтобы вызвать интерес у учащихся к изучению иностранного языка, мы, преподавателя английского и других языков, должны искать новые, интересные и результативные формы и методы обучения. Во время обучения нужно использовать такие методы, при которых:

- у учащихся возникает желание к творческой, результативной работе;
- студенты становятся активными, раскованными, пытаются добиться успеха, при этом не нарушают поведение в аудитории.

Известно, что одним из основных методических иноваций является интерактивные методы обучения. Слово "интерактив" пришло к нам из английского языка "interact". "Inter" - это "взаимный", "act" - действовать. Интерактивное обучение - это обучение основано на диалогической речи, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студента, при этом они - равноправные, равнозначные субъекты обучения и не ощущается доминирование одного участника учебного процесса над другим, одной мысли над другой. В таких условиях, студенты быстрее приучаются быть демократическими, смело общаться с другими людьми, критически мыслить, принимать обоснованные самостоятельные решения.

Цель интерактивного обучения - создание комфортных условий обучения, при которых студент чувствует свою успешность, свою интеллектуальную совершенность. Нужно помнить, что суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс должен быть постоянно наполнен активным взаимодействием всех студентов. Это основано на сотрудничестве, взаимно - обучении: преподаватель - студент, студент - студент.

По нашему мнению, цель современной школы состоит в том, чтобы воспитывать студента, который умеет самостоятельно и творчески работать и жить.

На помощь преподавателю могут прийти уроки-фентези, уроки-путешествия, уроки-диалоги, уроки-деловые игры и использоваться элементы игры в ходе урока, дифференциальное обучения, интегрированные задания, уроки-проекты, уроки с компьютером "Компьютерная поддержка".

На своих уроках мы используем работу в парах, групповую работу. На 4 курсе А.Жураев провел урок-фентези, на котором к студентам пришел Автобот с задачей изучения автотерминов. Студенты были довольны, заинтересованы и принимали активное участие в ходе урока. На третьем курсе М.Абдуллаев провел урок-путешествие в Мадрид с компьютером "С компьютерной поддержкой, на этом же уроке была использована ролевая игра (студенты были пассажирами самолета, был пилот самолета и стюардесса, а в Мадриде был экскурсовод). При изучении темы «Профессии» используем ролевые игры (студенты выбирают себе профессию и рассказывают о себе). Им очень нравится представить себя состоятельными и немного помечтать о будущем.

На своих уроках нам удается заинтересовать студентов посредством использования компьютера. Проведение уроков с использованием компьютерных технологий убеждает в том, что он имеет чрезвычайно широкие возможности для совершенствования учебного процесса. Студент "мысленно" выполняет ряд мыслительных операций с образами отраженного наглядного материала. К тому же использование компьютеров на начальном этапе - чрезвычайно интересно. Мы стараемся это заинтересованность не потерять, сделать уроки более содержательными, чтобы студенты ждали их с нетерпением.

Студентам интересно и легко работать во время таких уроков все студенты принимают участие, не стесняются ошибиться, наоборот мы замечаем большую активность в общении на английском во время урока.

Очень удачно использовать на уроках игровые формы обучения, особенно на начальном этапе. Студенты с удовольствием принимают участие, потому что игра это мир, в котором живет воображение. Играя, они не замечают, как усвоили новый материал. С помощью игр студенты учатся строить и конструировать, причем каждый студент имеет возможность обучаться в своем стиле. Игра стимулирует процесс познания и обучения. А также приучает их к добросовестному труду. Итак, мы сделали вывод, что игра - это труд. В процессе игры у детей вырабатываются навыки сосредоточения, самостоятельного мышления, развивается внимание, дисциплина. Введение в урок игр или игровых моментов делает обучение более интересным, создает у студентов бодрое настроение, облегчает преодоление трудностей в усвоении учебного материала. При изучении темы «Знакомство» мы используем

игру «Микрофон». (Каждый студент берет микрофон и говорит о себе). При закреплении лексического материала часто используем "мяч (преподаватель бросает мяч студенту и говорит слово, студент возвращает его и переводит слово.). Или игра «Услышь лишнее слово». Такую же игру можно проводить при изучении звуков.

На современном этапе развития педагогической отрасли приобретает популярность метод проектов. Метод проектов - это педагогическая технология, которая содержит совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по своей сути. Это общая, учебно-познавательная, творческая или игровая деятельность учащихся, имеющая цель, согласованные методы, средства деятельности, направленная на достижение результата с решения "Обязательства определенной проблемы. Проекты бывают: исследовательские, творческие, игровые, информационные. На своих занятиях мы используем творческие и игровые проекты: «Одень человека» - студенты переодевают человека и определяют одежду, «генеалогическое дерево», «Открытки», «Моя семья», «Мой любимец». В старших курсах мы используем: исследовательские, творческие, информационные проекты. Например, студент 4 курса делали журнал мод, рекламу своего собственного интернет-кафе, рекламу своего сайта. Эти работы были как в печатном виде, так и в виде презентаций. Мы заметили, что студенты активно выполняют домашнее задание, когда оно имеет творческий характер и интересом слушают защита проектов своих одногруппников. Такие задачи позволяют слабым студентам улучшить свои баллы. С уверенностью, я могу утверждать, что как с первых уроков преподаватель заинтересует учащихся к изучению английского языка и будет способствовать всестороннему развитию, такой и будет его конечный результат. И если он не вызовет интерес у студента с первых дней, то этот студент, навсегда останется глухим, равнодушным к изучению иностранного языка; будет жить без радости познания и открытия чего-то нового и неизвестного на уроках иностранного языка.

Из своего опыта, мы можем твердо утверждать, что процесс обучения - это не автоматическое вложения учебного материала в голову студента. Он требует напряженной умственной работы студента и его собственной активного участия в этом процессе.

Преподаватель преуспеет только тогда на своих уроках, когда поймет, что студентам нравится все новое и интересное. Мы, преподаватели, должны помнить, что одна и та же модель проведения уроков, не дает возможности учащимся раскрыть себя полностью и останавливает развитие творческого потенциала обучения.

Литература:

1. Традиции и инновации отечественной школы: проектирование образовательного процесса в условиях перехода на ФГОС нового поколения / Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина / Материалы Региональной научно-

практической конференции 29 марта 2011 года, Елец – 2011, с.361

2. Kasper L. F. New Technologies, New Literacies: Focus Discipline Research And ESL Learning Communities / Loretta F. Kasper // Language Learning & Technology. - 2000. - Vol.4, № 2. - P.105 - 128.

3. Kramsch C. Teaching Text And Context Through Multimedia / Kramsch Claire, Andersen

Rodger W. // Language Learning & Technology. - 2000. - Vol.2, №2. - P.31 - 42.

Электронные ресурсы:

<http://xasler.ru/archive.php>;

<https://ru.wikipedia.org/wiki>;

[\[fsin.ru/service/omumr/material_int_form.html\]\(fsin.ru/service/omumr/material_int_form.html\);](http://apu-</p>
</div>
<div data-bbox=)

<http://technomag.edu.ru/doc/172651.html>.

Кускова Ирина Валерьевна

МБОУ «ЛИЦЕЙ №3»

учитель английского языка

Россия, 414016, Астраханская область, г.Астрахань,

ул. Волоколамская 9, кв. 124

Тел.: (8512)58-54-56, e-mail: kuskov.nik@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Аннотация.

Часто, у нас, учителей иностранного языка, возникает вопрос: как добиться того, чтобы наши учащиеся стали практическими пользователями языка? В соответствии с концепцией модернизации российского образования вопросы коммуникативного обучения английскому языку приобретают особое значение, т.к. коммуникативная компетенция ориентирована на:

- достижение практического результата в овладении английским языком,
- на образование, воспитание и развитие личности учащегося.

Стандарт основного общего образования по английскому языку ставит задачи на достижение качественно новых целей в изучении английского языка, а именно развитие иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности речевой, языковой, социокультурной, учебно-познавательной.

Речевая компетенция – развитие коммуникативных умений в 4-х видах речевой деятельности (говорении, аудировании, чтении, письме).

Языковая компетенция – овладение языковыми средствами (фонетическими, орфографическими, лексическими, грамматическими).

Социокультурная компетенция – приобщение учащихся к культуре, традициям страны изучаемого языка.

Учебно-познавательная – ознакомление с доступными учащимся способами и приемами самостоятельного изучения языков и культур с использованием новых информационных технологий.

Изучение истории, традиций, культуры страны изучаемого языка является сутью социокультурной компетенции и становится важным элементом обучения.

Абсолютно некомпетентных форм и методов учебной работы не существует. Однако, некоторые формы сами по себе не работают на развитие ключевых компетенций:

- монолог учителя,
- фронтально-индивидуальный опрос,
- информирующие беседы,
- самостоятельные работы по учебнику,
- демонстрация фильма,
- традиционная контрольная работа.

Компетентностными методами и формами являются такие, которые имеют не только учебное, но и жизненное обоснование. Например,

А) метод проектов (в 4 классе есть задание: составь план отдыха для туристов в нашем городе, учащиеся работают в группах, составляют

брошюру «Отдохни с пользой в нашем городе», сопровождая свою работу фото и иллюстрациями),

Б) игровая технология,

Например, communication games (коммуникативные игры).

1. Picture gap (у обучаемых имеются почти одинаковые картинки, некоторые изображения отличаются, и различия нужно обнаружить при помощи вопросов, не видя картинки партнёра),

2. Ext gap (у учащихся имеются аналогичные тексты или фрагменты одного и того же текста одного ученика, отсутствуют в тексте другого ученика, и недостаток информации нужно восполнить),

3. Knowledge gap (у одного ученика имеется информация, которой нет у другого, и её нужно восполнить),

4. Belief gap (у обучаемых имеются разные убеждения, а нужно выработать единое мнение)

Методы обучения, результатом применения которых всегда является создаваемая учениками образовательная продукция: идея, гипотеза, текстовое произведение, картина, поделка, план своих занятий и т.п. называются эвристическими. Вот некоторые из них.

1. Метод эмпатии (вживания) означает «вселения» учеников в изучаемые объекты окружающего мира, попытка почувствовать и познать его изнутри. Рождающиеся при этом мысли, чувства, ощущения и есть образовательный продукт ученика, который может затем быть им выражен в устной, письменной форме.

Например, учитель: Imagine yourself that you are “Tornado”. How can you describe yourself? Name your adjectives, verbs, your favourite season, places you occur, your weather.

Ученик: I am Tornado, I am the most terrible of all storms. I am dangerous, violent, strong, cruel, noisy and destructive. I destroy houses, carry away cars and telephone boxes. И т.д.

2. Метод «мозговой штурм».

Путём мозговой атаки учащиеся называют всё, что они знают и думают по озвученной теме, проблеме. Все идеи принимаются, независимо от того, правильны они или нет. Роль учителя – роль проводника, заставляя учащихся размышлять, при этом внимательно выслушивая их воображения. Например,

What comes to mind when you hear the expression : what is a calendar?

3. Метод: «Знаем/ хотим узнать/ узнали».

Этот приём применим для чтения или прослушивания лекции. Учащимся предлагается начертить таблицу из трёх колонок: Знаем/ хотим узнать/ узнали. Такая же таблица и на доске.

- В колонку «знаем» заносятся главнейшие сведения по заявленной теме

- В колонку «хотим знать» заносятся спорные идеи и вопросы и всё, что учащиеся хотят узнать по данной теме

- В колонку «узнали» учащиеся записывают всё, что они почерпнули из текста, располагая ответы параллельно соответствующим вопросам из второй колонки, а прочую новую информацию надо расположить ниже. Затем идёт обмен соображениями со всей группой. Итоги заносятся в колонку.

Например, таблица, созданная учащимися при работе с текстом «Air pollution».

WE KNOW WE WANT TO KNOW NOW I KNOW HOW TO

Factories, cars, What else causes air We cause air pollution using

УДК

cause air pollution pollution? Cleaning products, dust,

paint, insect sprays,
cigarette smoke, steam
from cooking

Учёными разработаны требования к отбору материалов для формирования компетенций в обучении английскому языку.

- Аутентичность используемых материалов
- Информационная насыщенность
- Новизна информации
- Современность и актуальность
- Учёт интересов учащихся, увлечения, предпочтения
- Соответствие речевых высказываний литературной норме изучаемого английского языка
- Страноведческая и лингвострановедческая значимость материалов
- Отбор и использование учебных материалов в соответствии с уровнями владения иностранным языком обучающихся
- Организация отобранных материалов в соответствии с принципами тематичности и нарастания сложности

Таким образом, часто используя совокупность всех ключевых компетенций, мы добьёмся, чтобы наши обучающиеся стали практическими пользователями английского языка.

Литература.

1. И.А.Зимняя «Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании»./Авторская версия/ М.:2004.,

2. В.В.Сафонова «Коммуникативные компетенции: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях». М.: НИЦ «Еврошкола», 2004.

Lapina O. A.

*Irkutsk State University, Pedagogical Institute, Professor, Doctor of Education
6, Nizhnaya Naberezhnaya st., Irkutsk, 664011; e-mail: olimpiada2005@mail.ru*

Shaposhnikova A. I.

*Irkutsk State University, Pedagogical Institute, undergraduate second-year, "Higher Education"
6, Nizhnaya Naberezhnaya st., Irkutsk, 664011;
e-mail: shaposhnikova.alina@list.ru*

O. A. Лапина

*Педагогический институт ИГУ, профессор, доктор педагогических наук
664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д.6;
эл. адрес: olimpiada2005@mail.ru*

А. И. Шапошникова

*Педагогический институт ИГУ, магистрант 2 курса, «Высшее образование» 664011, г. Иркутск,
ул. Нижняя Набережная, д.6;
эл. адрес: shaposhnikova.alina@list.ru*

ADDRESSING THE ACTIVATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ АКТИВИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Summary: The article deals with the revitalization of the educational space in order to solve the problems of informative activity of the student.

Keywords: educational space, educational student problems, educational cooperation.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы активизации образовательного пространства с целью решения проблем познавательной деятельности студента.

Ключевые слова: образовательное пространство, учебные проблемы студента, учебное взаимодействие.

Социально-экономические реформы в современном мире определяют изменения в системе образования, ориентируя на качественную подготовку специалистов, знающих круг своих компетенций и умеющих качественно выполнять профессиональные функции. Но складывающаяся в системе образования обстановка, несмотря на фундаментальность обучения, говорит о проблемах высшего образования, о снижении культурного уровня обучающихся, о духовно-нравственном обнищании личности, об утере потребности в межличностном взаимодействии, о практической неготовности соответствовать полученной квалификации.

В соответствии с требованиями ФГОС нового поколения развитие общекультурного уровня будущего специалиста является неотъемлемой частью образовательной подготовки. В этой связи приходит понимание, что требуется усиление внимания к подготовке будущего специалиста, развитию грамотной, компетентной, творчески активной личности, способной к самореализации в культурном пространстве современного общества.

Решение этих задач напрямую связано с актуализацией ценностей профессиональной культуры, профессионального взаимодействия, компетентного подхода, с особым вниманием к изучению особенностей научного и социального интеллекта будущего педагога, культуры его мышления, культуры речи, развитием профессиональной этики, умения определять свои горизонты и быть мобильным в реализации своих возможностей.

В связи с этим, можно отметить, что идет поиск инновационных подходов к педагогическому

образованию (В.А. Адольф, К. Ангеловски, А.А. Вербицкий, Н.Ф. Ильина, М.В. Кларин, А.П. Панфилова и др.); факторов, способствующих педагогическому творчеству и творческому применению педагогического опыта (И.В. Борисов, С.Г. Воронцов и др.); разрабатываются модели в контексте современного представления о профессиональном развитии специалиста (Г.А. Бордовский, Г.В. Букалова, С. Г. Вершловский, И.А. Зимняя, О.А. Лапина и др.); внедрения инновационных процессов взаимодействия в образовании (В. И. Журавлев, Е.В. Коротаева, Е.Л. Федотова, С.А.Харченко, Н. Р. Юсуфбекова и др.). Нельзя не учитывать и работы, где рассматриваются эволюционные процессы цивилизации, гуманитаризации сознания, развития культуры мышления (А.Г. Асмолов, Н.В. Маслова, Л.Н. Ясницкий и др.).

Однако, проблема развития общекультурных компетенций будущего учителя в процессе освоения педагогических инноваций широко не выступала предметом специальных исследований.

Цель нашего эмпирического исследования состоит в изучении особенностей развития у студентов – будущих организаторов педагогического процесса и социальных работников – способности к активному взаимодействию в процессе обучения и понимания значения взаимной дополнительной, взаимной ответственности.

Мы предположили, что активизация взаимодействия позволит сформировать не только интерес к изучаемому материалу, но и убедит, что есть индивидуальные различия во взглядах, иное мышление, личностно значимая аргументация. У каждого есть набор истин, которыми он живет, принципов,

которым он следует, возможностей, с которыми человек смирился, убеждений, которые он не хочет менять.

Определив предметом своего внимания интерактивные технологии как

средства развития общекультурных компетенций у студентов, мы понимали, что исследование затронет не только приемы оптимизации образовательного процесса в вузе, его эффективность, но и процесс конструирования модели отношения к формам и методам организации. Кроме того, интерактивные технологии обучения будут влиять на расширения поля культурных знаний, речемыслительных умений, творческой активности во взаимодействии, если соблюдается принцип комплексности дидактических, психологических и методических процедур.

«Человек и культура – самые сложные феномены для адекватного определения, поэтому любое однозначное определение обречено на ограниченность» – пишет Л.П.Буева [3, с. 11-17].

Следует согласиться с автором в том, что человек поликультурен, «он открыт не только наличным формам культуры своего общества, но и прошлому – разнообразию истории, сменяющим друг друга типам знаково-символических систем во всем их своеобразии...», что «культура – это также «техника» и технология, аккумулирующая наиболее эффективные способы духовной и практической деятельности, формы коммуникации как общества, так и личностей, его составляющих... она – необходимое условие его становления, движущая сила, стимул и духовно-практическое основание социального развития» (там же, с.12).

Как следует из заключений авторов культурологических исследований (Н.А. Бердяев, Л.П. Буева, Е.В. Бондаревская, И.А. Колесникова и др.), проблемное поле образования человека культуры еще не сложилось. Требуется особых исследований процесс формирования устойчивой духовной структуры личности, широкой грамотности, культуры взаимодействия и преодоления пассивности при исполнении различных социальных ролей и в профессиональной самореализации.

Одной из причин мы считаем сложившуюся на протяжении долгого времени практику обучения как односторонней коммуникации: от учителя – к ученику, из учебника – к ученику, информационные системы – студенту. В этом случае главное в том, чтобы принять и воспроизвести, пересказать, запомнить, но в меньшей степени – понять и принять.

А любое знание будет только тогда осознано, когда оно стало убеждением, значимой ценностью, принято обучающимся как основа к действию.

Необходимо другое пространство общения, такая убеждающая сила, которая характеризовалась бы взаимопониманием между людьми.

Должна быть построена «новая творчески-инновационная среда» [5, с.23-30], где сочетается готовность преподавателя к инновационной деятельности и интерактивному использованию информационных средств и инструментов (язык,

массмедийные средства), взаимодействовать и организовывать взаимодействие и самостоятельность студента, готовность действовать автономно.

Известно, что автономность в познавательной деятельности предусматривает определенный опыт принятия личных решений, рефлексии, рациональность способов выбора и обработки информации, соблюдение норм деловой культуры и культуры презентации результатов. Тут возникает еще одна проблема, которая нуждается в осмыслении, – это работа с информацией.

Как правило, преподаватель при отборе информации учитывает ее значимость, концептуальность, исходя из междисциплинарного и межкультурного видения задач дисциплины, новизну, проблемность.

Новая модель коммуникации предполагает не просто допуск высказываний обучающихся, что само по себе является важным, а привнесение в образовательный процесс их знаний.

Тут следует учитывать, что (за небольшим исключением) информация, представленная студентами, чаще всего, общедоступна, поверхностна, не отличается новизной и не требует особого внимания. Значит, нужна особая культура организации заданий, побуждающих осмысливать факты, искать существенное и ценностно значимое. А в оценке полноты информации и усвоения содержания предмета важно ориентироваться на уровень профессионального менталитета (умственных навыков и духовных смыслов), установок, индивидуально раскрывающихся в исследовательских компетенциях и способности к абстрактному мышлению, к самостоятельному освоению новых сфер профессиональной деятельности, к креативному решению познавательных и исследовательских задач. При этом важно, чтобы студент усвоил, что самостоятельная работа может быть интересной, если она – деятельность по сути исследовательская, если в основе – творческий поиск нового взгляда на объект внимания, оптимальных решений разнообразных педагогических задач и требует своей логики доказательств.

А новизна всегда привлекает внимание, вызывает интерес не только содержание, но и информатор.

Многосторонняя форма коммуникации не только позволяет отказаться от монополии на истину, но и является необходимым (но не достаточным) условием для конструирования обучающимся своего знания. Действительно, каждый участник коммуникации потенциально имеет возможность, встречаясь, сталкиваясь с позицией других участников, продвигаться в процессе конструирования знания (совместным по форме и индивидуальным по сути).

Здесь каждый строит свое знание, на которое у него есть запрос сегодня и которое может развиваться по мере возникающей необходимости – завтра или через несколько лет после окончания вуза.

Для реализации актуальных требований сегодняшнего образования должны быть разработаны новые формы обучения, которые позволят не

только сформулировать умение сомневаться, но и получить опыт освоения спорности мнения.

В качестве апробации темы было проведено шесть занятий (всего 12 часов) со студентами-бакалаврами и две экскурсии (всего 2 часа). Практика проводилась в ПИ ИГУ, для эксперимента была взята дисциплина «Культурно-просветительская деятельность педагога». На занятиях использовались различные интерактивные подходы, такие как творческие задания; работа в малых группах; дискуссия; обучающие игры; изучение и закрепление нового материала на интерактивной лекции (лекция-беседа, лекция – дискуссия); использование общественных ресурсов, социальные проекты и другие внеаудиторные методы обучения, например, просмотр и обсуждение видеofilмов, экскурсии, приглашение специалиста, выставки.

Учитывались и особенности восприятия студентами новой информации. На занятиях использовались технологии, которые могли бы вовлечь в процесс представителей разных типов восприятия (презентация и видео для визуалов, аудиозаписи для аудиалов, работа с карточками, буклетами и прочим наглядным материалом для кинестетиков).

Тема «Музеи Иркутска» предполагала обобщение представлений о музеях города Иркутска, расширение знаний в этой области, привлечение внимания к музейной области, как социально значимой для сохранения ценности культурного наследия и культурно-просветительской деятельности. С помощью аудиозаписи фортепианной пьесы М. П. Мусоргского «Картинки с выставки», придуманную композитором во время прогулки по музею, проведена презентация «Музеи Иркутска», оформлены ментальные карты и коллажи из готовых картинок и обоснована ценность данной информации. Интерактивная экскурсия по музею Декабристов, вызвала интерес к культурно-просветительской деятельности декабристов в Сибири и Иркутской области.

Рассказы о современных мероприятиях и акциях в музее, таких как «Ночь в музее», «Кино в музее», «Театральная студия в музее», «Исторические танцы в музее», «Интерактивная экскурсия по музею» расширили представление о просветительской роли музеев.

Активные технологии в развитии интереса к изобразительному искусству строились на презентации «Направления в изобразительном искусстве», использовании видео «Взгляни на лицо», игра «Отгадай направление» с показом картин и широким обсуждением.

Занятие «Супрематизм. Черный квадрат К. Малевича». Цель занятия: ознакомить студентов с абстрактным искусством с помощью таких интерактивных технологий, как «игра» и «дискуссия», просмотр видео «Зарождение современного искусства». Обсуждение. Презентация «Супрематизм К. Малевича». Обучающая игра с фигурами. Дискуссия на тему «Черный квадрат К. Малевича – искусство или шарлатанство?».

Экскурсии как одна из форм проведения занятий чаще всего требуют вынесения их за пределы расписания. Так была организована экскурсия в музыкальный театр им. Н. М. Загурского.

Цель экскурсии: расширить знания в области театрального искусства.

В ходе экскурсии студенты ознакомились с историей театра, внутренней обстановкой (пространство вокруг сцены и рабочие цеха). Экскурсия была поделена на две части. Первую часть проводил сотрудник театрального музея, вторая часть проводилась педагогом. В рамках экскурсии студенты также посетили выставку фотографий М. Свиной «Иркутский балет».

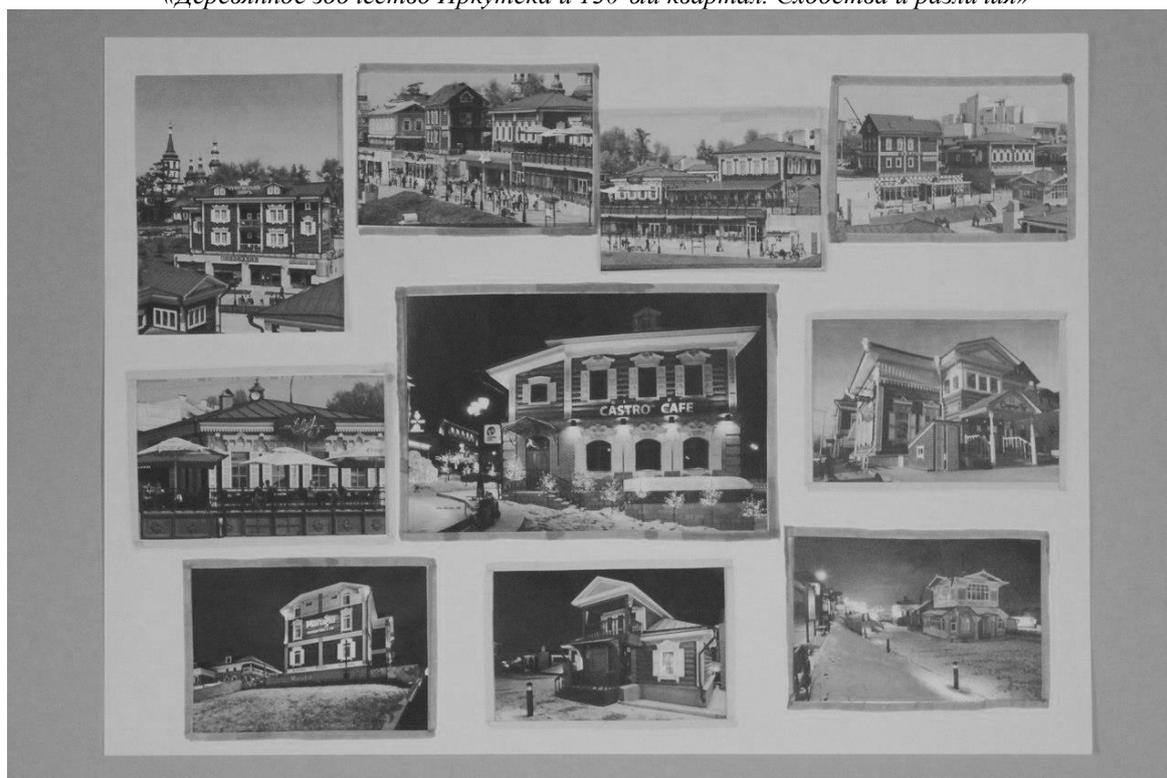
Для одного из занятий по теме «Архитектурные памятники Иркутска» подготовлена аудиозапись «Иркутская история» (А. Маршал), совмещенной со слайдами, просмотр видео «Прогулка по Иркутску», просмотр фильмов «Сибирская старина», «Исторический квартал – назад в будущее», где представлен 130-ый квартал как попытка реставрации.

Обучающая игра «Экскурсия по городу Иркутску». Студенты делятся на три группы, получают раздаточный материал и на листах ватмана выстраивают маршрут экскурсии по городу Иркутску. Затем каждая группа рассказывает о том, по какому маршруту они бы провели экскурсию.

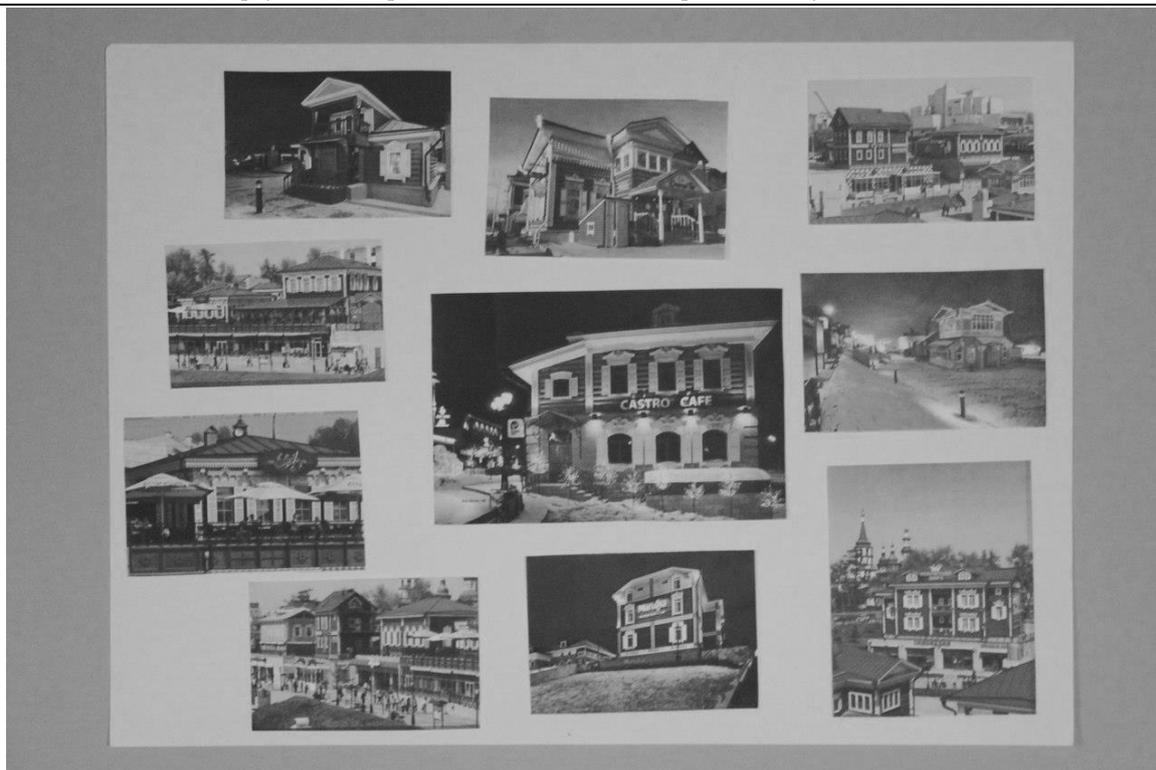
В качестве самостоятельных работ студенты подготовили выставочный материал, например,

«Деревянное зодчество Иркутска и 130-ый квартал. Сходства и различия»

Кроме того, студенты представили работы художников, ювелиров, декораторов, видеографов, фотографов, вдохновленных старым городом и его деревянным зодчеством.

В качестве основной составляющей интерактивной деятельности можно выделить максимальную познавательную активность в период изучения дисциплины: творческое взаимодействие, коллективный анализ, положительные установки на приобретение новых знаний проявлялись не только на семинарских и практических занятиях, но и на лекциях, при оценке качества усвоения данного предмета.

Таким образом, можно судить о том, что процесс активизации учебной деятельности студентов связан напрямую не только с получением новых качественных знаний, но и со всесторонним общекультурным развитием.

Список литературы:

1. Адольф В.А. Подготовка педагога к инновационной деятельности в процессе профессионального становления / В.А.Адольф, Н.Ф.Ильина // Альма Матер.– М.– 2006.– №10.– С.18-20.
2. Адольф В.А., Ильина Н.Ф. Инновационная деятельность педагога в процессе его профессионального становления: монография.– Красноярск: Краевой ин-т повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования, 2007.–190 с.
3. Буева Л.П. «Человек, культура и образование в кризисном социуме»// Вестник высшей школы.– 1997, апрель.–С.11-17.
4. Гаврилюк О.А., Гаврилюк Т.П., Лахно А.В. Роль профессиональной автономности в обеспечении готовности преподавателя вуза к инновационной деятельности//Альма Матер (Вестник высшей школы).–2015.–№6.–С.113-116.
5. Кочетков М.В. Развитие творчески-инновационной образовательной среды и грядущая парадигма образования//Альма Матер (Вестник высшей школы).–2014.–№12.–С.23-30.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Haniak V.Y.

Postgraduate studen

*of division of European integration, globalization and management of national security National Academy
of Public Administration under the President of Ukraine*

Ганяк Владимир Йосипович

*аспирант кафедры глобалистики, евроинтеграции и управления национальной безопасностью Наци-
ональной академии государственного управления при Президенте Украины*

ANALYSIS OF UKRAINIAN RELIGION POLICY ON OVERCOMING THE DIVISION OF THE ORTHODOX CHURCH

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ В ОТНОШЕНИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАСКОЛА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Summary: This article analyzes the current state policy of Ukraine in regard to overcoming the schism of the Orthodox Church. As part of the system-synergetic approach to the analysis of the state policy in the sphere of religion built a conceptual model of competing religious and political coalitions. The heuristic potential of this model provides an opportunity to adequately present the context of the formation of state policy in the consideration of this issue, evaluate the possible outcomes and consequences in the event of its implementation.

Keywords: policy analysis, state religion policy, policy tools, state-church relations, national security, public safety, system-synergetic approach.

Аннотация: В данной статье анализируется современная государственная политика Украины в отношении преодоления раскола Православной Церкви. В рамках системно-синергетического подхода для проведения анализа государственной политики в сфере религии построена концептуальная модель конкурирующих политико-религиозных коалиций. Эвристический потенциал данной модели предоставляет возможность адекватно представить контекст формирования государственной политики при рассмотрении данного вопроса, оценить возможные результаты и последствия в случае ее реализации.

Ключевые слова: анализ, государственная религиозная политика, инструменты политики, государственно-церковные отношения, национальная безопасность, общественная безопасность, системно-синергетический подход.

Постановка проблемы. Проблема раскола Православной Церкви в Украине является очень сложной и запутанной - за прошедшие столетия возникли несколько православных церквей, успел накопиться огромный комплекс нерешенных проблем, которые часто в недостаточной мере осознаются участниками межцерковного диалога православных церквей, так и при выработке стратегического курса государственной политики в разрешении этого эпохального вопроса. В то же время нельзя не заметить, что от степени научной обоснованности и современности принимаемых государственно-политических решений по данному вопросу во многом будет зависеть поддержание социально-политической стабильности в украинском обществе, а с учетом особенностей непрекращающегося военно-политического противостояния с Российской Федерацией (РФ) политические последствия принимаемых решений могут оказать амбивалентное влияние на социально-политическую стабильность в Украине.

Наиболее видное место среди работ посвященных вопросу преодоления раскола Православной Церкви занимают труды украинских религиоведов: А. Колодного, А. Сагана, А. Шубы, А. Пашука, В. Бондаренко, В. Еленского, В. Журавського, В. Пашенка, Л. Филипович, П. Яроцкого и др., в том числе недавно защищенных диссертационных исследований: В. Бутинского, М. Гергерука.

К сожалению, в большом перечне научных и публицистических работ обычно можно встретить лишь фрагментарный анализ политики, характерный для описания обстоятельств конкретной ситуации, переполненный неприкрытым субъективизмом в зависимости от приверженности к определенной православной церкви или идеологии (чаще всего с позиций этнонационализма). Поэтому объективно возникает вопрос о рационализации процедуры проведения анализа государственной политики в данной сфере.

Анализ последних исследований и публикаций. Заслуживает внимания работа С. Н. Осиповского, в которой представлен ретроспективный анализ отношений института Президента Украины и представителей церкви. Можно согласиться с мнением автора, что при отсутствии за время независимости каких-либо системных изменений, обусловленных трансформацией законодательства в этой сфере, каждый новый Президент формирует свою модель отношений с религиозными организациями на основании собственных представлений. Поэтому, говоря о специфике влияния главы государства на формирование государственно-церковных отношений, следует отталкиваться не столько от законодательной базы, сколько от его публичных высказываний и частоты контактов с представителями тех или иных конфессий [8].

Конфликты в религиозно-церковной сфере для независимой Украины явились отражением сложного, исторически расслоенного, аномического, втянутого в модернизационные и глобализационные процессы социума; стали специфическим проявлением отчаянного столкновения различных социальных сил, политических идеологий и элит, альтернативных геополитических и геоконфессиональных интересов, ценностных систем, расходящихся этнокультурных образцов и менталитетов. Для Украины, как и других переходных социумов, наиболее болезненными и кризисогенными не могли быть «чисто религиозными», а генерировались как феномены сложной этно-политико-религиозной природы, неотъемлемые составляющие политических, государственно, национальных, духовно-мировоззренческих процессов. Не случайно для их анализа ученые обычно прибегают к терминам «этноконфессиональные», «этнорелигиозные», «религиозно-политические» конфликты и тому подобное [3, с. 299].

Уже в 1997г. стало очевидным, что «юрисдикционная проблема украинских церквей начинает приобретать черты осознанного противостояния двух политико-конфессиональных концепций: киевоцентризма и подчинения зарубежным религиозным центрам. Особую остроту эта дилемма приобретает именно в православной среде, которая имеет достаточные теологически-канонические основания для наиболее полного следования как одной, так и другой концепции» [16, с. 18].

В последующие годы противостояние между двумя вышеописанными политико-религиозными коалициями православных церквей то обострялась, то затихала, часто приобретая латентный характер. В период относительного затишья каждая из церквей пыталась максимально нарастить свой институциональный потенциал. Накануне 2014г. (Революции Достоинства) данные государственной статистики за последние несколько лет показывали минимальный прирост институциональной структуры религиозного пространства Украины, достигнув относительной стабилизации. Завершение экстенсивного периода роста потенциала церквей уже само по себе служило предвестником нового витка межправославного противостояния, что со временем и случилось. После изменения геополитической ориентации Украины эти церкви снова вынуждены были снова искать опору в старых и новых союзниках, которые смогли бы эффективно лоббировать их интересы при выработке тех или иных государственно-политических решений в этой сфере.

Вполне логично при таком характере выработки и реализации решений в государственной политике обратиться к концепции лобби-коалиций П. Сабатье [19, р.117], которая предполагает, что конкурирующие коалиции стремятся изменить поведение государственных институтов для того, чтобы достичь политических целей в соответствующих сферах жизнедеятельности общества. К отличительным особенностям данной концепции, что она выходит из так называемых рамок «железного треугольника» (центральные органы исполнительной

власти, органы законодательной власти и заинтересованные группы) и расширяет перечень акторов политики двумя новыми группами. Первую группу составляют журналисты, исследователи и политические аналитики, которые играют важную роль в процессе выработки и оценке политико-управленческих решений, а ко второй предлагается отнести акторов из *всех* уровней власти, которые также могут оказывать значительное влияние на формирование и реализацию политики.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Данную концепцию справедливо критикуют за нечувствительность к обстоятельствам, в которых принимаются политические решения. Также в ней не учитываются социальные цели, которые ставят перед собой участники лобби-коалиций. С обширным критическим обзором, посвященным данной концепции можно ознакомиться в коллективной работе [10]. На наш взгляд, многие причины возникновения сложностей с использованием данной концепции в различных областях государственной политики следует искать в том, что она изначально разрабатывалась в основном для объяснения энергетической и экологической политики США. Поэтому для преодоления вышеуказанных недостатков необходимо разработать адекватный сложности решаемой задачи инструмент анализа государственной политики в сфере религии.

Целью статьи является:

- построение концептуальной модели анализа государственной политики в сфере религии в условиях конкурентной борьбы политико-религиозных коалиций;

- проведение анализа государственной политики Украины в отношении преодоления раскола Православной Церкви.

Изложение основного материала. Построение концептуальной модели.

Синергетика, исследуя развитие сложных открытых систем, использует модели, которые позволяют понять механизм возникновения порядка, она позволяет оценить и предсказать вероятностный отбор устойчивых состояний системы, процессы конкуренции и синхронизации их подсистем. Для развития концепции П. Сабатье (лобби-коалиций) при построении модели анализа государственной политики в сфере религии будем использовать ту же концептуальную схему, которая использовалась автором при описании синергетической модели социокультурной динамики в работе [6]. С целью приспособить нынешнюю модель к более адекватному отражению процесса формирования государственной политики в нее были внесены определенные уточнения.

Коротко опишем состав основных уровней синергетической модели. На мегауровне модели религиозной сферы Украины можно условно выделить следующие группы *управляющих параметров*:

а) социоетальная (ядро культуры общества, наполненное универсальными ценностями и смыслами);

б) общемировая (глобализация и т.п.);

в) региональная (геополитика и геоэкономика). Первая группа управляющих параметров отображает влияния ядра культуры, исторически сложившегося в украинском обществе. Например, к таким параметрам можно отнести: исторический опыт формирования и развития религиозных традиций, который нашел свое отражение в самобытности культуры украинского общества. Нельзя не упомянуть тот факт, что именно культура существенно влияет на религиозный и общественно-политические процессы с помощью механизма доминирующих в обществе этнокультурных архетипов, которые по-разному активизируются в зависимости от той или иной исторической ситуации. Вторая группа управляющих параметров отображает влияние общемировых процессов, возникших в связи с началом формирования нового планетарного социума. В состав параметров этой группы можно отнести: накопленный религиозный мистический опыт всего человечества; религиозные процессы в мире; глобализация, которая приводит к усилению универсальных архетипов человечества. Третья группа управляющих параметров учитывает региональные особенности исторического развития религий.

Элементы макроуровня производят *параметры порядка*, которые в определенной степени определяют поведение элементов системы, функционирующих на микроуровне. В качестве параметров порядка будем рассматривать формальные и неформальные светские и религиозные институты.

Микроуровень (*параметры состояния*) модели представлен из большого количества однотипных элементов, в нашем случае его состав включает обыденное религиозное сознание (ядром которого выступает габитус) отдельных индивидов или их малых групп. Изменения на этом уровне происходят достаточно быстро по сравнению с другими уровнями, поэтому их можно рассматривать как кратковременные переменные. Процессы, происходящие на микроуровне, с позиции высшего уровня при определенных условиях могут быть охарактеризованы как хаос и дестабилизация.

Промежуточным уровнем, который находится между макро- и микро-уровнями модели, является мезоуровень. Именно на этом уровне наиболее плодотворно проходят процессы самоорганизации, в которых могут принимать участие индивидуальные и коллективные акторы различных полей, зарождаются эмерджентные структуры (неформальные институты). В рамках анализа изменения основных характеристик (взаимосвязь правил, сетевая взаимозависимость, ресурсная взаимозависимость, согласованность фрейма) политических коалиций американскими социологами Р. Эванс и Т. Кей предложено четыре механизма взаимодействия на мезоуровне:

- выработка правил – способность акторов в одном поле влиять или изменять правила в другом;
- посредничество в альянсах – способность акторов к посредничеству в альянсах, которая помогает влиять на процедуру принятия решений в различных полях;

- посредничество в ресурсах – степень, с которой акторы могут использовать принадлежащие им ресурсы в одних полях (областях), чтобы получить авторитет в других;

- адаптация фреймов – способность акторов стратегически адаптировать фреймы с целью максимально обеспечить их резонанс или повлиять на его изменение в другом поле [18, р. 975].

В качестве параметров порядка в предложенной синергетической модели полезно использовать понятия капиталов (ресурсов): символический, культурный, социальный, политический, религиозный и административный), которые ввел в научный оборот французский социолог П. Бурдьё. Известно, что любые стратегии религиозных институтов (институтов или индивидов) определяются их положением в структуре полей и распределением религиозного капитала. Такие параметры имеют определенную универсальность и могут одновременно использоваться на макро, мезо- и микро-уровнях модели. Особенно важно для нашего исследования, что религиозный капитал можно эксплицировать как некую совокупность других видов капитала, т.е. получить относительно самостоятельные части религиозного капитала, которые могут быть затем исследованы.

Так, Б. Вертер в своей работе [22] обосновывает возможность эксплицировать религиозный капитал на те же составляющие, которые П. Бурдьё представил для трех форм существования культурного капитала [5]: объективированном, институционализированном и инкорпорированном состояниях. Под объективированным религиозным капиталом следует понимать: храмы, святилища, священные реликвии, церковную утварь, одение священников. Инкорпорированный религиозный капитал по сути есть габитус, который приобретает в процессе социализации. Под институционализированным религиозным капиталом будем понимать образовательные квалификации. Представление о первых двух формах религиозного капитала церковью (религиозных организаций) можно получить из ежегодных отчетов государственной статистики, тогда как о третьей составляющей можно судить лишь косвенно по данным социологических опросов или количеству участников массовых мероприятий религиозного характера (крестные хода и другие публичные обряды). Так как П. Бурдьё в своих работах рассматривал в основном иерократическую церковь прежде всего как социальный институт, то в вышеуказанный список экспликации следует пополнить символическим капиталом религиозных лидеров (имеет очень большое значение для «новых религиозных движений» - НРД), который в определенных условиях также может оказывать существенное влияние на процесс накопления других видов капитала. Представленная экспликация религиозного капитала, в силу своей целостности отражает качественную определенность объекта моделирования, открывая новые возможности для анализа и мониторинга общественных процессов в религиозной среде. Так, сложно говорить о домиро-

вании определенной церкви (религиозной организации), если она не обладает достаточным объемом различных форм религиозного капитала, прежде всего его культурных составляющих, которые со временем становятся соизмеримыми друг с другом. Органы государственной власти, принимая определенные регулятивные решения в отношении религиозных организаций, могут оказывать значительное влияние на процесс накопления ими различных

форм капитала. Чтобы лучше понять, каким образом инструменты политики могут воздействовать на основные элементы религии предлагаем воспользоваться результатами работы [19] американского политолога М. Макгинесса, которые представлены нами в достаточно упрощенном виде в табл. 1.

Таблица 1.

Соответствие инструментов политики и основных элементов религии (на примере США)

Основные элементы религии:	Типы инструментов политики:			
	Правовой статус	Административное регулирование	Финансовый	Символические действия
Верования и доктрина	±	-	Нет данных	+
Ритуалы	-	+	Нет данных	+
Священные тексты, символы и нарративы	-	-	+	+
Посещение священных мест	+	+	+	+
Кодексы поведения и нормативные предписания	+	+	+	+
Религиозные организации и способы выработки коллективных решений, выборы лидеров	±	+	±	+
Религиозные организации и процесс взаимодействия с внешним миром	-	±	+	+
Социальные сети и идентификация с религ. сообществом	+	±	+	-

Алгоритм анализа политики в рамках данной модели можно представить в виде совокупности следующих этапов:

1. Анализ изменений управляющих параметров модели, влияющих на процессы формирования конкурирующих коалиций (мегауровень).

2. Анализ институционального состава участников конкурирующих коалиций (макроуровень), их структурных позиций и капиталов.

3. Анализ механизмов взаимодействия между участниками как внутри коалиций, так и с органами публичной власти (органов государственной власти и местного самоуправления) на макро и мезо-уровне, а также их влияние на работу механизмов прямых и обратных связей с микроуровнем.

4. Анализ используемых инструментов политики и их практического влияния на распределение структурных позиций и капиталов участников конкурирующих коалиций.

Следует заметить, что изменения в микро и макроуровне не могут в течение короткого промежутка времени существенно повлиять на внешние условия (мегауровень), кроме случаев, когда система находится в точке (зоне) бифуркации.

2. Анализ государственной политики Украины в отношении преодоления раскола Православной Церкви (2014-2016)

Подводя итоги 25 лет развития религиозной сферы Украины, украинский религиовед Л. Филипович отметила: «церкви / религиозные организации представленные в религиозном поле Украины активно выходят в публичную сферу, не боясь ни

узкцерковной (ни внутриконфессиональной или внутрирелигиозной), ни широкой светской среды, комфортно чувствуют себя в различных социальных полях» [15].

В Украине, как и в большинстве современных демократических стран, церкви (религиозные организации) юридически выведены из политической сферы, но активно сотрудничают с основными акторами формирования и реализации государственной политики в сфере религии, к числу которых помимо государства и религиозных организаций можно отнести: религиозные масс-медиа, академические структуры, экспертные советы, адвокатуру, межрелигиозные советы и международные организации.

В начале 2014 года после трагических событий Революции Достоинства и возникновения военно-политического конфликта на востоке Украины, и прежде всего после падения прежнего политического режима резко пошатнулись позиции политико-религиозной коалиции, в состав которой входила УПЦ (МП), в то время как позиции УПЦ КП значительно улучшились во многом благодаря поддержке политических сил из конкурирующей коалиции, которые после проведения досрочных парламентских выборов пришли к власти. После того, как в этом же году появились данные социологических исследований (финансовую поддержку в их проведении оказало правительство Канады), зафиксировавших смену лидера среди православных церквей казалась судьба УПЦ (МП) предрешена.

Свою лепту в создание негативного имиджа этой церкви внесли многие отечественные представители масс-медиа, публично обвинив УПЦ (МП) во всех грехах РПЦ и ее околоцерковных организаций (некоторые из них действительно принимают участие в российско-украинском вооруженном конфликте на Донбассе). «Поскольку в их (журналистов- Г.В.) компетенцию входит в основном знание политического мира, основанное скорее на личных контактах и признаниях (если не на сплетнях и слухах), чем на объективном наблюдении и расследовании, журналисты склонны сводить все к теме, в которой они являются экспертами. Их интересует игра и игроки, а не ставка игры, чистая политическая тактика, а не суть дебатов, эффект, производимый тем или иным выступлением в логике политического поля (коалиции, альянсы или конфликты между политиками), а не его содержание (случается даже, что они изобретают и навязывают в качестве темы для дискуссии абсолютно искусственные сюжеты)», - отметил П. Бурдые характерные особенности данной профессии [2, с. 155].

Дополнительную весомость сюжетам в масс-медиа придали профессиональные комментарии представителей науки (прежде всего религиоведов и политологов), а также экспертов в сфере безопасности. Следует заметить, что многие из них являются полустатусными акторами, за плечами которых многолетний опыт подобной работы. Так, в автореферате диссертационного исследования А. Юраша за 1996г. отмечается, что кроме исследователей, которые декларируют объективный подход к

освещению религиозной проблематики, еще больше тех, которые вполне сознательно выступают на стороне определенной религиозной общины и стали ее репрезентантами, а часто и идеологами. Среди первостепенных авторов из среды УПЦ КП следует обязательно упомянуть С.Здиорука, А.Жуковского, Д.Степовика [17, с. 8]. За следующие десятилетия этот список пополнился новыми авторами, которые успели в соавторстве с вышеуказанными исследователями опубликовать не одну научную работу.

На таком фоне политико-религиозная коалиция с УПЦ КП решила предпринять очередную попытку создать в Украине единую и автокефальную Поместную Православную Церковь. На первом этапе планировалось объединить УПЦ КП и УАПЦ. Следующим этапом должно было стать обращение к Константинопольской Церкви через украинскую власть с просьбой предоставить новой церкви статуса автокефалии, так как вышеуказанные церкви еще не получили официального признания во Вселенском Православии. Но небольшой разрыв в социологических данных 2014г. между УПЦ(МП) и УПЦ КП желательно было актуализировать новыми более масштабными социологическими исследованиями, чтобы новые данные социологов более убедительно показывали необходимость участия государства в этом процессе, как того требуют стандарты демократического общества. Новые социологические исследования провел консорциум из четырех известных в Украине компаний (Центр социальных и маркетинговых исследований SOCIS, Социологическая группа «Рейтинг», Центр Разумкова и КМИС). Накануне даты планируемого объединения двух вышеуказанных церквей социологи от консорциума сообщили, что общий тренд изменений в религиозных настроениях среди православных еще больше усилился в пользу УПЦ КП и УАПЦ. К сожалению, новое руководство относительно небольшой УАПЦ сочло условия объединения от УПЦ КП для себя неприемлемыми и вышло из переговорного процесса. Но так как сценарий на достижение полной независимости от РПЦ был уже запущен - силами провластной коалиции было принято решение сразу перейти ко второму этапу его реализации. После необходимых дипломатических усилий украинских властей перед Всеправославным собором к Константинопольской Церкви обратилась Верховная Рада Украины с просьбой к Вселенскому п.Варфоломею о предоставлении Украинской Православной Церкви статуса автокефалии, а также аннулировании акта 1686г. о присоединении Киевской митрополии к Московскому Патриархату. Недавно Константинопольский Патриархат сообщил, что формально приступил к изучению обращения. Вряд ли стоит ожидать скорого решения по данному вопросу - в данный момент сложно спрогнозировать развитие ситуации в украинском православии.

Несмотря на все усилия, за указанный период УПЦ КП так и не смогла нарастить достаточный объем религиозного культурного капитала (общее

число религиозных организаций, храмы и арендованные молитвенные помещения, общее число священников и монахов) в несколько раз меньше, чем у УПЦ (МП) [6]. Не исключено, что именно поэтому представители действующей власти в своих публичных выступлениях практически не упоминают о данных государственной статистики, а предпочитают ссылаться только на данные социологических исследований.

Более того, известный украинский религиовед А. Саган попытался объяснить причину существования такого значительного разрыва между данными государственной статистики и результатами социологических исследований. По мнению эксперта, приходы УПЦ в большем количестве имеют всего по 10 прихожан (указывая лишь на минимальные требования соответствующего закона о регистрации религиозной общины, - Г.В.), тогда как УПЦ КП имеют более значительную долю приходов, которые насчитывают более 1000 прихожан [21]. Сложно судить насколько такое пояснение соотносится с религиозной микроэкономикой - содержание прихода для 10 прихожан будет просто нерентабельным, а для функционирования больших храмов необходимы большие помещения, также достаточное количество обслуживающего персонала. Безусловно, если бы существовало вышеописанное соотношение приходов, то оно бы нашло свое выражение в данных государственной статистики.

Что касается адаптации фреймов (когнитивно-аффективных схем) обе конкурирующие церкви внесли в них существенные коррективы. Здесь необходимо отметить два важных момента адаптации, которые должны были обеспечить церквям необходимый уровень поддержки.

В одной из своих работ российский исследователь Г. Смирнов для православия выделил два идеальных типа: народный и государственнический [14]. В реальной жизни существует всегда определенная комбинация этих двух типов, хотя во многом возможности ее модификации определяются тем, какое положение по отношению к власти занимают представители определенной церкви. Поэтому закономерно, что УПЦ (МП) сместила основной акцент своей деятельности на воцерковленный народ, в то время как УПЦ КП решила быстро занять освободившуюся нишу государственнической церкви.

Другой характерной особенностью адаптации фрейма УПЦ КП стала попытка усилить семантическое противопоставление двух традиций богослужения: церковнославянской и украинской. Хотя, представили УПЦ (МП) заявляют, что не настроены в данном вопросе столь категорично, объясняя использование церковнославянского языка большим желанием сохранить давнюю церковную традицию. В настоящее время в большинстве храмов УПЦ (МП) литургия совершается на церковнославянском языке. Проповедь обычно читается на украинском или русском. При определенных условиях у прихожан этой церкви есть возможность выбора языка богослужения.

Определенное сопротивление попыткам внести изменения в фрейм церкви объективно связано с особенностью формирования ее инкорпорированного религиозного капитала – очень сложно изменить габитус людей старшего поколения. Именно вопрос языка богослужения во многом был искусственно раздут средствами масс-медиа, в надежде на то, что он станет решающим фактором в борьбе за сердца православных верующих.

Чтобы улучшить позиции УПЦ КП и максимально ослабить возможности УПЦ (МП) в вопросе накопления религиозного культурного капитала участниками провластной коалиции подготовлено два законопроекта № 4128 и № 4511. Если первый законопроект не соответствует нормам европейской практики, то второй носит явно дискриминационный и антиконституционный характер через прямое вмешательство во внутренние дела церкви.

Кроме того, явными и неявными участниками провластной коалиции активно задействуются инструменты политики из так называемой «серой зоны», о которых нельзя однозначно сказать, что они противозаконны.

Так, министром культуры В. Кириленко (членом Высшего церковного совета УПЦ КП) в начале 2016г. было принято единоличное решение о передаче храма "Малой Софии" Национального заповедника в пользование УПЦ КП.

Как замечает Ю. Решетников, что в июне 2016 года Министерство культуры Украины вернуло УПЦ (МП) уставы 8 монастырей и 2 епархий на доработку, так и не приняв ни решение об их регистрации, ни предусмотренные статьей 15 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» решение об отказе в их регистрации. При этом на «рассмотрении» министерства продолжает находиться устав епархиального управления Львовской епархии УПЦ, поданный еще в далеком декабре 2014-го[13].

Среди политических механизмов следует особо выделить два вида механизмов: секюритизации и социально-коммуникативный. С помощью механизма первого вида можно любую проблему объявить вопросом национальной безопасности, а указав на определенный субъект угрозы, можно с целью защиты объекта требовать по отношению к нему применения чрезвычайных мер (например, законопроект № 4511). При этом усилия экспертов по безопасности чаще направлены на поиск подкреплений выдвинутого аргумента о необходимости срочной секюритизации, чем на скрупулезный поиск ответов на вопросы: насколько оправдан такой шаг и насколько принимаемые меры адекватны существующей угрозе. Весьма показательными в этом плане стали аналитические записки к Посланиям Президента Украины за последние несколько лет. Если в 2015 году явной угрозой национальным интересам была названа деятельность УПЦ (МП) в Украине[1, с. 367], то в 2016 году уже предлагается в число особо важных вопросов национальной безопасности включить проблему конституирования Украинской Православной Помесной Церкви

(УППЦ) [2, с. 233-234]. С большой долей вероятности можно предположить, что активную роль в процессе этих подготовок аналитических материалов сыграл отдел гуманитарной безопасности Национального института стратегических исследований, который возглавляет С.Здиорук. Примером неоправданной секьюритизации в западных странах стала так называемая исламская угроза, когда вместо того, чтобы сосредоточиться на борьбе с относительно небольшими группами религиозно мотивированных террористов, в качестве субъекта угрозы была выбрана целая религия. В итоге результаты такой борьбы возымели обратный эффект – социальная опора террористов выросла в несколько раз.

Социально-коммуникативный механизм позволяет определенным образом выстраивать систему символических действий власти. Кроме совместного проведения публичных церковных обрядов с участием первых лиц государства и представителей определенной церкви, также к перечню такого рода действий следует добавить работу пресс-служб центральных органов власти. Например, особый порядок очередности при совместном упоминании церквей в официальном пресс-релизе может косвенно свидетельствовать о значимости для государства той или иной церкви [9].

Выводы и предложения. Подводя итоги проведенному анализу, отметим, что решение украинских властей с помощью политических инструментов активно продвигать процесс конституирования УППЦ несет в себе значительные политические риски, прежде всего в силу значительной фрагментированности православной среды Украины. К последствиям проводимой политики следует отнести резкое обострение межконфессиональных отношений. В XXI веке демократическому государству, декларирующему мировоззренческий и религиозный плюрализм, крайне сложно будет навязать решение в столь важном вопросе духовной жизни украинского общества. Выход из сложившейся ситуации следует искать через налаживание межцерковного диалога, который со временем мог сблизить позиции православных церквей. Лишь после того, как православная среда станет более однородной, государство смогло бы включиться в процесс конституирования УППЦ.

Литература

1. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році». – К. : НІСД, 2015. – 684 с.
2. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». – К. : НІСД, 2016. – 688 с.
3. Арістова А.В. Релігійні конфлікти на теренах України та їх природа / А. В. Арістова // Релігія – Світ – Україна. Книга друга. Міжконфесійні відносини поліконфесійної України. – К.: УАР, 2011. – С.299.

4. Бурдые П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые, пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В.Марковой. Отв. ред. и предисл. Н.А.Шматко. М., 2002. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.

5. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология, №5, 2002. – С. 60–74.

6. Ганяк В. Синергетична модель соціокультурної динаміки в дослідженні проблем безпеки сучасного суспільства / В. Ганяк // VII ТМС за міжнародною участю «Архетипіка і державне управління: виклики і ризики суспільної трансформації / Публічне урядування // Вип. № 2 (3) / 2016. – С.78-88.

7. Звіт про забезпеченість церков і релігійних організацій України культовими будівлями на 01.01.2016 р. [Електронний ресурс] . – Режим доступу :

http://mincult.kmu.gov.ua/document/245083583/Dodatok2_MCU_Nakaz184-31032016.xls

8. Осиповский С.Н. Президент и церковь в Украине: специфика отношений / С.Н. Осиповский // Вестник СевНТУ. – Севастополь, 2011. – Вып. 115: Философия. – С. 128-131.

9. Президент з родиною у Софійському соборі помолились за Україну [Електронний ресурс] . – Режим доступу :

<http://www.president.gov.ua/news/prezident-z-rodinoyu-u-sofijskomu-sobori-pomolilis-za-ukrayi-37943>

10. Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред. Данилова Н., Гурова О., Жидкова Н.. – СПб. : Алетейя, 2008. – 356 с.

11. Релігійні організації в Україні (станом на 1 січня 2016 р.) [Електронний ресурс] . – Режим доступу : risu.org.ua/ua/index/resources/statistics

12. Релігія і церква в українському суспільстві: соціологічне дослідження // Україна-2014: суспільно-політичний конфлікт і церква (інформаційні матеріали). - К. : [б.в.], 2014. - 28 с.

13. Серета Е. Юрий Решетников: Обвиняя УПЦ в «давлении», представители Минкульта проявляют крайний цинизм [Електронний ресурс] . – Режим доступу : <http://fraza.ua/interview/12.08.16/249780/jurij-reshetnikov-obvinjaja-upts-v-«davlenii»-predstaviteli-minkulta-projavljajut-krajnij-tsinizm-.html>

14. Смирнов Г.С. Государственническое и народное православие: ноосферно-синергетическая концепция церковно-религиозной динамики в России / Г.С.

15. Филипович Л. Підводимо підсумки: 25 років розвитку релігійної сфери в Україні [Електронний ресурс] . – Режим доступу : http://risu.org.ua/ua/index/expert_thought/open_theme/64410/

16. Юраш А.В. Религиозно-церковная структура современной Украины и ее трансформации / А.В. Юраш // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: 1997. – 21с.

17. Юраш А. В. Українська Церква в контексті сучасних політико-конфесійних та комунікатив-

них процесів (історико-політологічний аспект): автореф дис... канд. політ. наук: 23.00.01 / А. В. Юраш // Львів. держ. ун-т імені Івана Франка. – Л., 1996. – 23с.

18. Evans, R. and Kay, T. How Environmentalists "Greened" Trade Policy: Strategic Action and the Architecture of Field Overlap, *American Sociological Review* 73 (6), 2008, p. 970-991.

19. McGinnis M. Religion Policy and the Faith-Based Initiative: Navigating the Shifting Boundaries between Church and State, *Forum on Public Policy*, Vol. 2010, No. 4/5. (Dec.) [Electronic resource] . –

Available form: <http://forumonpublicpolicy.com/Vol2010.no4/archive.vol2010.no4/mcgin-nis.pdf>

20. Sabatier P. *Theories of the policy process*, Boulder, CO: Westview Press, 2007, 265p..

21. Sagan O. Orthodoxy in Ukraine: Current State and Problems, Traditional religion and political power, *London, Foreign Policy Centre*, 2015, p.16-22.

22. Verter B. Spiritual Capital: Theorizing Religion with Bourdieu against Bourdieu, *Sociological Theory*, 21 (2003): p. 150-174.

Л.М. Костецька

аспірант кафедри державної політики та суспільного розвитку Національної академії державного управління при Президентові України

L.M. Kostetska

Post graduate student (PhD) of public policy and social development of the National Academy for Public Administration under the President of Ukraine

*Немає нічого більш постійного, ніж зміни
Геракліт
There's nothing as permanent as temporary
Heraclitus*

ПОЛІТИЧНА КРИЗА ПУБЛІЧНОГО УПРАВЛІННЯ В УКРАЇНІ POLITICAL CRISIS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN UKRAINE

АНОТАЦІЯ. Сучасна епоха вважається періодом загострення кризових явищ, а вміння управляти ними є однією з найважливіших умов підтримки соціально-політичної стабільності всередині країни та на міжнародній арені.

З огляду на події у світі, науковці одноставно стверджують, що людська цивілізація перебуває на порозі системної кризи, яка вражає всі сторони економічного і соціального життя, створює загрозу дестабілізації політичної сфери діяльності людства.

Суттєву небезпеку становить одна із найбільш загрозливих криз – політична криза, оскільки є результатом нестабільного розвитку політичної системи, найвищим виявом політичних протиріч. Одним із наслідків політичної кризи може бути крах усієї системи управління, відтак – соціальна катастрофа. Тож однією з найактуальніших проблем сьогодення є проблема врегулювання та знаходження успішного виходу з політичної кризи.

Статтю присвячено дослідженню сутності, особливостей та причин виникнення політичної кризи публічного управління. Розкрито зміст понять «державне управління» та «публічне управління», «політика», «криза», «політична криза». Зосереджено увагу на питанні політичної кризи публічного управління. Визначено наслідки такої кризи та шляхи її подолання.

Ключові слова: криза, публічне управління, політична криза публічного управління, причини політичної кризи.

ANNOTATION. The modern era is the period of crisis aggravation, and the ability to control it – is one of the most important conditions of the social and political stability both inside in the country and internationally.

Taking into account world events, scholars unanimously confirm that human civilization is on the verge of systemic crisis that affects all aspects of economic and social life and create risk of destabilizing the political spheres of humanity's life activity.

Being the highest manifestation of political controversy and as a result of unstable political system, the political crisis represents the highest danger. Political crisis could lead to such consequences as collapse of the entire system of management and social disaster. Therefore one of the main problems nowadays is the problem of reconciliation and the successful resolution of the political crisis.

The article studies the nature, characteristics and causes of the political crisis in the system of public administration. It's defined the content of the concepts of "state administration" and "public administration", "politics", "crisis", "political crisis". The article also focuses attention on the political crisis of the system of public administration as one of the most hazard crises. Consequences of this crisis and ways to overcome it are determined.

Keywords: crisis, political crisis of public administration, the causes of the political crisis, public administration

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМИ. Ефективне функціонування публічного управління сприяє успішному розвитку будь-якого суспільства. Політична ситуація в країні значною мірою впливає на публічне управління. Разом з тим, коли в країні триває пошук оптимальної форми правління і одночасно здійснюються реформи у різних суспільно важливих інституціях, то публічне управління втрачає налагоджену стабільну систему і потрапляє під вплив багатьох політичних сил, які намагаються не тільки впливати на формування політичних інституцій та публічної політики, а й монополізувати цей вплив. Це створює передумови конфліктної ситуації, яку необхідно врегулювати. Наявність неврегульованих політичних конфліктів між суб'єктами влади призводить до кризи публічного управління.

АНАЛІЗ ОСТАННІХ ДОСЛІДЖЕНЬ І ПУБЛІКАЦІЙ. Протягом останніх років зростає увага українських науковців до питання щодо вивчення та подолання кризи в державному управлінні, зокрема:

– сучасний стан теорії та методології формування державно-управлінських рішень розглядав В.Д. Бакуменко [3, с. 328];

– залежність процесу підготовки, прийняття та реалізації політичних рішень від стану впровадження політичної стратегії і тактики розкрив у дисертації П.В. Мироненко [15, с. 4];

– питанням щодо реформування державного управління і державної служби в Україні приділяв увагу О.Ю. Оболенський [8, с. 348];

– механізми управління кризами суспільного розвитку в системі державного управління досліджувала Т.І. Пахомова [17, с. 66];

– становленню й розвитку антикризових технологій як механізму реалізації цілей державного управління в Україні присвятив свою дисертацію В.І. Шарий [21, с. 25].

Натомість у світовій політичній науці цій тематиці приділяється значно більше уваги. Серед сучасних зарубіжних досліджень, присвячених політичній кризі, варто відзначити праці, в яких розглядаються питання концептуалізації поняття кризи, методології її дослідження, а також еволюції наукової рефлексії щодо цієї проблематики.

Американський дослідник С. Фланган визначає кризу як виклик чинній владі, загрозу її авторитету, що досягає рівня, на якому владні структури вже не в змозі підтримувати стабільність існуючого ладу [19, с. 48].

Німецький учений Е. Циммерманн зазначив, що політична криза є значно ширшим поняттям, аніж урядова криза або криза управління. Вона більшою або меншою мірою призводить до зміни політичного курсу («policies») та політичної системи загалом [20, с. 69].

За словами польського вченого П. Штомпка, період політичної, економічної чи культурної кризи значно поживляє традиції: люди звертаються до досвіду предків. «Критичний традиціоналізм» є поширеною ідеологічною позицією у такій ситуації,

оскільки прагне врівноважити функції та дисфункції тієї чи іншої традиції в конкретному випадку [22, с. 98].

Фундаментальною є праця Т. Парсонса «Система сучасних суспільств», у якій автор вважає довіру однією з умов, що забезпечує суспільну стабільність, своєрідним способом кредитування політики [16, С. 24-26].

Французький соціолог М. Доган у статті «Ерозія довіри у розвинених демократіях» доводить, що у Франції та й загалом у світі спостерігається значний відсоток громадян, що виражають слабку довіру або ж сильну недовіру до окремих політичних інститутів та осіб, які ними керують, не заперечуючи легітимності самої політичної системи. За словами вченого, це характерно переважно для систем, що стабільно функціонують, яким не загрожує руйнація. У таких умовах криза легітимності сприймається як новий поштовх до розвитку [9, с. 86].

Отже, політична криза як феномен цікавила мислителів, дослідників, науковців з давніх часів. З останньої чверті ХХ століття політична криза стає об'єктом особливої уваги науковців західних країн, а з 1990-х років – і пострадянських, у тому числі України.

Варто зауважити, що в працях українських науковців здебільшого досліджується адміністративний аспект державного управління, а питанням політичної складової кризи публічного управління на сучасному етапі приділяється мало уваги. Це питання потребує додаткового вивчення, і тому завданням нашої статті є визначення сутності та особливостей політичної кризи публічного управління, аналіз основних її причин і з'ясування питань, на які політичним силам потрібно першочергово звертати увагу, щоб уникнути негативних наслідків кризових явищ.

ВИДІЛЕННЯ НЕВИРІШЕНИХ РАНІШЕ ЧАСТИН ЗАГАЛЬНОЇ ПРОБЛЕМИ. Зазначені терміни вимагають докладного вивчення в Україні та систематизації найкращих зарубіжних практик. Потрібно досліджувати інструменти публічного управління для врегулювання політичної кризи. Важливо удосконалюючи впроваджені наукові досягнення у сфері державного управління, наслідувати найкращі зарубіжні тенденції та практики і сприяти розвитку науки публічного управління.

МЕТА СТАТТІ. Метою статті є дослідження понять «політика» «політична криза» «політична криза публічного управління», аналіз політичної кризи публічного управління, її ознак, причин та шляхів подолання, актуальних для українських реалій.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ. Державне управління як явище є складним і багатограним, тому і не існує сталого, вичерпного та загальновибраного визначення державного управління.

В основі визначень державного управління, поданих більшістю українських науковців, закладено класичне розуміння управління у державному секторі, що було запропоноване Максом Вебером.

Вважається, що головною рисою державного управління є його владний характер, витокami якого є державна воля та поширення на все суспільство.

У сьогоднішніх умовах відбувається якісна зміна способів і методів державного управління. Нині у вітчизняній літературі дедалі частіше використовується поняття «публічне управління», що відповідає сучасним тенденціям і практиці функціонування інститутів демократичного суспільства, але законодавчо це поняття не закріплено. Водночас здебільшого ще вживається термін «державне управління», який не є точним відповідником терміна «публічне управління» або поєднанням цих понять.

Ключовим аспектом державного управління є держава, тимчасом як публічного управління – народ.

Варто зазначити, що система публічного управління охоплює багато підсистем: політичну, економічну, соціальну, адміністративну, правову, гуманітарну тощо. На процес її формування та розвитку, безумовно, впливають як внутрішні (нестабільність соціально-політичної системи держави), так і зовнішні (геополітичне становище, світова фінансова криза тощо) чинники.

Сам термін «публічне управління» (англ. Public management) уперше був використаний у науковій практиці у 1972 році англійським державним службовцем Десмондом Кілінгом у його науковій праці «Management in Government» [11], в якій відзначалося, що «публічне управління – це пошук використання у найкращий спосіб ресурсів задля досягнення пріоритетних цілей державної політики». Водночас один із сучасних дослідників публічного управління Гірт Букерт [5] наголошує на тому, що «публічне управління не є певним нейтральним, технічним процесом, а є діяльністю, яка тісно пов'язана з політикою, законом і громадянським суспільством».

Підсумовуючи вищесказане, можемо зазначити, що суть державного управління як самостійного виду державної діяльності слід розуміти як систему елементів державної влади, яка має виконавчо-розпорядчий характер, виконує функції і завдання держави у процесі регулювання економічної, соціально-культурної та адміністративно-політичної сфер. А на публічне управління завжди впливали і впливають проблеми світової та внутрішньої політики, суспільного життя загалом. Публічне управління вивчає взаємодію політичної системи, державного сектору, співвідношення муніципальних, державних та народних інтересів із залученням суспільства до контролю всіх органів влади.

Отже, враховуючи, що державне управління є складовою публічного управління, ми будемо використовувати термін «публічне управління», оскільки вважаємо його ширшим поняттям.

Не можна оминати й питання взаємозалежності понять «публічне управління» та «політика», які об'єднує природа походження, пов'язана із феноменом влади.

То що ж таке політика? Термін «політика» походить від давньогрецького слова «поліс» (місто-держава) та його похідних: «politike» (мистецтво управляти державою), «politeteia» (конституція), «polites» (громадяни), «politica» (державний діяч). Єдиного визначення поняття «політика» не має.

Політика існує там, де суперечки між людьми починають набувати суспільно значущого характеру, тобто зачіпають інтереси великих груп людей. Політику можна вважати засобом подолання суперечок у суспільстві.

Своїм походженням слово «політика» зобов'язане видатному давньогрецькому мислителю античного світу Аристотелю (384–322 до н.е.). Він відводив політиці одне з провідних місць, вважаючи її найважливішою наукою, функції якої пов'язані з основною суспільною метою – узгоджувати, регулювати спокій, творчу діяльність людей, загальне благо з благом окремих індивідів і за допомогою управління – людське суспільне співжиття.

Аристотель у трактаті "Політика" наголошував на відповідальності держави за підтримку співпраці і подолання чвар між людьми. Конфлікти виникають там, де держава порушує принципи розподілу благ. Джерело чвар між людьми філософ бачив у нерівності почестей (пихатість) і нерівності майна (користі). Турбота керівника держави в першу чергу про себе (влада, почесті) є головною причиною політичних протиріччів, що призводять зрештою до деспотії і тиранії, за яких процвітає насильство над громадянами. Мислитель вважав, що влада повинна належати не бідним і не найбагатшим, а середнім рабовласникам-політикам [1, с. 239].

Крім того, даючи визначення державі як «спілкуванню подібних один одному людей заради досягнення можливо кращого життя», Аристотель мав на увазі тільки вільних громадян грецьких полісів. Варварів і рабів він просто не вважав за людей, гідних спілкування з громадянами держави. Держава уявлялась йому об'єднанням вільних громадян, які спільно керують справами рабовласницького суспільства.

Аристотель цілком погоджувався з думкою свого вчителя Платона щодо тлумачення поняття «політика», хоча багато в чому їх погляди суттєво відрізнялися. За Платоном політика – це активна людська діяльність, що має на меті досягнення загального блага і задоволення соціальних потреб людей, що спрямовується тими, хто володіє вищою силою керівництва, «царським мистецтвом» управління у рамках законності. Головний сенс політики – запобігання соціальним конфліктам, що відбуваються внаслідок протиставлення бідності і багатства, зловживання владою, крайнощів демократії [18, с. 89–454].

Таким чином, викладене вище свідчить, що вчення Аристотеля та Платона не втратило своєї актуальності і в сучасному світі.

Актуальним сьогодні є також бачення «політики» класиком політичної науки, німецьким соціологом, одним із засновників сучасної політичної науки (концепція легітимності влади, теорія бюрократії, дослідження демократії) Максом Вебером

(1864–1920), який зазначив, що політика «означає прагнення до участі у владі або до здійснення впливу на розподіл влади – чи то між державами, чи то всередині держави між різними соціальними групами» [4, с. 644]. Вебер визначав політику як прагнення кожної людини брати участь у владі або впливати на розподіл її між групами в середині держави, як надію завжди знаходити зустрічне розуміння інших членів суспільства щодо своїх дій.

Визначення політики через владу характерне для багатьох мислителів: Нікколо Макіавеллі, Вільфредо Парето, Карла Маркса та інших. Такий підхід до розуміння політики характеризується як силовий, директивний.

Заслугове на увагу формулювання «політики» у третьому виданні (1961) Міжнародного словника американського лексикографа Нао Вебстера (1758–1843):

«– розділ етики, пов'язаний більше з державним і суспільним організмом у цілому, ніж з окремою особистістю, різновидом (підрозділ) моральної філософії, що має справу з етичними відносинами і обов'язками урядів (владних структур) або інших соціальних організацій;

– громадська та соціальна етика;

– політичні дії, практика;

– політичні відносини або ділове змагання між групами інтересів, а також індивідуумами за владу і лідерство;

– дії з метою розширення контролю з деякими іншими цілями поза урядовими групами;

– політичне життя як основна сфера діяльності або професія;

– політичне керівництво (проведення політики) у приватних справах;

– політичні принципи, переконання, думки або симпатії окремої особистості (жінки чи іншого політика);

– загальна сукупність взаємодіючих і зазвичай конфліктуючих відносин між людьми, що живуть у суспільстві;

– відносини між лідерами і нелідерами в будь-якому соціальному організмі (політичне співтовариство, церква, клуб або профспілка);

– політична наука.» [6]

Отже, політика – особлива сфера діяльності між класами, націями та іншими соціальними групами, ядром якої є проблема завоювання, утримання та використання державної влади та публічного управління.

До XIX століття політика розглядалася як вчення про державу, інституційну владу державного рівня.

З поділом влади в державі, децентралізацією владних повноважень, розвитком партійних систем, засобів масової інформації, численних і різноманітних соціальних спільнот, груп, об'єднаних спільними інтересами, потребами, змістом, політика і політичне життя уже не зводиться до державної влади.

Сьогодні немає людини, яка не відчувала б на собі вплив політики, яка вважала б себе поза політикою. Є такий вислів: якщо людина не цікавиться

політикою, то політика цікавиться людиною. Адже життя людини як істоти суспільної, соціальної – завжди життя політичне.

Таким чином, можна констатувати, що політика – особлива діяльність з управління державою, суспільством, організаційна і регулятивно-контролююча сфера суспільства, що здійснює, зокрема, управління економічною, правовою, соціальною, культурною, релігійною сферами [10, с. 531].

Політика постійно пов'язана з інтересами тих, хто бореться за завоювання або утримання влади, що в свою чергу завжди пов'язано з протиріччями та конфліктами між великими суспільними групами на основі поділу різних благ. В основі політики лежать або співпраця та взаємодопомога людей, або ворожнеча, конфронтація, насильство та конфлікти між ними і організаціями, що виражають їхні інтереси.

Сьогодні ми спостерігаємо ситуацію, яка склалася через неспроможність політичних сил узгодити свої дії, наслідком чого є гальмування вкрай потрібних законотворчих процесів і ослаблення публічного контролю. Варто звернути увагу на законопроекти, які стосуються виборчого законодавства, що за своєю актуальністю стоять над багатьма іншими, зокрема Виборчого кодексу, який став би єдиним законом із забезпечення однакових умов й адміністративних процедур для проведення всіх видів виборів. Перші намагання реалізувати ідею Виборчого кодексу були ще на початку 2000-их років. Починаючи з 2007 року ПАРС та Венеціанська комісія рекомендували українській владі розробити та прийняти Виборчий кодекс. За період 2008 – 2010 роки було підготовлено його проект та подано на розгляд парламенту. У 2010 році Венеціанська комісія надала висновок щодо проекту Виборчого кодексу Верховної Ради України (№ 593/2010) та повернула його на доопрацювання і ухвалення. До сьогодні парламентарі не знайшли можливості для прийняття у сфері безпосереднього народовладдя в Україні стратегічного рішення, орієнтованого на справді важливу перспективу – ухвалення Виборчого кодексу України. Та й загалом усе виборче законодавство політикум намагався «прилаштувати» під свої виборчі потреби. У новітній історії України було прийнято і діяло майже стільки законів про вибори народних депутатів, скільки власне відбулося самих виборів. Не меншою кількістю законів регулювались і місцеві вибори.

Неприйняття важливих державних рішень супроводжується загостренням усіх існуючих у межах країни конфліктів. Такі нерегульовані конфлікти зрештою можуть призвести до кризи.

Поняття «криза» – одне з найбільш складних, адже має чимало змістових відтінків інтерпретацій та сутнісних характеристик. Сам термін походить від грецького «krisis» – різкий перелом, тяжкий перехідний стан, крайня точка падіння, гостра нестача, невідповідність.

Причини кризи можуть бути різними. Вони поділяються на об'єктивні, пов'язані з циклічними потребами модернізації і реструктуризації, суб'єктивні

вні, що є наслідком помилок і волюнтаризму в управлінні, природні, обумовлені зміною клімату, землетрусами, повеннями та іншими природними катаклізмами, а можуть мати і техногенний характер, пов'язаний з діяльністю людини, наприклад аварія на ЧАЕС, вирубка лісів.

При цьому причини кризи можуть бути зовнішніми – зумовленими тенденціями і стратегією макроекономічного розвитку або навіть розвитку світової економіки, конкуренцією, політичною ситуацією в країні, і внутрішніми – пов'язаними з ризикованою стратегією маркетингу, внутрішніми конфліктами, недоліками в організації виробництва, недосконалістю управління, інноваційною та інвестиційною політикою [7, с. 510].

Для розуміння кризи велике значення мають не тільки її причини, а й різноманітні наслідки: можливе відновлення або руйнування, оздоровлення або загострення існуючої, і як наслідок виникнення нової кризи ще більш глибокої і тривалої. Вихід із кризи не завжди може мати позитивні наслідки у короткий термін. Хоча з політичних причин часто відбувається відтермінування вирішення кризових ситуацій на досить довгий час. Прикладом може слугувати відмова Януковича В.Ф. підписувати Угоду про асоціацію з Європейським Союзом, яка призвела до політичної кризи у вигляді Євромайдану 2013 року. Наслідком цієї кризи стала ще глибша політична і соціально-економічна криза та зовнішня агресія: анексія Автономної Республіки Крим Росією, неоголошена війна на Донбасі, економічна війна Російської Федерації проти України – відмова від товарів, заборона транзиту через територію Росії, шантаж енергоресурсами, що спричинило знецінення національної валюти України втричі тощо. Вирішити ці питання відразу Україна не в змозі, але поступово все ж таки відбуваються зміни: зокрема, підписання Угоди з Європейським Союзом, відновлення боєздатності Збройних Сил України, відмова від російських енергоносіїв, організація транзиту товарів в обхід Російської Федерації, освоєння нових ринків збуту, стабілізація грошової системи тощо.

Уперше теоретично осмислити кризові явища в політиці намагалися у своїх творах ще стародавні мислителі. Ця тема становила інтерес у контексті вчень про форми та засоби правління. Роздуми про політичну нестабільність можна знайти в літературних джерелах Стародавнього Єгипту і в давньоіндійській пам'ятці політичної думки – трактаті «Архашастра» [2, с. 76]. Такі ідеї обґрунтували у своїх творах Н. Макіавеллі [13, с. 97] та Конфуцій [12, с. 114].

Заслужують на увагу погляди Аристотеля, який одним із перших серед філософів став пов'язувати характер соціальної структури суспільства з його політичним устроєм та політичним розвитком. У своїх роботах він відзначав, що стабільність багато в чому залежить від наявності в суспільстві значного середнього прошарку. Таким чином, політична криза пояснювалася зміною соціальної структури суспільства, коли бідні верстви населення,

завжди маючи потенціал до радикальних дій, починали кількісно превалювати над іншими соціальними класами. Крім того, головною причиною політичної нестійкості, заколотів і зміни форми держави Аристотель вбачав у спотворенні принципу справедливості, коли олігархія посилює існуючу нерівність, а неправова влада демосу (охлократія) зрівнює багатих і простий народ [1, с. 85].

Загалом у вивченні проблематики політичних криз можна умовно виділити три періоди:

перший – донауковий (з часів Стародавнього Сходу і Античності до середини XIX ст.), коли політичні доктрини здебільшого містилися у філософських та релігійних текстах. Для донаукового періоду була характерна описовість та фрагментарність вивчення криз, що розглядалися як небажані явища, яких слід уникати;

другий – транзитивний, оскільки йдеться про перехід від релігійно-філософського до політологічного сприйняття феномену кризи (середина XIX століття – 1970-ті роки). Наукове пізнання в цей період дедалі більше базувалося на суто політологічному інструментарії. Саме тоді вперше було висунуто тезу про позитивний вплив кризи на розвиток політичної системи;

третій – політологічний (із 1970-х років і донині). У цей період проводиться дослідження та вивчення політичних криз на планетарному рівні, з використанням результатів екологічних, демографічних, економічних та інших досліджень.

Політична криза публічного управління проходить, як мінімум, три основні етапи:

– загострення та нагромадження суперечностей між громадянським суспільством і політикою правлячого кола, а також значної кількості невирішених конфліктів у суспільно-політичному житті суспільства, яке може тривати протягом певного часу. У разі відсутності реакції влади настає черговий етап;

– реальний конфлікт у суспільстві, який не можна врегулювати шляхом переговорів чи компромісів та який гальмує суспільний розвиток;

– загострення кризи, початок розпаду окремих політичних структур, втрата державним управлінням впливу на суспільні процеси [14, С. 51-53].

Саме на третьому етапі нині перебуває Україна.

Позачергові вибори Президента України та позачергові вибори народних депутатів України у 2014 році є тому підтвердженням, а також способом оновлення влади в цілому.

Як наслідок, в суспільстві виникли гострі протиріччя, які призвели до Революції Гідності. В цей час поживалася дискусія про боротьбу з корупцією в Україні, про недостатню ефективність щодо впровадження ініційованих владою реформ, про підвищенні рівня прозорості, відповідальності та незалежності системи судочинства, про деполітизацію та професіоналізацію системи державної служби, в тому числі органів місцевого самоврядування, почастишали взаємні звинувачення всередині влади тощо.

Та хоч би скільки говорили на різних рівнях політикуму про подолання політичної кризи, вона буде нездоланною, адже немає волі для її вирішення. Її причини не усунуті, тому вони й далі руйнують Україну.

Ними, на нашу думку, можуть бути:

- політична корупція та зловживання владними повноваженнями (корупція залишатиметься головним індикатором стану справ у політиці та економіці (митниця, податки, бюджетування, державні закупівлі тощо);
- неспроможність влади реалізувати означені цілі;
- гальмування програми реформ;
- перехід влади від політики реформ до режиму самозбереження;
- прояв у владі високого рівня конфліктності, низької управлінської ефективності, дефіцит суспільного діалогу;
- демонстрація правлячою більшістю мови торгу, шантажу, ультиматумів та чвар замість консенсусу та мови політики;
- криза довіри між учасниками коаліції;
- зростання напруження у відносинах між урядом та адміністрацією Президента (конкуренція за концептуальне лідерство), що призводить до конфлікту за повноваження та право визначати державний курс;
- позбавлення політичної опозиції в парламенті та за його межами можливості контролювати дії влади та впливати на формування державної політики, що в подальшому може привести до нової політичної кризи;
- відсутність ефективної системи державної регіональної політики та моделі реінтеграції країни програмує зіткнення і конфлікт відцентрових і доцентрових сил (може перерости у політичний клімч у взаєминах між центром і регіонами);
- загострення нерегульованого конфлікту на сході України, проблема переселенців, подвійне пенсійне забезпечення, відсутність артикульованої політики щодо майбутнього території Донбасу, збільшення злочинності на прилеглих до зони конфлікту територіях, контрабанда зброї та наркотиків в Україні через блокпости та лінії розмежування;
- інерційність зовнішньої політики (відсутність нових елементів та істотних корективів у порядку денному);
- відсутність нових ідей та проектів у зовнішній політиці;
- відсутність нових політичних ініціатив щодо прискорення реалізації Мінських домовленостей, розширення кола учасників перемовин, створення нових механізмів контролю над виконанням зобов'язань;
- зростання невдоволення у відносинах між Україною та західними партнерами, яке зумовлює часткове ігнорування, часткове зовнішнє втручання в управління країною;
- втрата ініціативи та руху в напрямку зовнішньополітичного курсу партнерів, що створюють певні ризики для національних інтересів, зокрема пра-

гнення партнерів України вести переговори з Російською Федерацією стосовно нормалізації відносин без урахування позиції України або за її рахунок (прикладом слугує зустріч «Нормандської четвірки» у Берліні 20 жовтня 2016 року без підписання жодного документа за її наслідками. «У підсумку Україна, Європа і світ отримали продовження і, на жаль, загострення конфлікту на континенті і глобального конфлікту» – прокоментував рішення «Нормандської четвірки» про дорожню карту щодо Донбасу експерт-представник України в політичній підгрупі Тристоронньої контактної групи з мирного врегулювання ситуації на Сході України Роман Безсмертний);

– розчарування та втрата довіри до дій української влади міжнародними фінансовими структурами, великого глобального бізнесу (основними контрагентами українського уряду залишаються міжнародні фінансові інститути (МВФ, ЄБРР), що мають чіткі критерії надання кредитних ресурсів та інструменти контролю за їх використанням);

– криза довіри громадян до всіх органів влади (політична еліта після зміни влади в 2014 році не виправдала отриманий кредит довіри. Діяльність керівників держави оцінюється населенням країни вкрай критично і негативно, що може викликати загострення суспільно-політичної ситуації і протестних настроїв).

Наслідки кризи в Україні триватимуть до того моменту, доки не будуть спочатку публічно усвідомлені причини цієї кризи більшістю правлячого класу, доки політики, хоча б під тиском суспільства і Заходу, не почнуть змінювати існуючу систему, проводити реформи, а ті, хто дійсно призвів до цієї кризи, не будуть усунуті від влади.

Разом з тим, на думку теоретиків політичних наук, політична криза має також позитивні сторони: нове співвідношення сил та інтересів, що стане поштовхом для початку для нового етапу суспільного розвитку.

ВИСНОВКИ ТА ПРОПОЗИЦІЇ. Сьогодні гостро стоїть проблема переосмислення власної історії, причин поразок і перемог, втрат і досягнень. Виникає потреба пошуку нової моделі національного розвитку, визначення пріоритетів і стратегій держави на найближче майбутнє. Це можливо зробити лише в контексті світових процесів, ураховуючи історичний досвід як України, так і інших країн.

Політична система України впродовж незалежності перебуває в нестабільному стані, науковці її називають перехідною від радянської до демократичної, що дає підстави говорити про системну політичну кризу в країні.

Нинішня політична криза в Україні є лише зовнішнім виявом глибокої системної кризи, яку сьогодні переживає держава, не реформована з часів розпаду колишнього СРСР.

Відсутність політичної волі до реального реформування, нагромадження помилок та прорахунків, починаючи з 1990-х років, спричинили кризову ситуацію в державі, що тягнеться до сьогодні та заважає становленню держави як сильного суб'єкта на міжнародній арені.

Беручи до уваги викладене вище, можна стверджувати, що політична криза в Україні в 2013–2014 років зрушила з місця трансформаційні процеси в суспільстві. Громадяни України почали усвідомлювати, що влада та суспільство – це не дві протилежні сили, а взаємозалежні системи, які не можуть існувати одна без одної. На жаль, подальші події показали слабкість процесів, що відбуваються, та надзвичайну здатність пострадянської системи до самовідтворення. Тому існує нагальна потреба подальших досліджень у цій галузі, аналізу кризової ситуації та розроблення дієвих антикризових механізмів взаємодії громадянського суспільства та влади для встановлення взаємовідносин з чіткими правилами гри для всіх учасників процесу та розбудови сильної країни, у якій мріє жити кожен громадянин. Особливо важливим є використання антикризових механізмів у виборчому процесі.

Дослідження політичної кризи в Україні нині є дуже актуальним. Криза виявляє всі огріхи в роботі державних механізмів і показує, що публічне управління потребує перезавантаження.

Головні причини політичної кризи публічного управління не усунуті і вони й далі руйнують країну. Подолати цю кризу можна тільки за умови антикризового управління.

Ключовими функціями антикризового публічного управління повинно бути запобігання кризовим явищам, їх дослідження і вироблення заходів до їх подолання. З цією метою слід об'єднати зусилля науковців для аналізу інформаційних потоків, пов'язаних із виникненням криз та їх подоланням.

Одним із результатів цієї роботи повинен стати вибір стратегії забезпечення безпеки країни у широкому розумінні, що спирається на наукову основу та об'єктивну оцінку потенціалу України.

Щоб досягти якісних змін, на нашу думку, варто:

- розробити державну антикризову стратегію розвитку України;
- розробити антикризову програму оперативного реагування;
- впровадити в життя оптимальні процедури пошуку і узгодженого прийняття управлінських рішень на всіх рівнях;
- розробити концепцію кризостійкості держави з метою запобігання, протистояння та захисту від криз, викликів внутрішнього і зовнішнього середовища, надання можливості до самозбереження шляхом прогнозування, подолання кризових явищ та трансформації кризових загроз у нові можливості;
- удосконалити виборче законодавство шляхом ухвалення Виборчого кодексу, що став би інструментом захисту народного та державного суверенітету, який забезпечується лише справжніми виборами як єдиним легітимним інститутом формування влади і в центрі, і на місцях;
- передбачити реальні можливості корегування помилок;
- запровадити прогресивні зміни для покращення життя населення;

- забезпечити в правовому полі діяльність органів державної влади і управління, встановити демократичну процедуру законотворчості, дію всіх державних органів у рамках і на основі закону, дотримуватися правових процедур вирішення спорів;

- провести глибокий аналіз, прогноз та моделювання існуючої соціально-економічної ситуації;

- налагодити максимально тісний взаємозв'язок між органами публічної влади та громадянським суспільством не лише з метою подолання існуючих криз, а й з метою запобігання кризовим явищам;

- створити програми реального підйому економіки, визначити суспільно значущі перспективні цілі;

- створити належне інформаційно-комунікаційне забезпечення між інституціями громадянського суспільства та органами публічної влади з метою роз'яснення змісту державної політики щодо державно-управлінських реформ.

Таким чином, для України необхідною умовою успішного виходу з кризи є наявність власної стратегії антикризового управління, орієнтованої на мінімізацію політичних, економічних, соціально-етичних та інших втрат, які при цьому неминучі. Тому дослідження антикризового менеджменту в публічному управлінні є досить актуальним і потребує поглибленого вивчення та розвитку, що буде предметом наших подальших наукових досліджень.

Список літератури:

1. Аристотель Політика [Текст] / Аристотель; пер. з давньогрек. та передм. О. Кислюка. – К.: Основи, 2003. – 239 с.
2. Артхашастра или Наука о политике. – М., Л.: Изд-во АН СССР, – 1959. – 802 с.
3. Бакуменко В.Д. Формування державно-управлінських рішень: Проблеми теорії, методології, практики Моногр. / В.Д. Бакуменко: – К.: Вид-во УАДУ. – 2000. – 328 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990, с. 644
5. Bouckaert G. Modernizing the Rechtsstaat: Paradoxes of the Management Agenda [Text] / G. Bouckaert. – Berlin : Duncker & Humblot, 2002. – P. 26.
6. Gove, Philip B. (1961). Webster's Third New International Dictionary. Preface. G. & C. Merriam.
7. Градов А.П. Стратегия и тактика антикризисного управления фирмы / А.П. Градов, Б.И. Кузин, А.В. Федотов и др.; под общ. ред. А.П. Градова, Б.И. Кузина. – СПб. : Специальная литература, 1996. – 510 с.
8. Державна служба: підручник: у 2 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентові України; редкол.: Ю.В. Ковбасюк (голова), О.Ю. Оболенський (заст. голови), С.М. Сergyо́гін (заст. голови) [та ін.]. – К.; Одеса: НАДУ, 2013. – Т. 2. – 348 с.)
9. Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях [Текст] / М. Доган // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 5. – С.85–93.
10. Енциклопедичний словник з державного управління / уклад.:Ю.П. Сурмін, В.Д. Бакуменко,

А.М. Михненко та ін.; за ред. Ю.В. Ковбасюка, В.П. Трощинського, Ю.П. Сурміна – К.: НАДУ, 2010. – С. 531

11. Keeling D. Management in Government [Text] / D. Keeling. – London: Allen & Unwin, 1972. – P. 15

12. Конфуций. Луньюй. – М.: Издательство АСТ, 2010. – 416 с.)

13. Макиавелли Н. Государь. – М.: Издательство: Олма Медиа Групп, 2011. – 304 с.

14. Мелеганич Г. Характерні ознаки кризи державного управління в Україні / Ганна Мелеганич // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Політологія. Соціологія. Філософія. Вип.18 / Міністерство освіти і науки України; Ужгород. нац. ун-т; ред. кол. Варзар І., Вегеш М., Денисенко В. та ін. – Ужгород: Вид-цтво «Інватор», 2015. – С.51-53.)

15. Мироненко П.В. Політична стратегія і тактика в умовах нестабільності суспільно-державного розвитку: автореф. дис. канд. політ. наук: 23.00.02 / П.В. Мироненко; Ін-т держави і права ім. В.М.Корецького НАН України НАН України – К., 2009. – С. 4

16. Парсонс Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс; пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.

17. Пахомова Т.І. Щодо механізмів управління кризами суспільного розвитку в системі державного управління / Т.І. Пахомова // Економіка і держава.– 2006. – № 8. – С.66 [Електронний документ]. – Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/tppd/2008-4/R_2/09ptisdu.pdf.

18. Платон. Государство [Текст] / Платон // Сочинения: в 3 т.: пер. с древнегреч / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 89–454.

19. Flanagan S. Models and Methods of Analysis [Text] / S. Flanagan, G. Almond // Crisis, Choice and Change. – Boston, 1973. – P. 43–102

20. Zimmermann, E. Crises and Crises Outcomes: Towards a New Synthetic Approach [Text] / E. Zimmermann // European of Political Research. – 1979. – №. 7. – P. 67–115

21. Шарий В.І. Антикризисні технології як механізм реалізації цілей державного управління: Дис. канд. наук з держ. упр. / В.І. Шарий– К., 2006. – С. 25.

22. Штомпка П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Yashchenko Tatiana

Post-graduate student,

Chair of the regional administration,

local self-government and city management

National Academy for of Public Administration

under the President of Ukraine

Яценко Тетяна

аспірант кафедри регіонального управління,

місцевого самоврядування та управління містом

Національної академії державного управління

при Президентові України

MULTILEVEL GOVERNANCE, TERRITORIAL DEVELOPMENT PLANNING ASPECTS

БАГАТОРІВНЕВЕ УПРАВЛІННЯ: АСПЕКТ ПЛАНУВАННЯ ТЕРИТОРІАЛЬНОГО РОЗВИТКУ

Summary:

Ukrainian selection focused on European integration requires the implementation of European practices in various aspects of governance, including planning and development of territory. Further development of domestic regional governance involves new approaches to fulfil cooperation between different levels of government. Multilevel governance under White Paper, approved by the Committee of the Regions in 2009, is one of such approaches. The article offers a review of territorial development planning as multilevel governance.

Keywords: multilevel governance, cooperation, public authorities, development program.

Анотація. Український вибір зорієнтований на європейську інтеграцію потребує імплементації європейських практик у різних аспектах державного управління, в тому числі і у питаннях планування розвитку території. Подальший розвиток вітчизняного регіонального управління передбачає запровадження нових підходів для сприяння реалізації потенціалу взаємодії між різними рівнями влади. Одним із таких підходів є багаторівневе управління за Білою книгою, яка була схвалена Комітетом регіонів ЄС у 2009 р. У статті пропонується розгляд планування територіального розвитку як багаторівневе управління.

Ключові слова: багаторівневе управління, взаємодія, публічна влада, програма розвитку.

Постановка проблеми у загальному вигляді.

Для забезпечення сталого розвитку територій необхідна побудова ефективної системи управління, яка спирається на міжрівневу взаємодію багатьох суб'єктів.

“Багаторівневе управління” за Білою книгою (схваленою Комітетом регіонів ЄС у 2009 р.) передбачає використання певного методологічного підходу, що має враховувати особливості політико-інституційної системи Європейського Союзу та специфіку інтеграційних процесів усередині ЄС.

Ознаками багаторівневого управління є наявність різних управлінських рівнів, компетенції яких взаємно перетинаються, але головна увага приділяється взаємодії учасників на різних рівнях управління. За таких умов виникає складна мережа взаємодій, яка охоплює всі рівні управління одночасно.

Загалом під багаторівневим управлінням розуміють практику підготовки та прийняття рішень на наднаціональному, національному, регіональному та місцевому рівнях. Хоч, відповідно до актів ЄС, існує багаторівнева структура, компетенції регіонального рівня прийняття рішень визначаються винятково національним законодавством.

Багаторівневе управління передбачає не простий перерозподіл повноважень між різними рівнями прийняття рішень, а прийняття узгоджених рішень багаторівневими неієрархічними наднаціональними та національними установами, зокрема із залученням недержавних акторів [9].

З огляду на такий підхід багаторівневе управління можна розглядати як діяльність, що здійснюється органами виконавчої влади та місцевого самоврядування для забезпечення соціально-економічного розвитку.

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Сутність питання багаторівневого управління, мережевого управління досліджували у своїх працях такі вітчизняні науковці як А.Колодій, А.Пухтецька, В.Авер'янов, В.Копійка, В.Стрельцов, З.Балабаєва, І.Грицьак, Н.Вінникова та ін.

Метою статті є аналіз діяльності органів влади з планування соціально-економічного розвитку територій в умовах багаторівневого управління.

Виклад основного матеріалу

Органи виконавчої влади та органи місцевого самоврядування є учасниками багаторівневої політико-інституційної системи України. Порядок діяльності зазначених органів регулюється законами України «Про місцеві державні адміністрації» та «Про місцеве самоврядування в Україні». Основна діяльність органів державної влади спрямовується на реалізацію загальнонаціональної державної політики та її ефективне поєднання з місцевою. Одним з інструментів реалізації діяльності органів виконавчої влади є планування соціально-економічного та культурного розвитку. Водночас, до повноважень органів місцевого самоврядування відноситься підготовка програм соціально-економічного та культурного розвитку та організація їх виконання. Така спільність компетенції в умовах багаторівневого управління передбачає вироблення узгоджених принципів, процедур, порядку розробки та реалізації програм.

Отже, однією з найважливіших функцій органів публічної влади є планування розвитку території. Напрямок діяльності органів публічної влади на підпорядкованій території визначається пріоритетами закладеними у програмах розвитку. Особливостями таких програм є те, що кожна з них визначає свій напрямок і умови розвитку.

Планування об'єднує структурні підрозділи органів влади спільною метою, надає всім процесам координативності, що дає змогу найбільш повно й ефективно використовувати наявні ресурси, комплексно, якісно та своєчасно вирішувати різноманітні повсякденні завдання. У роботі з підготовки програмних документів вони керуються рядом законодавчих актів, до яких в першу чергу необхідно віднести закони України “Про державне прогнозування та розроблення програм економічного і соціального розвитку України”, “Про державні цільові програми”, постанов Кабінету Міністрів України “Про затвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року”, “Про деякі питання щодо забезпечення участі громадськості у формуванні та реалізації державної політики», «Про Порядок оприлюднення у мережі Інтернет інформації про діяльність органів виконавчої влади», розпорядження Кабінету Міністрів України «Про схвалення Концепції вдосконалення системи прогнозних і програмних документів з питань соціально-економічного розвитку України» та інші.

Забезпечення соціально-економічного розвитку територій на обласному, районному та місцевому рівнях здійснюють органи влади шляхом реалізації довго-, середньо- та короткострокових програм. До таких програм відносяться стратегії економічного та соціального розвитку України; державної стратегії регіонального розвитку; програми соціально-економічного розвитку та інші.

Довгострокові програми/планові документи визначають напрямок розвитку держави, регіонів, окремих територій і розробляються терміном понад 5 років (стратегія економічного та соціального розвитку України) Середньострокові програмні документи розробляються строком до 5 років на підставі довгострокових і визначають умови соціально-економічного розвитку їх метою є досягнення стратегічних цілей (стратегія розвитку галузі економіки (сфери діяльності). Короткострокові програми соціально-економічного розвитку розробляються на підставі середньострокових планових документів і визначають цілі на наступний рік. Термін дії яких до року (програми соціально-економічного розвитку).

Планові документи розробляються на підставі аналізу ситуації, що склалася на певній адміністративно-територіальній одиниці, її стану виробничого, науково-технічного та трудового потенціалу, конкурентоспроможності, рівня розвитку економіки і соціальної сфери та з урахуванням впливу політичних, економічних та інших факторів.

Порядок підготовки програм планування передбачає тісну взаємодію всіх зацікавлених сторін процесу. Учасниками якого стають представники

органів влади, місцевого самоврядування, підприємницьких бізнес-структур, представники громадськості, які уособлюють різні рівні багаторівневого управління.

Плановим документом національного рівня є Стратегія сталого розвитку «Україна-2020», що визначає напрямки та пріоритети розвитку України на період до 2020 року. Вона є суспільним договором між владою, бізнесом та громадянським суспільством. Передумова реалізації Стратегії це – суспільний договір між владою, бізнесом та громадянським суспільством, де кожна сторона має свою зону відповідальності. Стратегія має чотири вектори руху, це – сталий розвиток країни; безпека держави, бізнесу та громадян; відповідальність і соціальна справедливість; гордість за Україну в Європі та світі. Пріоритетним напрямом стратегії є реалізація програм енергонезалежності, популяризації України у світі та просування інтересів держави у світовому інформаційному просторі. У реальному житті компоненти стратегії є сукупністю або системою різних і постійних взаємодій.

Рівень загальнодержавного розвитку окреслює Державна Стратегія регіонального розвитку на період до 2020 року. Стратегія визначає цілі державної регіональної політики та основні завдання центральних та місцевих органів виконавчої влади і органів місцевого самоврядування, спрямовані на досягнення зазначених цілей, а також передбачає узгодженість державної регіональної політики з іншими державними політиками, які спрямовані на територіальний розвиток [3].

Зазначена Стратегія виступає важливим інструментом посилення партнерства між облдержадміністрацією, обласною радою, органами місцевого самоврядування, широким колом організацій громадянського суспільства, бізнесом. Вона є сприятливим елементом для створення публічно-приватних партнерств, що має позитивний вплив на місцевий діловий клімат та конкурентне становище громади, а також на вирішення інших питань забезпечення життєдіяльності території.

На регіональному рівні основою для розвитку є соціально-економічні стратегії, і які зорієнтовують діяльність органів публічної влади в напрямі стабілізації та підвищення якості життя населення на основі підвищення ефективності економіки і забезпечення додаткових надходжень в бюджети всіх рівнів за рахунок активізації інноваційних й інвестиційних процесів.

Стратегія соціально-економічного розвитку регіону визначає зміст основних напрямів діяльності органів публічної влади: управління соціально-економічним розвитком; управління бюджетом і фінансами; управління економікою і підприємництвом; управління майном і землею; управління зовнішньоекономічною діяльністю; охорона навколишнього середовища. Процес формування стратегії соціально-економічного розвитку регіонів є одним із найважливіших напрямів діяльності виконавчих і законодавчих органів місцевої влади. Також розробка стратегії є основою

для налагодження партнерства між обласною державною адміністрацією, обласною радою, районними державними адміністраціями, міськими та районними радами, вищими навчальними закладами, широким колом організацій громадянського суспільства.

Стратегія розглядається як плановий документ найвищого рівня в регіоні, а отже її реалізація вимагає зосередження фінансових, фізичних та людських ресурсів. Спільні зусилля адміністративних органів, громадянського суспільства, наукових кіл і громадян покликані забезпечити успішну реалізацію пріоритетів та заходів стратегії. Зосередження та належна координація наявних фінансових ресурсів, одержаних за рахунок бюджетів усіх рівнів, власних коштів підприємств, іноземних та вітчизняних інвесторів, коштів міжнародних фінансових організацій, є підґрунтям для досягнення цілей, визначених у стратегії.

Місцеві програми соціально-економічного розвитку розробляються з метою втілення єдиної політики розвитку району на рік, що вимагає визначення конкретних пріоритетів у соціальній та економічній сферах, належної взаємодії органів виконавчої влади та органів місцевого самоврядування. Програми розробляються на підставі аналізу тенденцій соціально-економічного розвитку території, оцінки ресурсного потенціалу за минулий рік визначаються актуальні проблеми соціально-економічного розвитку, пріоритети, основні завдання та заходи економічної та соціальної політики на наступний рік, а також критерії реалізації. На даному рівні процес планування відбувається за принципом «зверху – донизу», що передбачає обов'язкове дублювання на місцевому рівні майже всіх програм, які прийняті на загальнодержавному рівні.

Планування діяльності органів влади України, що складається терміном на один рік є оперативним або звичайним плануванням. На практиці дуже часто оперативне планування трактується як стратегічне. Але у порівнянні зазначені види планування мають суттєві відмінності. Стратегічне планування наділяють властивостями передбачливості, зосередженості на конкретних цілях, з терміном дії понад три роки. Оперативне ж планування навпаки є реактивним, має загальні цілі, є простим і елементарним, термін дії його до одного року.

Якщо система стратегічного планування зорієнтована на прискорене досягнення стратегічних цілей розвитку, то оперативне зосереджується на вирішенні нагальних проблем. Тому основою реалізації стратегічних документів має стати оперативний план, адже за допомогою нього висвітлюються назрілі проблеми сьогодення та на які пріоритети повинен спрямовуватись розвиток території.

Перевагою підготовки оперативного плану є його надзвичайна практичність, яка вимагає від розробників визначати та узгоджувати вартість заходів, що пропонуються, відповідальних за їх виконання та джерела фінансування. Підготовка стратегії зазвичай не ставить такої жорсткої вимоги

щодо фінансових аспектів, бо відповідь на питання фінансового забезпечення є дуже загальною [2, с. 5].

Оперативне планування у сфері державного управління якраз і має стати найважливішим інструментом дотримання принципу збалансованості інтересів та встановлення системи партнерства між органами публічної влади.

З огляду на описані вище програми розвитку території в Україні можна зазначити, що це система багаторівневого управління, що передбачає узгоджені принципи, методи, порядок розробки програм.

Так, принципами ефективного врядування за Білою Книгою є: відкритість, участь, підзвітність, ефективність та злагодженість. Кожен принцип є важливим для більш демократичного врядування. Вони підтримують демократію та принцип верховенства права у державах-членах ЄС, але можуть бути застосовані на усіх рівнях влади – світовому, Європейському, національному, регіональному і місцевому[4].

Принцип відкритості передбачає активну працю інституцій, що активно обмінюються інформацією з державами-членами ЄС, відносно того, що робить ЄС та які рішення він приймає. Наступний принцип участі має на увазі якість, ефективність політики ЄС, залежить від участі широкого кола осіб та організацій в процесі творення політики. Але особлива увага зосереджується на багаторівневому партнерстві. Підзвітність інституцій ЄС у законодавчому та виконавчому процесах має бути зрозумілою. Ефективність і своєчасність базується на чітких завданнях, оцінкою майбутнього впливу з використанням попереднього досвіду. Потреба в узгодженості зростає через різноманітність характерної для ЄС, яка передбачає доступність політики та рішень, що приймаються на рівні інституцій ЄС.

Учасники підготовки планових документів в Україні дотримуються принципів: партнерства, що має забезпечити сталість рішень і формування спільної відповідальності за їх запровадження; причетності та участі, що сприятиме розбудові широкого соціального консенсусу та чіткої громадської підтримки оперативного плану і включених у нього проєктів; прозорості, що передбачає громадські обговорення та широке ознайомлення з результатами; відповідності стратегічному баченню, довгостроковим пріоритетам і середньостроковим стратегічним цілям; узгодженості документів з планування; безперервності моніторингу, аналізу та коригування.

Тож прослідкувавши за принципами оперативного планування та ефективного врядування можна сказати, що вони в більшій своїй частині перетинаються.

Методом багаторівневого управління, для узгодження інтересів і дій, в країнах ЄС використовується «відкритий метод координації» (Open Method of Coordination). Етапами якого є:

- визначення загальних цілей;
- розробка загальних показників;
- підготовка спільних багаторівневих стратегій та проєктів;

- підготовка спільних доповідей на європейському рівні;

- оцінка і взаємне навчання [1].

Даний метод європейського врядування розуміється як інструмент вироблення, реалізації та координації спільних політик ЄС; як інструмент "бенчмаркінгу" - оцінювання та порівняння досягнень різних суб'єктів врядування. Тому запровадження такого методу для України стало би слушною нагодою для порівняння розвитку території як на національному рівні так і на місцевому чи регіональному. Адже нині діюча система звітування про виконання планових документів досить застаріла і вимагає нових підходів вирішення. Сутність моніторингу програм має заключатися не у звітуванні про виконання, а у визначенні просування до розвитку.

Але розвиток буде здійснюватись з врахуванням взаємодії всіх учасників підготовки та реалізації причому взаємодія має бути як вертикальна так горизонтальна. Прикладом можуть стати концепції сучасного соціо-політичного управління "Governing", "Governance" та "Governability". Вони складають теорію налагодження взаємодії між різними учасниками державно-суспільних відносин. Вертикальне управління "Governing" зберігає значення в структурно-функціональному аспекті щодо взаємодії центру та влади на місцях. Горизонтальні структури управління, здійснюваного на засадах "Governance", діють в межах наданих повноважень в інтересах суспільства, за його дієвої підтримки та під громадським контролем. Можливості продуктивного функціонування влади забезпечує "Governability", тобто керованість усієї системи управління [8].

Іншими словами, керованість всієї системи планування на різних рівнях повинна здійснюватись взаємоузгоджено як на горизонтальному так і вертикальному рівнях.

Висновок.

Зазначена мережа взаємодій різних управлінських рівнів, що виникає при реалізації програм розвитку територій є ознакою багаторівневого управління. Адже прийняті рішення на національному рівні поширюються на регіони та місцевий рівень. На кожному з рівнів присутня взаємодія учасників планувального процесу, яка вимагає постійної участі.

Отже, така система взаємодії суб'єктів різних рівнів в Україні: національного, державного, регіонального та місцевого вирішують одне завдання – розвиток території на кожному з рівнів.

Кожний виконаний проєкт і кожне економічне покращання змінює середовище для майбутніх оперативних дій і стратегічного планування. Змістове наповнення плану залежить від низки ключових факторів, до яких в першу чергу належить запровадження нових підходів, що сприятимуть реалізації потенціалу взаємодії між політичними, економічними і соціальними учасниками планування, кожного із зазначених вище, рівнів, підвищить ефективність вирішення питань суспільного значення.

Тож для побудови ефективної системи впливу управління, яка б діяла ефективно через міжрівневу взаємодію багатьох суб'єктів і забезпечила сталий розвиток територій, необхідно розглядати підхід планування на основі моделі багаторівневого управління.

Список літератури

1. Green Paper on Territorial Cohesion Turning territorial diversity into strength, 6 October 2008 : Document of Committee of the Regions (CoR) EU [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0616:FIN:EN:PDF>
2. Берданова О., Фишко Є. Оперативне планування реалізації стратегії територіального розвитку: Практичний посібник / [Берданова О., Фишко Є.]; Швейцарсько-український проект «Підтримка децентралізації в Україні – DESPRO». – К. : ТОВ «Софія-А». – 2012. – 48 с.
3. Державна стратегія регіонального розвитку на період до 2020 року : затв. постановою Кабінету Міністрів України від 6 серп. 2014 р. № 385 // Уряд. кур'єр. – 3 верес. 2014 р. – № 160.
4. Європейське врядування. Біла книга. Брюссель, 25.7.2001 COM (2001) 428 остаточна редакція [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.pravo.org/ua/files/konstatyuc/WHITE_BOOK_UKR_REV.pdf.
5. Конституційні акти Європейського Союзу (в редакції Лісабонського договору) / за заг. ред. Геннадія Друзенка. – К.: К.І.С., 2010
6. Про засади державної регіональної політики : Закон України від 05 лют. 2015 р. № 156-VIII // Уряд. кур'єр. – 11 берез 2015 р. – № 44.
7. Про Стратегію сталого розвитку “Україна – 2020” : Указ Президента України від 12 січ. 2015 р. № 5/201 // Уряд. кур'єр. – 2015. – 15 січ. – № 6.
8. Розвиток системи управління в ЄС: досвід для України : наук. розробка / О. Я. Красівський, О. С. Киричук та ін. ; за заг. ред. О. Я. Красівського. – К. : НАДУ, 2013. – 56 с.
9. Шевчук Б. Реформи управління в Європейському Союзі: основні напрямки, принципи, інструменти. Науковий вісник «демократичне врядування». 20013 – Вип. 11

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 616.89-008.48.:616-055.2

М. В. Савина*Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина МОН Украины*

СПЕЦИФИКА СУПРУЖЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ ЖЕНЩИН С НАРУШЕНИЕМ ЗДОРОВЬЯ СЕМЬИ И РАЗЛИЧНЫМ АДДИКТИВНЫМ СТАТУСОМ

На основе клинико-психологического и психодиагностического обследования 421 супружеской пары, среди которых у 321 супружеской пары диагностированы нарушения семейных отношений и аддиктивное поведение в спектре социально-приемлемых аддикций у женщин, у 50 супружеских пар – нарушение семейных отношений, и у еще 50 пар – гармоничные отношения, определены особенности их супружеской конфликтности и детско-родительских отношений.

В результате работы установлено, что дети из конфликтных семей, независимо от аддиктивного статуса их матерей, показали наличие проблем в конкретно-личностном отношении ребенка к ближайшему внутрисемейному окружению (матери, отцу или обоим родителям), что свидетельствовало о деформации детско-родительских отношений. Ни в одной из таких семей не встречалось гармоничного типа воспитания ребенка. Дети из благополучных семей продемонстрировали гармоничное детско-родительское взаимодействие.

Интерпретация рисунков детей из конфликтных семей свидетельствовала о переживаниях выраженного психологического дистресса: состояния тревожности, напряженности, чувства опасности и угрозы с актуализацией психологических механизмов защиты, в отличие от детей из благополучных семей, продемонстрировавших оптимистическое и доверительное отношение к миру.

Среди проблемных семей наиболее высокий уровень конфликтности и деформации детско-родительских отношений выявился присущ супругам с нарушением семейного здоровья и отсутствием аддиктивных проявлений у женщин; умеренный уровень был выявлен в семьях, в которых женщины отличались напряженностью аддиктивного статуса по социально-приемлемым аддикциям, не достигающим в большинстве случаев до клинически значимого уровня зависимости.

У женщин с аддиктивной компрометацией выявлено наличие значительного уровня переживаний вины, тревожности и напряжения, связанные с нарушением семейных отношений, несмотря на умеренный уровень деформации семейного взаимодействия. В же время, у женщин без аддиктивных проявлений общее чувство семейной тревоги, как и переживания ее составляющих (кроме нервного напряжения), практически отсутствовали, в отличие от их мужей, продемонстрировавших высокий уровень семейной тревоги и переживаний по поводу имеющихся нарушений семейного здоровья.

Можно предположить, что аддиктивное поведение, выявленное у женщин с умеренной выраженностью нарушения семейного здоровья, становилось способом канализации психоэмоционального напряжения, возникшего вследствие деформации семейных отношений, и снижало уровень его выраженности, вызывая, однако, чувство семейной тревоги и вины за происходящее. В отличие от них, женщины с нормативным аддиктивным статусом, имеющийся негативный психоэмоциональный фрустрационный фон реализовывали в рамках семьи, создавая тем самым высокий уровень супружеской и детско-родительской конфликтности и не испытывая при этом ни вины, ни тревожности за происходящее.

Полученные результаты были положены нами в основу при разработке комплексной системы психологической коррекции и психопрофилактической поддержки здоровья семьи женщин с социально-приемлемыми формами аддиктивного поведения.

Ключевые слова: нарушение здоровья семьи, аддиктивное поведение, женщины, супружеская конфликтность, детско-родительские отношения, семейная тревога.

M. V. Savina

SPECIFICS OF CONJUGAL CONFLICT AND PARENT-CHILD RELATIONSHIPS IN FAMILIES WOMEN WITH FAMILY HEALTH DISORDERS AND VARIOUS ADDICTIVE STATUS

On the basis of the clinical and psychological survey of 421 married couple, among whom 321 couple diagnosed disorders of family relationships and addictive behavior in the spectrum of socio-acceptable addiction in women, 50 couples - a violation of family relations, and another 50 pairs - harmonious relations, defined the characteristics of their marital conflict and child-parent relationships.

As a result of the work found that children from families of conflict, regardless of the status of their mothers addictive, showed the existence of problems in the concrete personality of a child to the nearest intra-environment (mother, father or both parents), indicating that the strain of parent-child relations. None of these families have not met harmonious type of child rearing. Children from wealthy families demonstrated a harmonious parent-child interaction.

Interpretation of drawings of children from conflict families testified to express feelings of psychological distress: the state of anxiety, tension, feelings of danger and threat to the actualization of psychological defense mechanisms, as opposed to children from wealthy families who have demonstrated an optimistic and trusting relationship to the world.

Among the most problematic families with a high level of conflict and strain child-parent relationship has inherent in spouses with violation of the family's health and the absence of addictive manifestations in women. Moderate level have been identified in families in which women are different intensity addictive status on social and affordable addiction, does not reach the majority of cases to a clinically significant level of dependence.

Women with addictive compromising revealed the presence of significant levels of guilt feelings, anxiety and stress associated with impaired family relations, in spite of the moderate level of the strain of family interaction. In women without addictive manifestation of a general feeling of family anxiety, as well as the experience of its components (except nervous tension), is almost absent, unlike their husbands who have demonstrated a high level of family concerns and experiences about existing family health problems.

We can assume that addictive behavior, revealed in women with moderate disorders of family health, becomes a way of sewage emotional stress arising due to strain family relationships and reduced the level of its severity, causing, however, a sense of family anxiety and guilt for what is happening. In contrast, women with addictive regulatory status, the existing negative psycho-emotional background of frustration implemented within the family, thus creating a higher level of marital and parent-child conflict, and without feeling any guilt or anxiety for what is happening.

The results were put in the basis to develop a comprehensive system of psychological treatment and support for women psychoprophylactic family health with social and acceptable forms of addictive behavior.

Keywords: violation of family health, addictive behavior, women, married conflict, parent-child relationships, family anxiety.

На сегодняшний день во всем мире происходит кризис института семьи [1 – 3]. Семья переживает сложный этап в связи с трансформацией роле-статусных позиций супругов, что в некоторых случаях ведет к отсутствию стремления создавать семью или осуществлять усилия по ее сохранению и укреплению. Интерес к изучению этой темы издавна привлекал внимание исследователей, поскольку именно институт семьи является одной из основ любого общества. Успешность здоровья семьи состоит не только из соматического, психического и сексуального здоровья каждого из ее членов, а предполагает также адаптацию на всех уровнях взаимодействия. Согласно результатам научных исследований научной школы В. В. Кришталея, нарушения здоровья семьи обуславливается, прежде всего, дезадаптацией супругов на разных уровнях взаимодействия [4 – 6].

Дезадаптация – нарушение приспособления человека к условиям социальной среды. Дезадаптацию рассматривают также как психическое состояние, возникающее в результате несоответствия психологического или социопсихологического статуса человека. В зависимости от природы, характера и степени проявления различают психическую, социальную и супружескую дезадаптацию. Изучение причин и механизмов нарушения супружеской адаптации, как основы нарушений здоровья семьи, а также разработка эффективных методов ее диагностики и коррекции, представляют собой актуальную медицинскую и психологическую проблему.

Целью данной работы было изучение особенностей семейных ролей и детско-родительских отношений в семьях женщин с нарушением здоровья семьи и различным состоянием аддиктивного статуса, для выявления мишеней дальнейшей психокоррекционной работы.

Контингент и методы исследования. Для достижения поставленной цели, на основе информированного согласия с соблюдением принципов биоэтики и деонтологии обследовано 371 супружескую пару (СП), обратившихся за помощью по поводу нарушения семейных отношений в учреждения, являющиеся клиническими базами кафедры психиатрии, наркологии, неврологии и медицинской психологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина МОН Украины, а также кафедры сексологии, медицинской психологии, медицинской и психологической реабилитации Харьковской медицинской академии последипломного образования МОЗ Украины (основная группа, ОГ). В качестве группы сравнения обследовано 50 условно гармоничных СП (ГС).

У всех СП были дети, причем у 58 пар – двое, у остальных – один ребенок. Всего в исследовании приняли участие 479 детей в возрасте от 6 до 16 лет, из них 257 девочек и 222 мальчика.

Оценку детско-родительских отношений проводили клинико-психологическим и психодиагностическим методами с использованием методики Р. Жилия [7], методики проективного рисунка, направленного интервью (у детей), а также методики Parental Attitude Research Instrument (PARI) Е. С. Шефер и Р. К. Белла, адаптированной Т. В. Нещерет [7], и методики Э. Г. Эйдемиллера «Анализ семейной тревоги» [8] (у взрослых).

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью компьютерной программы «STADIA.6.1». Определялись средние значения показателей (M), их ошибка (m), критерий различия Манна-Уитни (U), достоверность различий (p).

Результаты исследования. Исследование восприятия ребенком внутрисемейных отношений, проведенное с помощью методики Р. Жилия, показало следующее (табл. 1).

Особенности восприятия ребенком себя и внутрисемейных отношений (абс. ч / %)

Выявленные черты	ОГ, n=479			ГС, n=50		
	М, n=222	Д, n=257	Всего	М, n=23	Д, n=27	Всего
отрицательное отношение к матери	79 / 35,6%	84 / 32,7%	163 / 34,0%	-	-	-
отрицательное отношение к отцу	67 / 30,2%	72 / 28,0%	139 / 29,0%	-	-	-
отрицательное отношение к родительской чете	97 / 43,7%	98 / 38,1%	195 / 40,7%	-	-	-
любозна-тельность	163 / 73,4%	151 / 58,8%	314 / 65,6%	18 / 78,3%	20 / 74,1%	38 / 76,0%
стремление к доминированию	88 / 39,6%	66 / 25,3%	154 / 32,2%	8 / 34,8%	5 / 18,5%	13 / 26,0%
общительность	107 / 48,2%	95 / 37,0%	202 / 42,2%	19 / 82,6%	17 / 63,0%	36 / 72,0%
отгороженность, закрытость	122 / 55,0%	139 / 54,1%	261 / 54,5%	4 / 18,2%	10 / 37,0%	14 / 28,0%
социальная адекватность поведения	219 / 98,6%	251 / 97,7%	470 / 98,1%	23 / 100%	27 / 100%	50 / 100%

Примечание. Тут и далее: М – мальчики, д – девочки.

Отрицательным отношением к матери отличались 34% детей СП ОГ, из них 35,5% мальчиков и 32,7% девочек. Отрицательное отношение к отцу установлено у 29,0% детей ОГ, из них 30,2% мальчиков и 28,0% девочек. Отрицательное отношение к обоим родителям, как к паре выявлено у 40,7% детей ОГ (43,7% мальчиков и 38,1% девочек). Среди детей СП ГС случаев отрицательного отношения к родителям не установлено ($p < 0,05$).

Любопытностью отличались 65,6% детей ОГ (73,4% мальчиков и 58,8% девочек) и 76% детей ГС (78,3% мальчиков и 74,1% девочек), стремлением к доминированию – 32,2% детей ОГ (39,6% мальчиков и 25,3% девочек) и 26,0% детей ГС (34,8% мальчиков и 18,5% девочек), общительностью – 42,2% детей ОГ (48,2% мальчиков и 37,0% девочек) и 72,0% детей ГС (82,6% мальчиков и 63,0% девочек), закрытостью и отгороженностью – 54,5% детей ОГ (55,0% мальчиков и 54,1% девочек) и 28,0% детей ГС (18,2% мальчиков и 37,0% девочек); социальная адекватность поведения была присуща практически все обследованным детям (98,1% детей ОГ – 98,6% мальчиков и 97,7% девочек, 100% детей ГС).

При анализе причин отрицательного отношения детей к родителям удалось установить, что чаще всего ($p < 0,05$) оно было связано с личностными чертами матери, особенно такими, как возбудимость, раздражительность, несдержанность, обидчивость, ранимость, нетерпимость, ипохондричность, агрессивность, эгоцентричность, упрямство, а также замкнутость и аутичность, с конфликтными взаимоотношениями родителей, а также с социальными проблемами – недостаточной материальной обеспеченностью семьи. Часто ($p < 0,05$) негативное отношение к матери было обусловлено тем, что дети редко общались с ней, поскольку у неё не было желания общаться с детьми, а также тем, что она постоянно требовала внимания

окружающих. Как правило, в семьях, где дети негативно относились к матери, матери высказывали недовольство поведением своих мужей. Негативно относились к родителям и дети в тех семьях, где их наказывали за невыполнение ими своих семейных, бытовых обязанностей. У младших школьников причиной отрицательного отношения к родителям были завышенные, суровые требования, связанные с обучением ребенка. Часто в основе такой «требовательности» лежал неосознаваемый перенос неудовлетворенности взрослыми собой или другим супругом.

Представляет интерес тот выявившийся при обследовании факт, что негативное эмоциональное отношение детей явилось новостью для родителей, которые не осознавали, что оказывают чрезмерное психологическое давление на ребенка.

Таким образом, дети ОГ показали наличие проблем в конкретно-личностном отношении ребенка к ближайшему внутрисемейному окружению (матери, отцу или обоим родителям), что свидетельствовало о деформации детско-родительских отношений. В отличие от детей ОГ, дети ГС продемонстрировали гармоничные детско-родительское взаимодействие, присущее семьям этой группы.

Параметры, характеризующие самих детей, в целом, выявились нормативными и соответствующими возрастным и гендерным особенностям.

Исследование рисунков детей подтвердило наличие проблем в детско-родительских отношениях у СП ОГ. При выполнении задания «Рисунок человека» дети ОГ, в основном, рисовали маленькие фигуры, занимающие лишь маленькую область доступного пространства, в нижней части листа, что свидетельствовало о наличии чувства незащищенности, тревожности, депрессии, угнетенности, подавленности. Напротив, дети ГС рисовали размашисто, занимая рисунком большее пространство листа; у всех оказалась заполненной верхняя часть

листа, что говорило о наличии у них оптимизма и развитого чувства безопасности. В рисунках детей ОГ на большом непропорциональном лице выделялись большие глаза с прорисованными зрачками или без зрачков, но с заштрихованными склерами, что, как известно, является символом тревоги и страха. В целом, в работах этих детей был выражен элемент штриховки – встречалась штриховка всей нарисованной фигуры, или же ее части (лицо, верхняя или нижняя части, область гениталий). У некоторых встречалась штриховка солнца. Наличие штриховки было свидетельством подавленности, тревоги, ощущения себя несчастливым.

Кроме того, необходимо отметить достоверную разницу в доминирующих цветовых предпочтениях, выявленную у детей различных групп. Так, среди детей основной группы преобладал выбор ахроматических цветов (по М. Люшеру), что

указывало на наличие отчужденности, чувства тревоги и беспокойства, в отличие от детей из группы сравнения, отдавших предпочтение хроматическим, с преобладанием зеленого и синего, цветов.

Таким образом, результаты исследования с помощью теста «Рисунок человека» показали наличие достоверных различий в психоэмоциональном состоянии детей ОГ и ГС: дети ГС были оптимистичны и испытывали чувство безопасности, в то время как для детей ОГ были характерны состояния незащищенности, тревоги, депрессии, угнетенности и подавленности.

Для более глубокого понимания особенностей детско-родительских отношений у обследованных, нами были изучены типы воспитания детей (табл. 2).

Таблица 2

Типы воспитания детей в обследованных семьях (абс. ч / %)

Тип воспитания	ОГ, n=479		ГС, n=50	
	М, n=222	Д, n=257	М, n=23	Д, n=27
Гипопротекция	58 / 26,1%	15 / 5,8%	-	-
Доминирующая гиперпротекция	44 / 19,8%	70 / 27,2%	-	-
Потворствующая гиперпротекция («кумир семьи»)	56 / 25,2%	48 / 18,7%	-	-
Эмоциональное отвержение («Золушка»)	41 / 18,5%	57 / 22,2%	-	-
Условия жестоких взаимоотношений	11 / 5,0%	32 / 14,4%	-	-
Условия повышенной моральной ответственности	12 / 5,4%	35 / 15,8%	-	-
Гармоничное воспитание	-	-	23 / 100%	27 / 100%

В результате выяснилось, что ни в одной ($p < 0,05$) из обследованных семей ОГ дети не получали гармоничного воспитания, в отличие от детей ГС. Из данных следующей таблицы следует, что более половины детей ОГ (как мальчиков, так и девочек) воспитывались в условиях гипопротекции, эмоционального отвержения, жестких взаимоотношений и повышенной моральной ответственности. Остальные дети ОГ воспитывались в условиях гиперпротекции, что не также способствовало их психологическому благополучию.

Оценка детско-родительских отношений со стороны взрослых проводилась с помощью методики PARI. Данная методика позволяет оценить специфику внутрисемейных отношений, особенности организации семейной жизни. В методике выделены 23 аспекта-признака, касающиеся разных сторон отношения родителей к ребенку и жизни в семье. Из них 8 признаков описывают отношение к семейной роли и 15 касаются родительско-детских отношений. Максимальная оценка признака – 20 баллов, 19 – 16 – высокие оценки, 15 – 9 – средние, 8 – 6 – низкие, 5 баллов – минимальная оценка признака.

При анализе полученных результатов по базовому критерию методики – шкале 7 «супружеские конфликты» в ОГ было выделено две подгруппы,

ранжированные в зависимости от глубины и тяжести супружеской конфликтности, имевшие достоверные различия между собой и ГС.

Так, в первую подгруппу с умеренной супружеской конфликтностью (первый уровень) вошли 86,5% семей ОГ; с высокой супружеской конфликтностью (второй уровень) – 13,5% семей ОГ. С учетом этого, дальнейшее изучение отношения супругов к разным сторонам семейной жизни проводилось между данными подгруппами и ГС.

Полученные результаты представлены в табл. 3, из которой следует, что максимально неудовлетворенными своей семейной ролью выявились супруги второй подгруппы ОГ, удовлетворенными – ГС. Так, женщины с высоким уровнем супружеской конфликтности были неудовлетворены своей ролью хозяйки и необходимостью доминировать в решении семейных вопросов из-за безучастности и «невключенности» супруга в дела семьи, в то же время, были зависимы (психологически) от него. В то же время мужчины из таких семей ощущали себя достаточно свободными от семейной ситуации, не видели необходимости в самопожертвовании и «включенности» в дела семьи.

Характеризуя родительско-детские отношения обследованных семей, необходимо отметить, что они также имели достоверные различия в зависимости от уровня супружеской конфликтности

($p < 0,05$). Так, для семей второй подгруппы ОГ было присуще наличие проблем во взаимоотношениях с ребенком – слабый эмоциональный контакт, отсутствие коммуникации с ребенком и уклонение от контакта с ним, отрицание партнерских отношений с ним, высокая степень раздражительности по отношению к ребенку, излишняя строгость и авторитарность (подавление воли, агрессивности, сексуальности ребенка), «несоздание» базового чувства

безопасности и, как следствие, – отсутствие стремления заниматься ребенком. У супругов первой подгруппы вышеописанные тенденции также имели место, но были не столь выражены.

Супруги ГС продемонстрировали успешность и согласованность супружеского и детско-родительского взаимодействия.

Таблица 3

Сравнительная характеристика семейных ролей и родительско-детских отношений в исследуемых семьях, в зависимости уровня их супружеской конфликтности

шкалы	ОГ, n=371				ГС, (конструктивная конфликтность), n=50	
	высокий уровень конфликтности (1-я подгруппа), n=50		умеренный уровень конфликтности (2-я подгруппа), n=321		мужчины	женщины
	мужчины	женщины	мужчины	женщины		
Отношение к семейной роли						
3 Зависимость от семьи	7,1±0,679***	10,7±0,15***	8,5±0,918**	15,5±0,828**	10,5±0,565	12,3±0,238
5 Ощущение самопожертвования	6,4±0,469***	12,9±0,39***	7,5±0,553***	15,3±0,333***	9,5±0,261	12,9±0,734
7 Семейные конфликты	18,7±0,829***	19,8±0,8***	15,6±1,04***	15,8±0,577***	8,1±0,261	9,3±0,565
11 Сверхавторитет родителей (в родительской семье)	11,5±0,378**	11,4±0,4**	10,5±0,634**	11,3±0,333**	11,5±0,34	12,1±0,281
13 Неудовлетворенность ролью хозяйки	–	18,7±0,97*	–	14,2±0,01*	–	13,4±0,324
13 Неудовлетворенность бытовой ролью	9,1±0,36*	–	10,5±0,719*	–	9,7±0,429	–
17 Безучастность мужа	–	14,3±1,03***	–	12,5±0,577***	–	11,6±0,437
17 «Невключенность» в дела семьи	16,9±0,892**	–	13,6±0,715**	–	11,4±0,202	–
19 Доминирование матери (жены)	7,2±0,34	16,8±1,05	9,3±1,03	13,5±0,517	11,5±0,297	10,4±0,498
23 Несамостоятельность (зависимость) матери (жены)	18,2±1,56	13,9±0,812	15,5±1,13	14,2±0,333	11±0,297	11,4±0,399
Отношение родителей к ребенку						

Оптимальный эмоциональный контакт						
1 Вербализация	8,1±0,474***	9,2±0,333***	10,7±0,474**	11,6±0,333**	14,9±0,297	18,4±0,828
14 Партнерские отношения	6,7±0,68**	8,3±0,333**	10,5±0,685***	10,7±0,86***	14,5±0,297	16,4±0,692
15 Развитие активности ребенка	8,8±0,634*	8,8±0,333*	9,5±0,404*	10,6±0,717*	14,5±0,309	15,2±0,722
21 Уравнительные отношения между родителем и ребенком	10,1±0,655	11,3±0,577	11,6±0,189	12,4±0,707	15,5±0,286	16,3±0,873
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком						
8 Раздражительность	17,8±0,969***	15,2±0,577***	14,9±0,845***	14,7±1,52***	11±0,261	10,1±0,747
9 Излишняя строгость	17,1±0,617***	16,5±1,2***	14,5±0,972**	14,7±0,51***	10,1±0,644	9,3±0,411
16 Уклонение от контакта с ребенком	15,9±1,17*	10,4±0,577**	12,7±0,756**	11,5±1,47**	9,5±0,369	9,4±0,796
Излишняя концентрация на ребенке						
2 Чрезмерная забота	9,2±1,31	14,8±1,45	11,9±1,11	13,7±1,16	11,8±0,644	13,3±0,504
4 Подавление воли	15,3±1,04*	13,9±1,73*	8,9±0,976**	11,8±0,837*	8,2±0,481	9,4±0,282
6 Создание безопасности, опасение обидеть	10,2±0,522***	10,7±0,882***	11,6±0,937***	12,1±0,707***	15,5±0,634	16,9±0,973
10 Исключение внесемейных влияний	15,3±1,34	13,3±1,15	11,8±1,25	12,5±1,58	10,1±0,429	12,4±0,758
12 Подавление агрессивности	15,3±1,02**	14,6±1,45***	13,5±1,14*	12,9±1,22**	9,2±0,421	10,3±0,631
18 Подавление сексуальности	15,3±0,769	14,5±1,86	11,3±0,714	11,7±0,812	8,3±0,68	9,7±0,189
20 Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	14,5±0,944*	13,9±0,333	11,8±0,969**	12,4±0,583*	9,5±0,459	8,1±0,202
22 Стремление ускорить развитие ребенка	9,2±0,844***	8,5±1,67***	12,3±0,993***	13,2±0,49***	16,2±0,508	16,1±0,683

Примечание. * - различия с ГС достоверны (p<0,05);

** - различия с подгруппами достоверны (p<0,05);

*** - различия между ГС и подгруппами достоверны (p<0,05).

Учитывая полученные результаты разделения СП ОГ на подгруппы в зависимости от уровня супружеской конфликтности, нами проанализированы различные аспекты их жизнедеятельности, для выявления возможных критериев, определяющих данную дифференциацию. В результате анализа психического, аддиктивного, психосоциального функционирования супругов, было найдено достоверное отличие, имеющее место среди женщин ОГ – их аддиктивный статус ($p < 0,05$). У женщин ГС исследование аддиктивного статуса [9] выявило абсолютное отсутствие его напряженности. У 321 женщины ОГ были диагностированы признаки напряженности аддиктивного статуса (в основном, на уровне употребления с вредными последствиями или опасного употребления) по так называемым социально-приемлемым аддикциям – поведенческой (чрезмерное увлечение работой, шопингом, просмотром телевидения, интернетом, чтением, компьютерными или азартными играми, 34,6%), физиологической (чрезмерное увлечение едой, фитнесом, сексом, употреблением чая/кофе, 32,1%) или химической (употребление алкоголя, табака, психостимуляторов, каннабиноидов, седативно-снотворных препаратов, не доходящих до уровня зависимости, 33,3%) (подгруппа ОГ1). У остальных 50 женщин из ОГ аддиктивное поведение соответствовало нормативному (более чем у половины – безопасный уровень употребления/увлечения объектом, у остальных – употребление с вредными последствиями поведенческих или физиологических объектов) (подгруппа ОГ2).

Однако, именно среди этих СП был выявлен высокий – второй – уровень супружеской конфликтности и непродуктивных детско-родительских отношений (подгруппа ОГ2). Среди СП, в которых у жен наблюдались аддиктивные проблемы,

был диагностирован умеренный (первый) уровень семейной конфликтности (подгруппа ОГ1).

Для более детального изучения особенностей внутрисемейных отношений, прежде всего, в ОГ, нами был проведен анализ семейной тревоги (с применением одноименной методики Э. Эйдмиллера). Под «семейной тревогой», согласно рекомендациям автора методики, понимались состояния тревоги у одного или обоих членов семьи, нередко плохо осознаваемые и плохо локализуемые. Характерным признаком данного типа тревоги является то, что она проявляется в сомнениях, страхах, опасениях, касающихся членов, стычек и конфликтов, возникающих в семье. Тревога эта обычно не распространяется на внесемейные сферы – на производственную деятельность, на родственные, соседские отношения и т.п. В основе семейной тревоги, как правило, лежит плохо осознаваемая неуверенность индивида в каком-то очень для него важном аспекте семейной жизни. Это может быть неуверенность в чувствах другого супруга, неуверенность в себе. Индивид вытесняет чувство, которое может проявиться в семейных отношениях и которое не вписывается в его представления о себе.

Важными составляющими семейной тревоги являются также чувство беспомощности и ощущение неспособности вмешаться в ход событий в семье, направить его в нужное русло. Индивид с семейно-обусловленной тревогой не ощущает себя значимым действующим лицом в семье, независимо от того, какую позицию он в ней занимает и насколько активную роль играет в действительности.

Сравнительный анализ структуры семейной тревоги в семьях ОГ (с разделением на подгруппы по аддиктивному статусу женщин и уровню супружеской конфликтности) и ГС показал следующее (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительный анализ структуры семейной тревоги у членов семей ОГ и ГС (балл \pm m)

Показатель	Подгруппа ОГ1, n=321		Подгруппа ОГ2, n=50		ГС, n=50	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Вина	6,1 1,272*** \pm	2,4 \pm 1,033*	1,01 \pm 0,374	4,6 \pm 0,227*	1,43 \pm 0,481	1,29 \pm 0,421
Тревожность	6,7 0,690*** \pm	4,1 \pm 1,414	2,9 \pm 0,638	3,7 \pm 0,567	2,53 \pm 0,751	2,43 \pm 0,429
Нервное напряжение	7,3 0,690** \pm	4,9 \pm 1,159*	5,9 \pm 0,281*	5,6 \pm 0,811*	2,04 \pm 0,873	2,01 \pm 0,577
Общая семейная тревожность	20,1 \pm 1,813 ***	11,4 \pm 1,729***	9,8 \pm 0,983*	13,9 \pm 1,052 *	6,0 \pm 1,53	6,86 \pm 1,22

Примечание. М – мужчины, Ж – женщины.

* - различия между подгруппой ОГ1 или подгруппой ОГ2 и ГС достоверны ($p < 0,05$).

** - различия между подгруппой ОГ1 и подгруппой ОГ2 достоверны ($p < 0,05$)

У женщин подгруппы ОГ1 выявлены чувство вины за происходящее в семье (сред. интенсивность 6,1 баллов), тревожность – беспомощность перед событиями в семье (сред. показатель 6,7 баллов), внутрисемейное напряжение (сред. выраженность 7,3 баллов), а также высокий уровень общей семейной тревожности (20,1 баллов). В отличие от них, женщины подгруппы ОГ2 не чувствовали никакого чувства вины за происходящее в семье

(сред. 1,01 баллов), немного тревожились (сред. 2,9 баллов) но, все-таки, ощущали внутрисемейное напряжение (4,9 баллов), правда, менее интенсивно, чем женщины подгруппы ОГ1, что, в целом, обуславливало достаточно низкий показатель общей семейной тревожности (9,8 баллов). Таким образом, по сравнению с женщинами подгруппы ОГ2 и ГС, у обследованных подгруппы ОГ1 обнаружены достоверно более высокие показатели по всем

шкалам (вины, тревожности, напряжения), а также по суммарному показателю семейной тревоги ($p < 0,05$).

Среди мужчин подгруппы ОГ1 как общий уровень семейной тревоги, так и отдельных ее показателей – чувства вины и тревожности, был достоверно ($p < 0,05$) ниже, чем у женщин подгруппы ОГ1 и мужчин из подгруппы ОГ2, которые выявились наиболее чувствительными к имеющимся нарушениям семейного здоровья ($p < 0,05$).

Выводы. Таким образом, в результате исследования установлена специфика супружеской конфликтности и детско-родительских отношений у женщин с нарушением здоровья семьи и различным аддиктивным статусом.

1. Дети из конфликтных семей, независимо от аддиктивного статуса их матерей (ОГ), показали наличие проблем в конкретно-личностном отношении ребенка к ближайшему внутрисемейному окружению (матери, отцу или обоим родителям), что свидетельствовало о деформации детско-родительских отношений. В отличие от детей ОГ, дети ГС продемонстрировали гармоничное детско-родительское взаимодействие, присущее семьям этой группы. Параметры, характеризующие самих детей, в целом, выявились нормативными и соответствующими возрастным и гендерным особенностям.

2. Выявлены различия в рисунках детей с ОГ и ГС. Рисунки детей с ОГ характеризовались: • четко подчеркнутой и акцентированной линией основы как символическим отражением потребности в равновесии и стабильности; • большим количеством мелких деталей, штрихов, рисков, которые свидетельствовали о проявлениях психического напряжения и высокую тревожность; • присутствием объектов, которые несут защитный или отделяющий характер; • схематичностью изображения.

3. Результаты исследования с помощью теста «Рисунок человека» показали наличие достоверных различий в психоэмоциональном состоянии детей ОГ и ГС: дети ГС были более оптимистичны и испытывали чувство безопасности, в то время как для детей ОГ были характерны состояния незащищенности, тревоги, депрессии, угнетенности и подавленности. Интерпретация рисунков детей ОГ свидетельствовала о переживаниях выраженного психологического дистресса: состояния тревожности, напряженности, чувства опасности и угрозы с актуализацией психологических механизмов защиты.

4. Ни в одной ($p < 0,05$) из семей ОГ дети не получали гармоничного воспитания, в отличие от детей ГС. Более половины детей ОГ (как мальчиков, так и девочек) воспитывались в условиях гипопротекции, эмоционального отвержения, жестких взаимоотношений и повышенной моральной ответственности, остальные дети – в условиях гиперпротекции, что не также способствовало их психологическому благополучию.

5. На основании изучения семейных ролей и родительно-детского взаимодействия, выделены

три варианта развития этих параметров в зависимости от уровня супружеской конфликтности: высокий уровень супружеской конфликтности и непродуктивной стратегией родительно-детских взаимоотношений, умеренно выраженная конфликтность и искажение детско-родительских отношений, супружеская сплоченность и детско-родительской адаптация. Первые два варианта были присущи семьям ОГ, третий – ГС.

6. Среди семей ОГ наиболее высокий уровень конфликтности и деформации детско-родительских отношений выявился присущ супругам с нарушением семейного здоровья и отсутствием аддиктивных проявлений у женщин; умеренный уровень был выявлен в семьях, в которых женщины отличались напряженностью аддиктивного статуса по социально-приемлемым аддикциям, не достигающим в большинстве случаев до клинически значимого уровня зависимости.

7. У женщин с аддиктивной компрометацией выявлено наличие значительного уровня переживаний вины, тревожности и напряжения, связанные с нарушением семейных отношений, несмотря на умеренный уровень деформации семейного взаимодействия, в то время как у женщин без аддиктивных проявлений общее чувство семейной тревоги, как и переживания ее составляющих (кроме нервного напряжения), практически отсутствовали, в отличие от их мужей, продемонстрировавших высокий уровень семейной тревоги и переживаний по поводу имеющихся нарушений семейного здоровья.

8. Можно предположить, что аддиктивное поведение, выявленное у женщин с умеренной выраженностью нарушения семейного здоровья, стало возможным способом канализации психоэмоционального напряжения, возникавшего вследствие деформации семейных отношений, и снижало уровень его выраженности, вызывая, однако, чувство семейной тревоги и вины за происходящее. В отличие от них, женщины с нормативным аддиктивным статусом, имеющийся негативный психоэмоциональный фрустрационный фон реализовывали в рамках семьи, создавая тем самым высокий уровень супружеской и детско-родительской конфликтности и не испытывая при этом ни вины ни тревожности за происходящее.

9. Полученные результаты были учтены нами при разработке комплексной системы психологической коррекции и психопрофилактической поддержки здоровья семьи женщин с социально-приемлемыми формами аддиктивного поведения.

Литература.

1. Маркова М. В. Загальний погляд на проблему формування та функціонування сім'ї / М. В. Маркова, Т. Г. Ветрила // Український вісник психоневрології. – 2009. – Т. 17, вип. 1 (58). – С. 89 – 92.

2. Маркова М. В. До проблеми трансформації інституту сім'ї / М. В. Маркова // Міжнародний психіатричний, психотерапевтичний та психоаналітичний журнал. – 2007. – № 1. – С. 91-94.

3. Маркова М. В. Криза інституту сім'ї як „дзеркало” загальної трансформації суспільства /

М. В. Маркова // Актуальні питання медичної психології та психотерапії. Матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 45-річчю кафедри психотерапії Харківської медичної академії післядипломної освіти. – Харків-Ялта, 2007. – С. 27-28.

4. Кришталь В. В. Системный подход к диагностике, психотерапии и психопрофилактике нарушения здоровья семьи / В. В. Кришталь, И. А. Семенкина // Международный медицинский журнал. – 2000. – №1., Т.6. – С.11-15.

5. Кришталь В. В. Системная семейная психотерапия нарушений здоровья семьи / В. В. Кришталь // Медицинская психология. – 2007. – Т.1, №2. – С. 3-8.

6. Кришталь В. В. Сексология: навчальний посібник: в 4-х ч. / В. В. Кришталь, С. В. Кришталь, Т. В. Кришталь – Харків: Фоліо, 2008. – 990 с.

7. Практическая психодиагностика (методики и тесты) / Под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1999 – 672 с.

8. Системная семейная психотерапия / Под ред. Э. Г. Эйдемиллера. – Москва – Харьков – Минск: «Питер», 2002. – С. 83 – 95.

9. Аддиктивный статус и метод его комплексной оценки при помощи системы AUDIT-подобных тестов / [Линский И. В., Минко А. И., Артемчук А. Ф. и др.] // Психическое здоровье. – 2010. – № 6(49). – С. 33 – 45.

УДК 616.89:616-006-052

Мухаровская Инна Романовна

Киевский городской клинический онкологический центр, г. Киев, Украина, ул. Верховинная 69, 03115, e-mail: mukharovska.i@gmail.com, +380985000215.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ НА ЭТАПЕ ПЕРВИЧНОГО И ПОВТОРНОГО ОБРАЩЕНИЯ ЗА ПРОТИВООПУХОЛЕВЫМ ЛЕЧЕНИЕМ

У онкологических пациентов были выявлены выраженные изменения в психоэмоциональном состоянии, обусловленные постановкой тяжелого диагноза и необходимостью в противоопухолевой терапии. У больных как при первичном, так и при повторном обращении в связи с онкологическим заболеванием выраженность психопатологической тревоги и депрессии достигала клинического уровня, тревожное состояние превалировало над депрессивным. В ходе прогрессирования онкологического заболевания и повторных курсов противоопухолевого лечения наблюдалось нарастание депрессивных проявлений. Выраженность и структура тревожной и депрессивной симптоматики онкологических пациентов как при первичном, так и повторном лечении была схожей. Ведущими проявлениями тревожного симптомокомплекса были интенсивная тревога, внутреннее напряжение и беспокойные мысли. В депрессивных проявлениях ведущую роль играли снижение ощущения удовлетворенности от жизни, пессимистическое восприятие будущего и снижение жизненного тонуса. Отличия в психоэмоциональном состоянии онкологических пациентов обуславливали дифференциацию медико-психологической помощи.

Ключевые слова: онкологические больные, психоонкология, противоопухолевое лечение, психоэмоциональное состояние.

I. Mukharovskaya

Kyiv City Clinical Oncology Center, Kyiv, Ukraine

PSYCHO-EMOTIONAL CONDITION OF CANCER PATIENTS IN PRIMARY AND ADVANCED STAGE OF ANTICANCER TREATMENT

In cancer patients revealed great changes in the psycho-emotional condition caused by diagnosis and the need for anti-tumor therapy. Patients at primary and advanced stage of treatment had high levels of anxiety and depression, and anxiety prevailed over depression. During the progression of cancer and repeated courses of anticancer treatment observed that depressive symptoms increased. Intensity and structure of anxious and depressive symptoms in cancer patients at both stages was similar. The leading manifestations of anxious complex were anxiety, inner tension and anxious thoughts. The leading role in depressive manifestations played anhedonia, pessimistic perception of the future and reduced vitality. The differences in the psycho-emotional condition of cancer patients caused differentiation of psychological help.

Keywords: cancer patients, psycho-oncology, anti-cancer treatment, psycho-emotional condition.

Вступление

Онкологические заболевания составляют существенную медицинскую, психологическую и психосоциальную проблему. Заболеваемость онкопатологией в Украине составила в 2014 году 384,9 на 100 тыс. населения, и показатели с каждым годом увеличиваются [1].

Течение и лечение онкологической болезни сопровождается высоким уровнем соматического и психического стресса, которые провоцируют развитие широкого спектра форм психологической

дезадаптации и клинически очерченных психических расстройств [2 – 4]. По данным различных исследований распространенность выраженных нарушений в психической сфере среди онкологических пациентов составляет более 60% [5].

Современное развитие медицинской практики, разработка новых методов лечения онкологических заболеваний позволяют существенно улучшать состояние больных, на длительное время останавливать или замедлять болезнь, повышать качество жизни пациентов [6, 7], но остается неразрешенным

большой пласт психологических проблем, связанных с влиянием онкопатологии на психику больного, отношением к лечению онкологии, психосоциальной адаптации переживших болезнь.

Противоопухолевое лечение включает хирургическое вмешательство, лучевую и химиотерапию, а также их сочетание. Хирургические операции применяются преимущественно на ранних стадиях развития болезни и в оптимальном варианте направлены на полное удаление опухолевого образования, соответственно, в видении больных, они выступают как более привлекательный метод лечения. Тогда как назначение химиотерапии или лучевой терапии косвенно указывают на большую серьезность заболевания и худший прогноз. Химиотерапевтическое лечение характеризуется выраженными побочными эффектами, воздействием на весь организм, а не только локально на опухоль, изменением внешнего вида, развитием когнитивной дисфункции («химиотерапевтический мозг»). Лучевая терапия также вызывает побочные эффекты. Психологическое действие облучения как невидимого и неосознаваемого для органов чувств фактора, который соответственно неподвластен контролю, вызывает страх и тревогу у пациентов.

Высокий уровень психического стресса, пессимистическое восприятие перспектив лечения, отсутствие поддержки, страх перед тяжелым процессом лечения могут провоцировать отказ от лечения, что имеет крайне негативные последствия в онкологии. Соответственно, важной задачей медико-психологической помощи является психокоррекция эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферы с целью адаптации онкологических больных к противоопухолевой терапии.

Цель

Определить выраженность и особенности проявления симптомов тревоги и депрессии у онкологических больных на этапе первичного и повторного обращения за противоопухолевым лечением.

Контингент и методы исследования

Исследование проводилось на базе Киевского городского клинического онкологического центра на протяжении 2014 – 2016 гг. В опросе приняло участие 187 больных (Г1), которые проходили противоопухолевое лечение впервые и 155 (Г2) – пациентов, которые получали терапию повторно в следствие прогрессирования или рецидива онкологического заболевания. В качестве диагностического инструментария была использована Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS). Статистическая обработка проводилась с использованием MS Excel v.8.0.3.

Результаты

Пациенты, которые были госпитализированы в онкологическое учреждение впервые переживали выраженный психический стресс в связи с угрозой жизни, что отражалось в первую очередь в негативных эмоциях, а также в признаках дезорганизованности поведения, которые имели ситуативный характер. Первичные онкобольные определяли недостаток информации касательно онкологического заболевания, плохо ориентировались в методах лечения, не обладали опытом противодействия соматическому и психическому стрессу, который сопутствовал онкологии, реагировали и действовали под влиянием социальных мифов относительно онкологических заболеваний.

Пациенты, которые госпитализировались повторно получали повторную психологическую травму в следствие возвращения заболевания, потребности в прохождении повторного курса лечения. У больных наблюдались снижение уровня физического здоровья и работоспособности. Но были и более позитивные составляющие, которые включали осведомленность, касательно своего заболевания, лечения, опыт совладения с онкологическим стрессом, присутствие практико-ориентированных индивидуализированных моделей решения проблем, связанных с болезнью.

В табл. 1 представлены результаты выраженности симптомов тревоги и депрессии в Г1 и Г2. У пациентов как при первичном, так и при повторном обращении в связи с онкологическим заболеванием выраженность психопатологической тревоги и депрессии достигала клинического уровня, тревожное состояние превалировало над депрессивным ($12,9 \pm 2,97$ против $11,5 \pm 2,63$ баллов в Г1 и $13,4 \pm 3,37$ баллов против $12,7 \pm 2,91$ баллов у Г2, $p < 0,05$). У онкологических больных, которые проходили противоопухолевое лечение повторно, был выше уровень депрессивных переживаний в отличие от впервые обратившихся пациентов ($11,5 \pm 2,63$ баллов в Г1 против $12,7 \pm 2,91$ баллов в Г2, $p < 0,05$), показатели тревожного состояния существенно не отличались ($12,9 \pm 2,97$ баллов и $13,4 \pm 3,37$ баллов). Данные результаты указывали на нарастание депрессивной симптоматики в ходе течения и прогрессирования онкологического заболевания.

У пациентов при повторном обращении по сравнению с первичным определялись более высокие показатели снижения удовлетворенности ($2,53 \pm 0,50$ баллов у Г1 против $2,75 \pm 0,44$ баллов в Г2), бодрости ($2,14 \pm 0,60$ баллов против $2,38 \pm 0,71$ баллов), включенности в травматическую ситуацию ($1,44 \pm 0,93$ баллов против $1,68 \pm 1,12$ баллов), тревожных мыслей ($2,36 \pm 0,63$ баллов против $2,52 \pm 0,56$ баллов), заторможенности ($0,64 \pm 0,61$ баллов против $0,87 \pm 0,73$ баллов), $p < 0,05$.

Выраженность симптомов тревоги и депрессии по HADS, $\bar{x} \pm \sigma$

№	Симптомы	Г1	Г2
1	Ощущение напряжения и тревоги	2,58±0,49	2,66±0,48
2	Утрата чувства удовлетворения	2,53±0,50*	2,75±0,44*
3	Страх и ожидание плохого	2,09±0,73	2,23±0,67
4	Утрата чувства юмора	2,22±0,70	2,34±0,61
5	Беспокойные мысли	2,36±0,63*	2,52±0,56*
6	Понижения бодрости	2,14±0,60*	2,38±0,71*
7	Невозможность расслабиться	2,05±0,79	1,94±0,93
8	Заторможенность	0,64±0,61*	0,87±0,73*
9	Внутреннее напряжение, дрожь	2,45±0,50	2,56±0,68
10	Уход за собой	0,87±0,75	0,99±0,88
11	Непоседливость, потребность в движении	0,73±0,78	0,80±0,98
12	Удовлетворение деятельностью	1,62±0,76	1,68±0,84
13	Чувство паники	0,61±0,82	0,74±0,94
14	Понижение отвлечения	1,44±0,93*	1,68±1,12*
Уровень тревоги		12,9±2,97	13,4±3,37
Уровень депрессии		11,5±2,63*	12,7±2,91*

Примечание. * – $p < 0,05$.

Выраженность и структура тревожной и депрессивной симптоматики онкологических пациентов как при первичном, так и повторном лечении была схожей. Ведущими проявлениями тревожного симптомокомплекса были интенсивная тревога, внутреннее напряжение и беспокойные мысли. Симптомами второго ранга выступали фобические переживания, тематически связанные с онкопатологией, тревожные ожидания, невозможность расслабиться. Наименее выраженными симптомами тревоги выступали неусидчивость и приступы паники. Таким образом психопатологическая тревога прежде всего поражала психоэмоциональную и когнитивную сферу в противовес поведенческой.

В депрессивном симптомокомплексе ведущую роль играли ангедония, пессимистическое восприятие будущего и снижение жизненного тонуса. Менее представленными депрессивными проявлениями были снижение удовольствия от деятельности,

невозможность переключиться со стрессовой ситуации на действия, которые могут принести облегчение. Заторможенность и снижение заботы о себе занимали последнее место в структуре депрессивного синдрома.

В табл. 2 представлены результаты распределения исследуемых в зависимости от выраженности симптомов. Уровень нормы определялся касательно психопатологической тревоги у 1,1% пациентов из Г1 и 0,6% - Г2, относительно депрессии соответственно у 1,6% и 1,3% опрошенных лиц. Субклинические проявления тревожной симптоматики выявлены у 25,1% первичных и 15,5% повторно обратившихся онкобольных, клинический – 73,8% и 83,9%. Депрессивные переживания субклинического уровня диагностированы у 40,1% в Г1 и 28,4% в Г2, клинической выраженности – 58,3% и 70,3% пациентов, что указывало на более тяжелое психоэмоциональное состояние онкологических больных, у которых заболевание прогрессировало.

Таблица 2

Структура тревоги и депрессии на этапе первичного и повторного лечения, %

Группы	Тревога			Депрессия		
	Н	СК	К	Н	СК	К
Г1	1,1	25,1	73,8	0,6	15,5	83,9
Г2	1,6	40,1	58,3	1,3	28,4	70,3

Примечание. Н – уровень нормы, СК – субклинический и К – клинический уровень проявления симптоматики.

Медико-психологическая помощь для первичных пациентов была ориентирована на снижение психического стресса путем обучения навыкам психорегуляции, формирования адаптивного поведения во время лечения, психообразования. Для онкобольных, которые обращались повторно, психологические интервенции были направлены на коррекцию психоэмоциональной и когнитивно-поведенческой сферы относительно аспектов отношения к заболеванию и лечению. У онкологических пациентов на ранних стадиях течения онкопатологии было важным формирование реалистичного

сбалансированного представления о болезни, которое бы мотивировало к противоопухолевой терапии, активности в лечебном процессе, на поздних стадиях интервенции ориентировались на усиление психосоциального ресурса, были сосредоточены на экзистенциальных переживаниях, принятии ситуации и поиске жизненных альтернатив.

Выводы

1. Высокий уровень психопатологической тревоги и депрессивных проявлений указывали на наличие выраженной психической реакции на

стресс, связанной с онкологическим заболеванием и противоопухолевой терапией.

2. У пациентов как при первичном, так и при повторном обращении в связи с онкологическим заболеванием выраженность психопатологической тревоги и депрессии достигала клинического уровня, тревожное состояние превалировало над депрессивным.

3. Выраженность и структура тревожной и депрессивной симптоматики онкологических пациентов как при первичном, так и повторном лечении была схожей. Ведущими проявлениями тревожного симптомокомплекса были интенсивная тревога, внутреннее напряжение и беспокойные мысли. В депрессивных проявлениях ведущую роль играли ангедония, пессимистическое восприятие будущего и снижение жизненного тонуса.

4. В ходе прогрессирования онкологического заболевания и повторных курсов противоопухолевого лечения наблюдалось нарастание депрессивной симптоматики.

5. Выраженные нарушения в психоэмоциональной сфере онкологических пациентов указывали на необходимость оказания медико-психологической помощи, дифференцированной в зависимости от фактора первичного или повторного обращения за лечением.

References

1. Fedorenko, Z. P., Gulak, L. O., Mihaylovich, Y. J., Goroh, E. L., Ruzhov, A. Y., Sumkina, O. V., Kucenko, L. B. (2015). Buletin Nacionalnogo Kancer Reestra №16: Rak v Ukraini v 2013-2014 rokah [Bulletin of the National Cancer Registry of Ukraine №16: Cancer in Ukraine in 2013 – 2014 years]. Kiev: National Cancer Institute. Available at:

http://www.ncru.inf.ua/publications/BULL_17/index.htm.

2. Savin, A. I., Volodin, B. Y. (2015). Osobnosti psyhogenno obuslavlennuh psyhicheskikh rastroistiv I psyhologicheskie harakteristiki onkologicheskikh bolnuh pri raznuh opuholevuh lokalizaciyah (podhod k probleme) [Features of psychogenic caused mental disorders and psychological characteristics of cancer patients with different tumor localizations (approach to the problem)]. Eruditio Juvenium, no. 3, pp. 82 – 86.

3. Bambauer, K. Z., Zhang, B., Maciejewski, P. K., Sahay, N., Pirl, W.F., Block, S.D., Prigerson, H. G. (2006). Mutuality and specificity of mental disorders in advanced cancer patients and caregivers. Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, vol. 41, no. 10, pp. 819 – 824.

4. Kaygorodova, N. Z., Lyubimova, O. M., Petrova, V. D., Paramonova, O. V. (2014). Nekotorue psyhologicheskie harakteristiki onkobilnuh v svyazi s osobennostyami psyhokorekcionnoi rabotu [Some of the psychological characteristics of cancer patients due to psychocorrection activity]. News of Altai State University, vol. 2, no. 2(82), pp. 22 – 26.

5. Holland J. C., Breitbart W. S., Jacobsen P. B. et al. (2010). Psycho-Oncology: Oxford University press.

6. Markova M. V., Piontkovska O. V., Kuzhel I. R. (2012). Stan ta perspektivu rozvitku suchasnoi psihoonkologii [State of art and development of modern psychooncology]. Ukrainian Bulletin of psychoneurology, vol. 20, no. 4, pp. 86 – 91.

7. Grassi, L., Biancosino, B., Marmai, L., Rossi, E., Sabato, S. (2007). Psychological factors affecting oncology conditions. Advances in Psychosomatic Medicine, no. 27, pp. 57–71.

УДК616.8-009:616.89-052

Юдин Михаил Анатольевич

медицинский центр «СА-КЛИНИК», ул. Кловский спуск, 10, г. Киев, Украина, 01021, E-mail: yudin.ma@gmail.com, тел. +380672233383

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ С ДИСГАРМОНИЧНЫМ САМООТНОШЕНИЕМ

Личностные качества играют важную роль в самовосприятии, отношении к собственным физическим особенностям, формировании образа тела. Целью исследования было выявить личностные особенности пациентов косметологического профиля с дисгармоничным типом самооотношения. Были выявлены существенные различия в личностных профилях женщин в зависимости от уровня гармоничности самооотношения. Профиль женщин с дисгармоничным самооотношением и завышенной самооценкой характеризовался сочетанием экстравертированности, эмоциональной лабильности, коммуникабельности, невротичности, раздражительности. Для женщин с дисгармоничным типом самооотношения и пониженной самооценкой были присущи тревожность, мнительность, эмоциональная неустойчивость, повышенная раздражительность, психическая истощаемость, интровертированность, пессимистичность, пассивно-оборонительное поведение, неуверенность, скованность, застенчивость. Женщины с дисгармоничным типом самооотношения составляют группу риска относительно развития личностной и психосоциальной дезадаптации. Медико-психологическая помощь для женщин с нарушением самооотношения важная составляющая восстановления психического здоровья и профилактики психических нарушений.

Ключевые слова: косметологические пациенты, личностные особенности, психодерматология, медицинская косметология, медико-психологическая помощь.

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF PATIENTS WITH COSMETIC PROBLEMS AND DISHARMONIOUS SELF-ESTEEM

Personal attitudes are important factors in self-perception, concern to own physical characteristics, and formation of body image. The aim of the study was to identify the personality traits of patients with cosmetic problems. Found significant differences in personality profiles between women with different level of self-esteem harmony. The personal profile of women with disharmonious high self-esteem characterized by a combination extraversion, emotional lability, sociability, neuroticism, irritability. Women with disharmonious low self-esteem had higher levels of anxiety, suspiciousness, emotional instability, irritability, mental exhaustion, introversion, pessimism, passive-defensive behavior, uncertainty, stiffness, shyness. Women with disharmonious type of the self-esteem are at risk of the development personal and psychosocial maladjustment. Psychological help for women with disharmonious self-esteem an important part of mental recovery and prevention of mental disorders.

Keywords: patients with cosmetic problems, personal characteristics, psychodermatology, medical cosmetology, psychological help.

Вступление

Медицинская косметология – это современное направления медицины, которое занимается воздействием на кожные покровы с целью коррекции дефектов, улучшения внешнего вида путем омоложения и замедления процессов старения. Современные методы косметологической медицины позволяют существенно влиять на внешний облик, моделировать образ, что делает их привлекательной альтернативной пластической хирургии [1]. Людям с хорошей красивой внешностью приписывают более положительные личностные качества по сравнению с людьми с обычным внешним видом [2]. Наличие уродующих дефектов, особенностей внешнего вида, наоборот, отталкивает окружающих. Образ идеальной женщины неразрывно связан с красотой, в следствие чего проблема привлекательного внешнего вида для женщин стоит особенно остро [3]. Учитывая психологическую, психосоциальную и биологическую значимость и ценность красоты, становится понятным желание улучшить свою внешность или как можно дольше сохранять красоту и молодость.

подавляющее большинство врачей-дерматологов отмечает важную роль психоэмоциональных факторов в развитии и течении болезней кожи [1, 4]. У пациентов, которые обращаются за косметологическим лечением определяются повышенная тревожность, симптомы депрессии, нарушения общего самочувствия, снижение активности, изменения самооценки, самоотношения, межличностные трудности [5 – 7]. Кожная патология, которая вызывает косметологические дефекты сопровождается снижением социального статуса, проблемами в профессиональной деятельности, ухудшением качества жизни [2, 3].

Эталон красоты понятие изменчивое и индивидуальное, соответственно, важно самовосприятие, отношение к собственным физическим особенностям [2, 8]. Таким образом личностные факторы играют важную роль в формировании образа тела.

Цель

Выявить личностные особенности пациентов косметологического профиля с дисгармоничным типом самоотношения.

Контингент и методы исследования

Исследование проводилось на базе медицинского центра «СА-КЛИНИК» (г. Киев) на протяжении 2014 – 2016 гг. В тестировании приняло участие 286 женщин, обратившихся за косметологической помощью. Опрошенные были разделены на 3 группы в зависимости от критерия самоотношения: группу 1 составили лица с дисгармоничным типом и тенденцией к заниженной самооценке (Г1, n=108), группу 2 – с дисгармоничным со склонностью к завышенной самооценки (Г2, n=82), группу сравнения – с гармоничным типом (ГС, n = 96). Распределение пациентов косметологического профиля на группы по критерию самоотношения основывалось на теории структуры личности и формирования образа тела. Отношение к самому себе, самовосприятие и самооценка – это важные составляющие в структуре личности, которые определяют социальное поведение индивида и имеют значение для формирования системы межперсональных отношений. Восприятие своего внешнего вида зависит как от самооценки, как компонента самоотношения, так и обуславливается субъективным восприятием своего образа тела.

Психодиагностические инструментальный – Фрайбургский личностный опросник (FPI, форма В). Статистическая обработка проводилась в MS Excel v.8.0.3., Применены параметрический t-критерий Стьюдента для выявления разницы исследуемых показателей в группах.

Результаты

В табл. 1 приведена выраженность личностных черт в исследуемых группах. У женщин из Г1 были выше уровни невротичности (5,29±1,28 баллов в Г1 против 4,88±1,50 баллов в ГС), депрессивности (5,28±1,50 баллов против 4,81±1,33 баллов), застенчивости (5,30±1,28 баллов против 4,86±1,12 баллов), эмоциональной лабильности (5,18±1,16 баллов против 4,82±1,20 баллов), тогда как у опрашиваемых с ГС – коммуникабельности (5,04±1,01 баллов против 5,33±1,16 баллов), уравновешенности (5,0±1,17 баллов против 5,31±1,04 баллов), экстраверсии (4,77±1,14 баллов против 5,23±1,29 баллов), $p < 0,05$. Существенной разницы в показателях между Г1 и ГС не было выявлено по показателям спонтанной (4,10±0,96 баллов в Г1 и 4,16±1,0 баллов в ГС) и реактивной агрессивности (4,10±0,80 баллов и 4,05±0,75 баллов), раздражительности

(5,06±1,38 баллов и 4,89±1,19 баллов), открытости (5,02±1,33 баллов и 5,18±1,59 баллов) и уровне феминных качеств (4,22±0,67 баллов и 4,24±0,72 баллов).

У женщин с дисгармоничным самоотношением и завышенной самооценкой был более высоким уровень реактивной агрессивности (4,38±1,0 баллов в Г2 против 4,05±0,75 баллов в ГС), упрощенных с гармоничным самоотношением – уравновешенности (4,98±1,01 баллов против 5,31±1,04 баллов) и застенчивости (4,52±1,04 баллов против 4,86±1,12 баллов), $p < 0,05$. Показатели касательно

невротичности (5,0±1,41 баллов в Г2 и 4,88±1,50 баллов в ГС), спонтанной агрессивности (4,40±1,10 баллов и 4,16±1,0 баллов), депрессивности (4,62±1,22 баллов и 4,81±1,33 баллов), раздражительности (5,04±1,16 баллов и 4,89±1,19 баллов), коммуникабельности (5,15±1,16 баллов и 5,33±1,16 баллов), открытости (4,94±1,45 баллов и 5,18±1,59 баллов), экстравертированности (5,33±1,50 баллов и 5,23±1,29 баллов), эмоциональной лабильности (5,10±1,21 баллов и 4,82±1,20 баллов), феминности существенно не отличались (4,35±0,87 баллов и 4,24±0,72 баллов).

Таблица 1

Выраженность личностных черт у опрашиваемых Г1, Г2 и ГС, $\bar{x} \pm \sigma$

№	Черта	Г1, n=108	Г2, n=82	ГС, n=96
1	Невротичность	5,29±1,28!	5,0±1,41!	4,88±1,50
2	Спонтанная агрессивность	4,10±0,96 ^{'''}	4,40±1,10 ^{'''}	4,16±1,0
3	Депрессивность	5,28±1,50! ^{'''}	4,62±1,22! ^{'''}	4,81±1,33
4	Раздражительность	5,06±1,38	5,04±1,16	4,89±1,19
5	Коммуникабельность	5,04±1,01!	5,15±1,16!	5,33±1,16
6	Уравновешенность	5,0±1,17!	4,98±1,01!* ^{'''}	5,31±1,04*
7	Реактивная агрессивность	4,10±0,80 ^{'''}	4,38±1,0* ^{'''}	4,05±0,75*
8	Застенчивость	5,30±1,28! ^{'''}	4,52±1,04!*	4,86±1,12*
9	Открытость	5,02±1,33	4,94±1,45	5,18±1,59
10	Экстра-интроверсия	4,77±1,14! ^{'''}	5,33±1,50! ^{'''}	5,23±1,29
11	Эмоциональная лабильность	5,18±1,16!	5,10±1,21!	4,82±1,20
12	Маскулинность/феминность	4,22±0,67	4,35±0,87	4,24±0,72

Примечание. ! - достоверность разницы на уровне $p < 0,05$ между Г1 и ГС, * - между Г2 и ГС, ^{'''} - между Г2 и ГС.

У женщин с заниженной самооценкой была большей выраженность депрессивности (5,28±1,50 баллов в Г1 против 4,62±1,22 баллов в Г2), застенчивости (5,30±1,28 баллов против 4,52±1,04 баллов), тогда как у опрашиваемых с повышенной – спонтанной (4,10±0,96 баллов против 4,40±1,10

баллов) и реактивной агрессивности (4,10±0,80 баллов против 4,38±1,0 баллов), экстраверсии при сравнении Г1 и Г2 (4,77±1,14 баллов против 5,33±1,50 баллов), $p < 0,05$.

На рис. 1 представлены личностные профили женщин с гармоничным и дисгармоничным самоотношением.

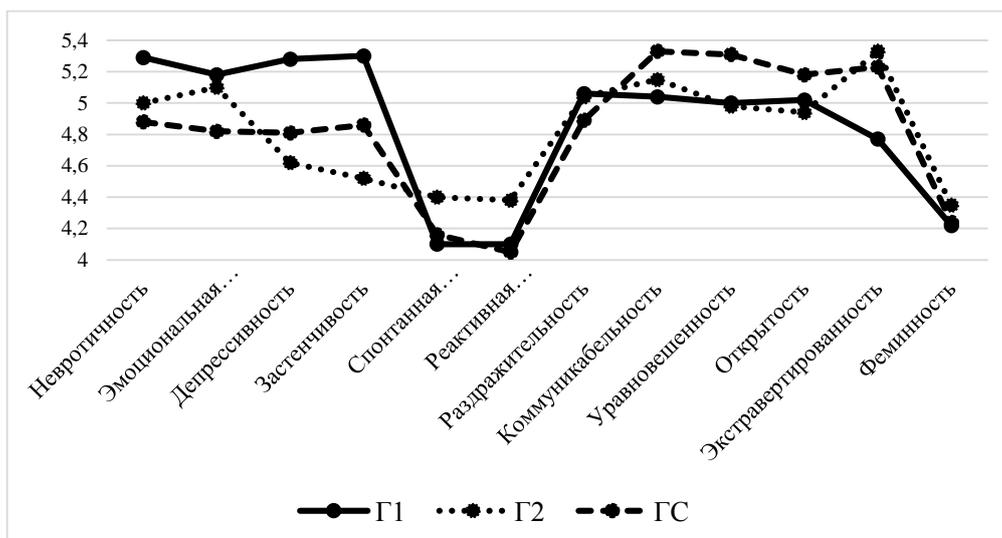

Рисунок 1. Личностные профили женщин с дисгармоничным и гармоничным самоотношением

Для женщин с дисгармоничным типом самоотношения и пониженной самооценкой были присущи тревожность, настороженность относительно реальных или воображаемых опасностей, эмоцио-

нальная неустойчивость, повышенная раздражительность, психическая истощаемость, интровертированность, пессимистичность, снижение настроения в ответ на жизненные проблемы, пассивно-оборонительное поведение, склонность к

психосоматическому разрешению внутренних конфликтов, амбивалентное отношение к своим качествам как личности, неуверенность, скованность, застенчивость.

Личностный профиль женщин с дисгармоничным самоотношением и завышенной самооценкой характеризовался сочетанием экстравертированности, демонстративности, потребности в постороннем внимании и признании, эмоциональной лабильности, требовательности и низкой терпимости к недостаткам окружающих, невротичности, раздражительности, агрессивности, коммуникабельности, однако поверхностности межличностных контактов.

Женщины с гармоничным самоотношением отличались коммуникабельностью, уравновешенностью, активностью, эмоциональной стабильностью, открытостью, умеренной экстравертированностью, оптимистичным восприятием реальности, верой в себя, положительным восприятием своей личности, высокой социальной уверенностью.

Медико-психологическая помощь для женщин с дисгармоничным самоотношением включала психокоррекцию дезадаптирующих личностных черт: осознание влияния личностных свойств на самовосприятие; усиление адаптивных качеств; повышение коммуникативной компетентности и социальной уверенности; рост стрессоустойчивости и навыков противодействия стрессу. У женщин с дисгармоничным самоотношением было важно сформировать осознание влияния личностных свойств на самовосприятие, самоотношение, самовыражение, особенности построения отношений с окружающими, выявить ведущие личностные потребности и определить более адаптивные формы их достижения.

Выводы

1. Выявлены существенные различия в личностных профилях женщин в зависимости от уровня гармоничности самоотношения. У женщин с дисгармоничным типом и пониженной самооценкой были выше уровни невротичности, депрессивности, застенчивости и эмоциональной лабильности, у лиц с завышенной самооценкой – реактивной агрессивности, неуравновешенности и самоуверенности.

2. Личностный профиль женщин с дисгармоничным самоотношением и завышенной самооценкой характеризовался сочетанием экстравертированности, эмоциональной лабильности, коммуникабельности, невротичности, раздражительности. Для женщин с дисгармоничным типом самоотношения и пониженной самооценкой были присущи тревожность, мнительность, эмоциональная неустойчивость, повышенная раздражительность, психическая истощаемость, интровертированность, пессимистичность, пассивно-оборонительное поведение, неуверенность, скованность, застенчивость.

3. Женщины с дисгармоничным типом самоотношения составляют группу риска относительно развития личностной и психосоциальной дезадаптации.

4. Медико-психологическая помощь для женщин с дисгармоничным самоотношением – важная составляющая восстановления психического здоровья и профилактики психических нарушений.

Литература

1. Beketova, N. (2014). Kosmetologicheskye protsedury v dermatologicheskoj praktike: vzglad praktyku uscheho specialista v oblasti psyhodermatologii [Cosmetic procedures in dermatological practice: point of view of practitioner in psychodermatology]. *Cosmetics and medicine*, no. 4, pp. 74–81.

2. Sats, E. A. (2015). Osobennosti samosoznaniya u zhenshin-clientov kosmetologicheskogo uslug [Features of consciousness of women as clients of cosmetic services]. *Modern problems of science and education*, no. 1-1. Available at <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18589>.

3. Aleksandrov, A. A., Bagnenko, E. S. (2012). Psichologicheskie charakteristiki zhenshin s kosmeticheskimi defektami kozhy lica [Psychological characteristics of women with cosmetic defects of the facial skin]. *Herald of psychotherapy*, no. 41(46), pp. 52 – 66.

4. Bewley, A., Affleck, A., Bundy, C., Higgins, E., McBride, S. (2013). Psychodermatology services guidance: the report of the British Association of Dermatologists' Psychodermatology Working Party. *British Journal of Dermatology*, no. 168(6), pp. 1149 – 1150.

5. Ghosh, S., Behere, R. V., Sharma P., Sreejayan, K. (2013). Psychiatric evaluation in dermatology: an overview. *Indian Journal of Dermatology*, no. 58 (1), pp. 39 – 43.

6. Filaković, P., Petek, A., Koić, O., Radanović-Grgurić, L., Degmečić, D. (2009). Comorbidity of depressive and dermatologic disorders – therapeutic aspects. *Psychiatr. Danub.*, no. 21 (3), pp. 401 – 410.

7. Bodnar, L. A. (2011). Kliniko-psihopatologični i patopsihologični karakteristiki u yakiz vertikalisy adoplastičnih hirurģivdyarhinoplastiku [Clinical-psychopathological and pathopsychological characteristics of patients who turned to plastic surgeons for rhinoplasty]. *Mental Health*, no. 1 – 2(30 – 31), pp. 4 – 7.

8. Conrado, L. A., Hounie, A. G., Diniz, J. B. Fossaluza, V., Torres, A. R., Miguel, E. C., Rivitti, E. A. (2010). Body dysmorphic disorder among dermatologic patients: Prevalence and clinical features. *Journal of American Academic Dermatology*, no. 63 (2), pp. 235 – 243.

#11 (15), 2016 część 1
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.
Częstotliwość: 12 wydań rocznie.
Format - A4, kolorowy druk
Wszystkie artykuły są recenzowane
Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.
Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#11 (15), 2016 part 1
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Each author receives one free printed copy of the journal
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>